

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю вас с началом нового учебного года! От всей души желаю успехов в педагогической и научной деятельности, новых творческих находок и благодарных учеников.

Этот номер журнала посвящен словарям русского языка. Словарь – настольная книга каждого образованного человека. Мы ставили перед собой задачу не только познакомить вас с широким спектром современных словарей, но и продемонстрировать методические приемы их использования непосредственно в учебном процессе.

Каждая эпоха порождает новые формы и инструменты обучения, и особенно плодотворным стало наше время. В журнале мы предприняли попытку дать некоторые рекомендации по использованию словарей в новом формате.

Современная методическая наука постулирует в качестве конечной цели изучения иностранного языка, да и родного, наверное, тоже формирование лингвокультурной компетенции. Лингвистика и культура стали равноправными составляющими процесса обучения. Это нашло свое отражение и в содержании словарей, которые приводят лингвистическую единицу в контексте ее культурных коннотаций. Мы достаточно подробно презентовали такие словари и практику их интеграции в процесс обучения.

С уважением,

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'I. Orekhova'.

И.А. Орехова,
главный редактор
журнала
«Русский язык за рубежом»

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЕЙ

З.П. Попова (Россия)
ЛЕКСИКОГРАФ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 4

Л.П. Крысин (Россия)
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ... 12

Г.Н. Скляревская (Россия)
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАБОТЕ
НАД «СОВРЕМЕННЫМ ТОЛКОВЫМ СЛОВАРЕМ
ЖИВОГО РУССКОГО ЯЗЫКА» 20

**Харри Вальтер (Германия),
В.М. Мокшенко (Россия)**
РУССКИЙ ЯЗЫК В ДВУЯЗЫЧНЫХ
СЛОВАРЯХ (ОПЫТ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ) 26

Е.В. Маркевич, Е.Г. Ростова (Россия)
ИНТЕРАКТИВНЫЕ РЕСУРСЫ
МУЛЬТИМЕДИЙНОГО
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО
СЛОВАРЯ «РОССИЯ»: УЧЕБНЫЙ ХАРАКТЕР
И ТИПОЛОГИЯ 32

Н.А. Максимчук (Россия)
УЧЕБНАЯ ОНОМАГРАФИЯ: СТРУКТУРА,
ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ 38

Е.Ю. Ваулина (Россия)
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ В «СОВРЕМЕННОМ
ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА» 44

Г.Ф. Богачева, А.И. Ольховская (Россия)
«РУССКИЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ 49

Е.И. Рогалева, Т.Г. Никитина (Россия)
СЛОВАРЬ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ
ДЛЯ ИНОЯЗЫЧНОГО АДРЕСАТА:
АСПЕКТЫ И ПРИЕМЫ УЧЕБНОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МАТЕРИАЛА 56

В.А. Федосов (Россия)
О ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ
УСИЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ 63

А.И. Ольховская (Россия)
УЧЕБНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ
В СТЕНАХ ИНСТИТУТА ПУШКИНА 66

ЛИНГВИСТИКА

Л.А. Араева (Россия)
РАЗДЕЛ «СЛОВООБРАЗОВАНИЕ»
В «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ 4.0»
С ПОЗИЦИИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КЕМЕРОВСКОЙ
ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ) 73

А.В. Вдовиченко (Россия)
КОММУНИКАТИВНОЕ
ОПРАВДАНИЕ ГРАММАТИКИ.
К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ УСЛОВНОСТИ
ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ 78

В.А. Маслова (Россия)
 ПРОБЛЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ
 КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
 В «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ 4.0» 85

**Н.Д. Бурвикова,
 В.Г. Костомаров (Россия)**
 ЛЮБИТЬ ЛИ КНИГУ — ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ?
 ВЗГЛЯД И НЕЧТО 89

Л.Н. Саакян (Россия)
 НОВЫЕ МЕДИА:
 ЯЗЫК СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ 93

Суй Тао (Китай)
 ЛЕКСИКА РУССКОГО
 И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
 СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ 100

Ю.Ю. Кабанкова (Россия)
 ПОНЯТИЕ ЭЛОКУЦИИ
 В АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОГОСА
 ОБРАЗА РИТОРА 103

Цун Япин (Китай)
 НАЦИОНАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ
 АССОЦИАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ЧИСЛАМИ
 В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ 107

МЕТОДИКА

Э.Г. Азимов, В.А. Жильцов (Россия)
 ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ
 ВИРТУАЛЬНЫХ МИРОВ
 В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ РКИ 111

Лара Бенеджамо (Италия)
 ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РКИ В ИТАЛЬЯНСКИХ
 ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ:
 ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ 117

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

И.А. Балашова, В.В. Рецов (Россия)
 ОБРАЗ РАССКАЗЧИКА В ПОВЕСТИ
 И.А. ГОНЧАРОВА «СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА» 121

ХРОНИКА
 127

ЛЕКСИКОГРАФ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

З.П. ПОПОВА

zoja_mak@rambler.ru
канд. филол. наук
Москва, Россия

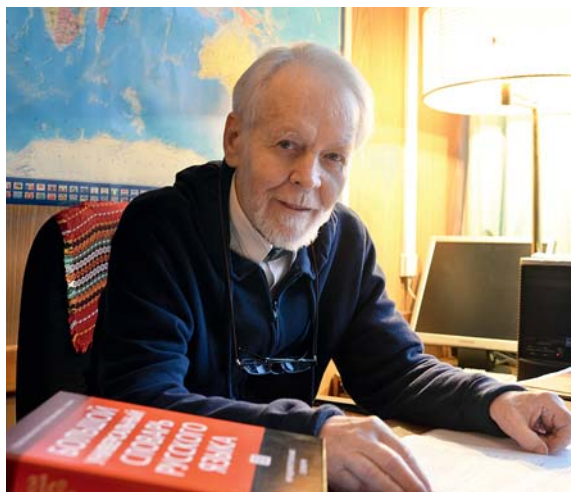
Ключевые слова:
учебная лексикография,
словарная лексикология,
слово, лексическая
единица, значение слова,
типы лексических
значений, метаязык
словаря, минимизация
лексического
и фразеологического
состава языка, учебная
лексикостатистика,
педагогическая
лингвистика, жанрово-
типологическая
классификация словарей,
лексикографическое
конструирование,
ментально-лингвальный
комплекс

В статье излагаются основные теоретические положения лексикографической концепции В.В. Морковкина, дающие представление об огромном вкладе этого ученого в развитие как учебной, так и общей лексикографии (причем не только отечественной).

Профессор В.В. Морковкин – один из самых ярких российских ученых-лексикографов и признанный лидер в области отечественной учебной лексикографии. Он является автором и соавтором около 200 научных трудов, в том числе 8 книг и брошюр монографического характера, 17 учебных словарей, многочисленных научных статей и других публикаций. Его отличительными чертами как лингвиста-исследователя и лексикографа-практика были присущий ему дух неукротимого и безбоязненного новаторства, постоянное стремление найти и предъявить новое и непременно лучшее решение вполне традиционных проблем. Если внимательно посмотреть на созданные при его участии и под его руководством словари, нельзя не обратить внимания на одно любопытное обстоятельство: практически все они носят концептуально приоритетный характер или входят в состав словарных серий, приоритетно разработанных профессором В.В. Морковкиным. Среди этих словарей мы видим: *первый* на русском языковом материале словарь сочетаемости слов, *первый* комплексный словарь, моделирующий лексическую систему («Лексическая основа русского языка»), *первый* словарь, содержащий систему градуальных лексических минимумов русского языка, *первый* словарь структурных слов русского языка (предлоги, союзы, частицы, междометия, местоимения, числительные, вводные слова, связочные и полусвязочные глаголы, связки), первые в мировой практике толково-сочетаемостные словари терминов (7 словарей общим объемом ок. 130 а.л.) и др. Постоянное и весьма интенсивное практическое лексикографирование В.В. Морковкин осуществлял параллельно с напряженным опережающим теоретизированием.

Основным направлением теоретических изысканий профессора В.В. Морковкина стала разработка научных основ рассмотрения слов в общих и учебных словарях. Он является автором целостной теории учебной лексикографии, в основу которой было положено новое понимание объема и содержательного разнообразия базовых для обсуждаемой области понятий «лексикография» и «учебная лексикография». В соответствии с этим пониманием лексикография представляет собой область филологической и инженерно-филологической деятельности, состоящей в создании словарей и других произведений словарного типа, а также в осмыслении всей суммы относящихся к этому проблем. Лексикография разделяется на теоретическую и практическую. Главным элементом теоретической лексикографии является теория лексикографии, в качестве компонентов которой выступают:

- 1) рассмотрение объема, содержания и структуры понятия «лексикография», а также ее дочерних отраслей;
- 2) словарная лексикология;
- 3) учение о жанрах и типах словарей;
- 4) учение об элементах и параметрах словаря;
- 5) учение об основах лексикографического конструирования и возможностях компьютеризации словарного дела;
- 6) учение о первичных словарных материалах;
- 7) учение о планировании и организации словарной работы;

8) выработка и формулирование лексикографических правил.

Помимо теории лексикографии в объем понятия «теоретическая лексикография» входит история лексикографии, объединяющая историю создания словарей и историю решения таких типовых лексикографических проблем, как формирование словника, грамматическая характеристика слов, отражение их многозначности, толкование и т.п.

Практическая лексикография включает в себя, во-первых, создание словарей и других произведений словарного типа, а во-вторых, накопление, преобразование и хранение первичных словарных материалов.

Учебной лексикографией предлагается называть специализированную область лексикографии, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты педагогически ориентированного описания языковых единиц в словарях и других произведениях словарного типа. В качестве основных разделов учебной лексикографии выступают теория и практика:

- 1) создания учебных словарей;
- 2) минимизации лексического и фразеологического состава языка;
- 3) учебной лексикостатистики;
- 4) создания лексических пособий словарного типа;
- 5) формирования и представления словаря в учебнике соответствующего языка.

В качестве фундаментального свойства учебной лексикографии провозглашается ее антропоцентрический характер, т.е. осознанная направленность на удовлетворение потребностей пользователей. Центральным объектом учебного лексикографирования является учебный словарь. Учебным словарем предлагается называть лексикографическое произведение *любого*

жанра и объема, специально предназначенное для оказания помощи в изучении языка как средства передачи своих и восприятия чужих информационных состояний.

Разрабатывая теоретический фундамент учебной лексикографии, В.В. Морковкин выдвинул и основал тезис о необходимости последовательно различать лингвоцентрический и антропоцентрический подходы к описанию языка и, соответственно, описательно-классифицирующую и антропоцентрическую лингвистику. Одной из филиаций антропоцентрической лингвистики является, по его мнению, педагогическая лингвистика – область языкознания, в которой язык описывается не «в себе и для себя», а с учетом того, что такое описание должно в максимальной степени отвечать потребностям обучения этому языку как его носителей, так и людей, для которых он является чужим. Антропоцентрическое (и в частности, педагогически ориентированное) описание языковых и метаязыковых сущностей строится на основе ряда принципов, к числу которых профессор В.В. Морковкин отнес:

- 1) учет «привычного» характера описываемого языка (применительно к иностранным учащимся изучаемый язык внедряется в языковое сознание, сформированное их родным языком);
- 2) ориентацию на последующую семантизацию рассматриваемого языкового материала (лингвистическое описание языковых сущностей должно быть направлено на то, чтобы сделать их последующее объяснение в конкретных условиях обучения максимально простым и эффективным);
- 3) информационную интерпретацию языковых единиц (поскольку любое объяснение есть сообщение информации, а устанавливаемые в ходе лингвистического описания свойства языковых единиц следует рассматривать как определенные информационные кванты);
- 4) учет известной дихотомии «язык – речь»;
- 5) учет специфики разных видов языковой деятельности;
- 6) ориентацию на полевое строение языковых и метаязыковых сущностей;
- 7) двойное описание системных швов (явления, которые занимают пограничное положение между двумя смежными категориями, например, между многозначностью и омонимией, между вариантностью и синонимией и т.д., т.е. находятся на системном шве, должны рассматриваться в рамках обеих таких категорий и интерпретироваться в зависимости от

того, какая именно категория описывается *hic et nunc*) и др.

Предложенный В.В. Морковкиным подход позволил ему по-новому интерпретировать целый ряд важнейших лексикологических объектов. К числу обнародованных им лексикологических суждений, обладающих свойством научной новизны, относятся определение понятия «слово», разграничение понятий «слово» и «лексическая единица», противопоставление актуальной и потенциальной многозначности, информационная концепция значения слова, типология лексических значений, лексикографически ориентированное рассмотрение сочетаемости слова, разграничение системной и контрастивной ценности слов, выделение единиц лексической системы, интерпретация термина как смысловой доминанты функционально связанного текста и др. В частности, «слово» определяется профессором В.В. Морковкиным как базовая двусторонняя языковая единица, которая характеризуется нерасчлененностью в исходной форме, служит для обозначения предметов, отношений или признаков или для выражения состояний и способна выступать в виде лингвистически значимых вариантов.

В его работах также предлагается новая концепция одного из видов лингвистически значимых вариантов – формальных вариантов слова. Категория формальной вариантности рассматривается с введением понятий «вариантообразующий элемент», «вариантная ценность слова», «вариантное гнездо», «нормативно-нормативные (в том числе паритетно-нормативные и непаритетно-нормативные) гнезда», «нормативно-ненормативные гнезда», «фантомные варианты» и т.д.

Понятия «слово» и «лексическая единица» связаны, по мнению В.В. Морковкина, отношением включения: всякое слово является лексической единицей, но не всякая лексическая единица представляет собой слово, например, *сельское хозяйство, в обрез, представлять собой, боже мой, к счастью, в силу, потому что* и т.п. – лексические единицы, но не слова. Важнейшим лексикографическим следствием приведенного разграничения является то, что словарные статьи в филологических словарях могут возглавляться не только словами, но и расчлененными лексическими единицами. С точки зрения языка (дихотомия «язык – речь») все без исключения слова являются многозначными с той лишь разницей, что у одних слов многозначность уже обнаружилась (актуальная многозначность), а у других еще не обнаружилась (потенциальная многозначность). В речи слово, как правило, однозначно, причем с точки зрения говорящего утверждение об

однозначности слова в речи носит абсолютный, а с точки зрения слушающего (читающего) – вероятностный характер.

Значением слова следует считать сопряженную с соответствующей материальной оболочкой информацию, которой необходимо обладать для того, чтобы правильно употреблять это слово в собственной речи и безошибочно понимать его в речевых произведениях других. Указанная информация объединяется в три блока.

1. Первый блок, определяющий абсолютную ценность слова, содержит сведения о денотате, т.е. о классе вне слова бытийствующих фактов, объединенных общностью существенных признаков (в рамках абсолютной ценности выделяются сигнификативное значение, сигнификативный, в том числе страноведческий, фон, денотативное значение, денотативный фон, денотативное представление). В содержательном отношении абсолютная ценность слова соответствует тому, что в традиционной лексикологии называется лексическим значением.

2. Второй блок составляют сведения, отражающие неденотативную специфику семантики слова и определяющие, таким образом, его относительную ценность (сведения о стилистическом и эмоционально-экспрессивном качествах слова, о его способности иметь синонимы, антонимы, паронимы и т.п., быть частым или редким и др.). Относительная ценность слова ответственна за локализацию слова в лексико-семантическом пространстве языка. Она привязывает слово не к действительности, а к лексической системе.

3. В третий блок собраны сведения, определяющие сочетательную ценность слова, т.е. его способность сочетаться определенным образом с определенными словами. При этом каждая семантическая денотативного значения слова служит семантическим основанием его (слова) лексической сочетаемости, иными словами, порождает эту сочетаемость (семантическую и лексемно-перечислительную, актантную и неактантную, собственную и несобственную).

Своеобразием отличается и предлагаемая в педагогической лингвистике типология лексических значений. В ней наряду с такими общеизвестными типами значений, как конкретные и отвлеченные, прямые и опосредованные, безобразные и образные, номинативные и характеризующие, свободные и системно ограниченные, предметные, признаковые, процессные, дейктические, квантитативные, ситуационные, модальные, выделяются и новые в типологическом отношении значения: реальные и феноменальные, собственные и несобственные, информационно достаточные и информационно недостаточные, речепостроительные и др.

Существенно важным для педагогической лингвистики и учебной лексикографии является установление особенных свойств слова как безотносительно к другим языкам, так и на фоне какого-либо другого языка. Особенности первого рода предлагается называть системными (они опознаются при сличении с другими словами, в чем-то сходными с данным словом и в чем-то от него отличными), а особенностями второго рода – контрастивными. К числу системных особенностей относятся любые непрогнозируемые свойства языковых единиц. Определенными системными особенностями (существенными или несущественными) обладают все без исключения слова. Если язык рассматривается с ориентацией на некоторую практическую цель, то относительно этой цели системные особенности слов разделяются на существенные и несущественные. Это позволило профессору В.В. Морковкину ввести понятие «системная ценность слова», которое он определил как меру трудности адекватного усвоения слова, обусловленную характерными для него методически существенными системными особенностями. Соответственно, контрастивной ценностью слова предлагается называть меру трудности его адекватного усвоения, обусловленную присущими этому слову контрастивными особенностями.

Важное место среди понятий, образующих лингвистический фундамент учебной лексикографии, занимает введенный В.В. Морковкиным термин «единица лексической системы». В пределах лексической системы выделяются три класса таких единиц: простые, составные и совмещенные.

1. Простые единицы лексической системы – это прежде всего слова с устраненной неоднозначностью, т.е. лексико-семантические варианты актуально или потенциально многозначных слов.

2. Составные единицы лексической системы – это объединения слов, связанных между собой отношением сходства, противоположности, иерархии или формально-семантической преемственности (порождения). Составными единицами лексической системы являются синонимические ряды, антонимические пары, омонимические цепочки, эпидигматические и словообразовательные гнезда, лексико-семантические и тематические группы, лексико-семантические поля. В качестве одной из составных единиц лексической системы выступают выделенные профессором В.В. Морковкиным таронимы (от греч. *taratto* – путаю и *onoma* – имя), т.е. лексические единицы, которые устойчиво смешиваются при производстве и/или восприятии речи вследствие их семантической,

тематической или фонетической (паронимы) смежности, ср., *выставка, вернисаж; заголовок, анилаг; смотреть, видеть; экономный экономичный, экономический* и т.п.

3. Совмещенные единицы лексической системы – это однотипно маркированные лексические пласты, например, пласты заимствованной лексики, исконной лексики, англицизмов, неологизмов, устарелой лексики, редких слов, жаргонизмов, разговорной лексики и т.п. К числу совмещенных единиц лексической системы принадлежат и выделенные профессором В.В. Морковкиным агнонимы – слова родного языка, неизвестные, малопонятные или непонятные многим его носителям, ср., *ламентация, ланка, лапчатка, ливенка* и т.п.

Предложенное понимание единиц лексической системы, помимо своих собственно лингвистических подразумеваний, позволяет по-новому подойти к решению ряда проблем теоретической и практической лексикографии, таких как создание жанровой классификации словарей, построение объемной проекции отражаемого в словарях лексического массива и т.п. Перечисленные и некоторые другие лингвистические новации, рассмотренные под лексикографическим углом зрения, образуют понятийный каркас словарной лексикологии. Ее основная цель состоит в таком теоретическом осмыслении лингвистических понятий и категорий, которое создавало бы оптимальные условия для практического лексикографирования соответствующих языковых единиц.

Разработанная профессором В.В. Морковкиным жанрово-типологическая классификация словарей носит стимулирующий характер. Она позволяет, с одной стороны, определить таксономический статус любого данного словаря, а с другой – обладает выраженной прогнозирующей силой, т.е. способностью открывать перспективу дальнейшей дивергенции лексикографических произведений. Классификация построена с опорой на «что», «как» и «для чего» основания.

1. «Что» основание отражает объект словарного описания. Им может быть определенная простая, составная или совмещенная единица лексической системы. Это основание порождает словарные жанры (лексемные, фразеологические, идеографические, концептографические, морфемные словари; словари синонимов, антонимов, жаргонов, редких слов, агнонимов и т.п.).

2. «Как» основание отражает характер рассмотрения языкового материала в словаре (лингвоцентрические и антропоцентрические, полиаспектные и аспектные, объяснительные и демонстрирующие, активные и пассивные,

Русский язык в зеркале словарей

диахронические и синхронические, формально упорядоченные и содержательно упорядоченные, гутенберговские и компьютерные, автономные и включенные и т.п.). Данное основание порождает обстоятельно-инструментальные словарные типы.

3. «Для кого-чего» основание дает возможность отразить специфику словарей, обусловленную такими факторами, как обобщенный образ адресата, его национальные, возрастные, образовательные, профессиональные и т.п. особенности, и порождает адресатно-целевые словарные типы.

Таксономические изыскания профессора В.В. Морковкина не ограничивались разработкой жанрово-типологической классификации словарей. Им предложены также широко используемая в научной литературе типологическая классификация идеографических словарей (идеографические тезаурусы, аналогические словари, тематические словари), частотных словарей (оригинальные vs компилятивные; полиаспектные vs аспектные; продуктивные vs рецептивные; частотно-графические, в том числе частотно-лексемные и частотно-словоформные vs частотно-семантические; одноязычные vs неодноязычные) и лексических минимумов (функционально не связанные лексические минимумы; функционально связанные лексические минимумы; параметрические, или аспектные, лексические минимумы и т.д.).

Ряд исследований профессора В.В. Морковкина посвящен разработке вопросов, относящихся к микро- и макроструктуре словаря. К числу такого рода вопросов относятся: метаязык словаря, левая и правая части словаря, словник и его формирование, вход в словарь, словарная статья, заголовочная единица, фонетическая и орфоэпическая характеристики слова, грамматическая характеристика слова (присловная и присловарная; минимальная, восполняющая и полная; продуктивная и рецептивная), толкование (толкования в работах В.В. Морковкина классифицируются по объекту – *номинальные* и *реальные*; по характеру предъявления объекта – *объектораскрывающие* и *объектохарактеризующие*; по предназначению – *отражающие* и *установочные*; по охвату содержания – *сигнификативные* и *денотативные*; по способу представления значения – *аналитические*, в том числе *описательные*, *иерархические*, *перечислительные* и *перифрастические*, *синтактико-ситуационные*, *переводные*, *отсылочные*; по синтаксической форме – *непредикативные* и *предикативные*) и др.

Лексикографическое конструирование как отдельная область разработанной профессором В.В. Морковкиным теории лексикографии

определяется им как инженерно-филологическая деятельность, состоящая в изобретении словарей, словарных систем и словарных серий, установлении их оптимального вида и компонентного состава, а также в разработке процедур, позволяющих с помощью композиционных преобразований сообщить словарю (словарям) максимальную информативность и удобство пользования. Основными принципами лексикографического конструирования являются принцип эффективности, принцип простоты и принцип красоты. Их осуществление должно основываться на ряде представлений:

- 1) использование порождающей силы языковых единиц;
- 2) переход от единичного лексикографирования к лексикографированию системному;
- 3) градуирование словарного описания;
- 4) разумное варьирование техники обнаружения сведений о заголовочных единицах;
- 5) намеренная неоднородность интерпретации заголовочных единиц в одном и том же словаре;
- 6) использование в словарях композиционных фрагментов, позволяющих «отсасывать» из словарных статей информацию о несобственных (групповых) свойствах заголовочных единиц;
- 7) согласное применение в одном словарном произведении разных способов расположения языкового материала (алфавитного, гнездового, идеографического и т.д.).

Результаты теоретических исследований в области лексикографического конструирования нашли отражение в созданных профессором В.В. Морковкиным детальных проспектных описаниях планируемых словарей и словарных серий. Примером такого рода описаний могут служить «Типовой проект базового учебного словаря русского языка (для лиц определенной национальности)» (М., 1985), «Проект серии толково-сочетаемых словарей терминов» (в кн. «Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев». М., 1984). На этих результатах основываются и разработанные В.В. Морковкиным новые перспективные подходы к описанию языковых, прежде всего лексических единиц (ср., синергетический подход к лексикографированию).

Заметное место среди теоретических работ В.В. Морковкина занимают исследования, направленные на установление и описание зависимостей между языком, мышлением и сознанием, а также на определение источников формирования знания, которым располагает человек. Важнейшим результатом этих

исследований явилась разработка понятия «ментально-лингвальный комплекс» (МЛК), который определяется как функционирующее на основе человеческого мозга информационное по природе триипостасное целое, которое обеспечивает восприятие, понимание, оценку, преобразование, порождение и передачу (трансляцию) информации. В рамках МЛК мышление – прежде всего динамическая ипостась, сознание – накопительно-оценочная ипостась, а язык – инструментальная и коммуникативная ипостась. Главная функция языка по отношению к мышлению заключается в расчленении информационного континуума, с которым сталкивается человек, т.е. в его представлении в виде совокупности информационных сгущений разного объема и содержания. Информационные сгущения, с помощью которых благодаря языку осуществляется мышление и функционирует сознание, суть

информемы. Информема – базовая односторонняя единица МЛК, которая представляет собой некоторую информационную целостность, отличную в определенном отношении от других имеющихся в МЛК информационных целостностей. Что касается знания, то применительно к отдельному человеку оно интерпретируется как определенным образом организованная совокупность информем (именованных и неименованных), которыми располагает его МЛК и которые обуславливают всю его деятельность. Несмотря на то, что можно говорить о разных источниках формирования знания (наследственность, практическая деятельность, устные и письменные тексты, деятельность мышления, содержание единиц и категорий родного языка), все оно, как показывается и доказывается в работах профессора В.В. Морковкина, в той или иной мере обусловлено языком. ■

Z.P. Popova

IN MEMORY OF V.V. MORKOVKIN

Educational lexicography, dictionary lexicology, lexical unit, meaning, types of lexical meanings, meta-language dictionary, vocabulary and idiomatic minimization of the language, educational lexicostatistics, educational linguistics, genre and typology of dictionaries, lexicographical construction, mental-lingual complex.

The article outlines the basic theoretical principles of V.V. Morkovkin's lexicographical concept, giving an idea of the enormous contribution of the scientist in the development of both academic and general lexicography (not only domestic).

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В.В. МОРКОВКИНА

I. Теоретические.

1. Идеографические словари. М., 1971.
2. Опыт лексикографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.
3. Основы теории учебной лексикографии. М., 1990.
4. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997. (в соавт.)
5. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. М., 1977.
6. Русско-иноязычный словарь сочетаемости, его лингвистические основы и структура // Проблемы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1977.
7. Теоретические основы лингвострановедческого словаря // Русский язык за рубежом. 1977. № 4. (в соавт.)
8. Рассуждение о некоторых лингвистических понятиях в прикладном аспекте // Русский язык за рубежом. 1978. № 6.
9. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблема сочетаемости слов / Отв. ред. Г.Ю. Князева. М., 1979. Вып. 145.

10. Слово как номинативная и коммуникативная единица // Probleme der sprachlichen Nomination. Leipzig, 1982.
11. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1984.
12. К проблеме альтернативной (антропоцентрической) лексикологии // Семантические категории языка и методы их изучения / Отв. ред. Л.М. Васильев. Уфа, 1985. Ч. 1.
13. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку / Под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трушиной. М., 1986.
14. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6.
15. О лексикографическом обеспечении профессионально ориентированного обучения русскому языку нерусских студентов // Теория и практика научно-технической лексикографии / Отв. ред. Ю.Ф. Майсурадзе. М., 1988.
16. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1988.
17. Лексическая система как объект лексикографирования // Проблемы учебной лексикографии: Состояние и перспективы развития. Симферополь, 1992.
18. Fundamentos teóricos de la lexicografía docente contemporánea // EURALEX' 90 Proceedings. Barcelona, 1992.
19. О предпосылках системного лексикографирования // Прагматика словаря / Под ред. О.Ю. Богуславской. М., 1993.
20. The Theoretical Basis of a Systematic Approach to Dictionary Making // EURALEX' 96 Proceedings I-II. Part II. Göteborg, 1996.
21. Язык, мышление и сознание // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
22. Некоторые теоретические предпосылки учебного контрастивного лексикографирования // Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков / Отв. ред. Б. Станкович. Белград, 1997.
23. О типологическом разнообразии толкований // Vocabulum et Vocabularium / Отв. ред. В.В. Дубичинский. Гродно, 1998. Вып. 5.
24. Типология лексических значений как объект словарной лексикологии // Русистика сегодня. 1998. № 3.
25. Грамматические и словообразовательные свойства русского слова в комплексном лексикографическом рассмотрении // Актуальные проблемы современной лексикографии / Отв. ред. Ю.А. Бельчиков. М., 1999.
26. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. 2001. № 2.
27. Жанры и типы филологических словарей // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. 2004. № 5.
28. Совокупности слов с заданными свойствами как объект педагогической лингвистики и учебной лексикографии: лексические минимумы // Русский язык за рубежом. 2006. № 5.
29. Формальные варианты слова: опыт системного рассмотрения // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М., 2007. (в соавт.)

30. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Материалы XI конгресса МАПРЯЛ. София, 2007. Т. 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития.
31. О лексической полисемии // Русский язык за рубежом. 2009. № 4.

II. Словари (изданные с 2000 г.).

32. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2000.
33. Денисов П.Н., Зеленова Н.К., Кочнева Е.М., Морковкин В.В. и др. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 2002.
34. Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф. и др. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова (предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы, связки). М., 2002.
35. Словарь терминов современного предпринимательства / Авт. С.Н. Белухина, В.В. Морковкин, З.П. Попова и др.; Под ред. В.В. Морковкина. М., 2002.
36. Система лексических минимумов современного русского языка / Авт. Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая, В.В. Морковкин, З.П. Попова; Под ред. В.В. Морковкина. М., 2003.
37. Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка / Авт. В.В. Морковкин, Н.О. Бёме, И.А. Дорогонова и др.; Под ред. В.В. Морковкина. М., 2004.
38. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М., 2016.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

В России началась разработка **концепции государственной языковой политики**, которую координирует Общество русской словесности под председательством патриарха Кирилла. Ключевые рабочие группы возглавили преподаватели СПбГУ, поскольку на базе этого вуза действует НИИ проблем государственного языка. Главные направления концепции – создание механизмов независимой оценки учебников и словарей, поддержка чтения, преподавание РКИ и формирование библиотек.

Группу по разработке механизмов независимой оценки учебников и словарей возглавил руководитель Центра русского языка и славистики РАО, председатель наблюдательного совета РОПРЯЛ и проректор СПбГУ С. Богданов. По его словам, в последние годы поддержке русского языка уделяется большое внимание, но четкой концепции государственной языковой политики все еще нет.

Руководитель рабочей группы по координации и экспертизе инициатив в сфере содержания школьного филологического образования, профессор СПбГУ Е. Казакова отметила, что коллектив разработчиков еще только формируется. Но принцип формирования всех групп один – максимально широкое представительство: вузы, школы, различные регионы.

Глава рабочей группы по развитию программ поддержки чтения Т. Галактионова отметила, что первым делом предстоит проанализировать уже имеющийся отечественный опыт развития чтения, в частности, предварительные итоги Национальной программы поддержки чтения, которая реализуется с 2007 г. и рассчитана до 2020 г.

По материалам сайта izvestia.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Л.П. КРЫСИН

leonid-krysin@mail.ru

д-р филол. наук,
профессор,
зав. отделом

Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Ключевые слова:
*разговорная речь,
толковый словарь,
словарная статья,
типы информации
о слове*

В статье рассматриваются свойства современной разговорной русской речи, дается характеристика составляемому под руководством автора «Толковому словарю русской разговорной речи», приводятся образцы словарных статей из этого словаря.

Для чего нужны толковые словари разговорной речи

В последние три десятилетия значительно возросла коммуникативная роль некодифицированных подсистем русского языка – разговорной речи, городского просторечия, сленга, социальных и профессиональных жаргонов. Разговорная, просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устного дискурса, – обычное явление не только во всех видах современного бытового общения, но и в публичных сферах, в СМИ. Это движение «устности», «разговорности» в указанные сферы началось, по-видимому, со времени, когда политики перестали говорить по бумажке, когда в электронных СМИ – на радио и телевидении – стали популярными разного рода устные и при этом не подготовленные заранее интервью, ток-шоу и другие формы свободного общения. Лингвисты пишут о коллоквиализации и жаргонизации публичных сфер общения, невиданных прежде и нехарактерных для русского языка недавнего прошлого, о насыщении разговорными, просторечными, жаргонными лексическими элементами не только устных и при этом неформальных разновидностей общения, но и таких коммуникативных сфер, которые традиционно считаются находящимися в зоне более или менее строгого социального контроля (ср., например, язык печатных и электронных СМИ).

В связи с этими явлениями весьма актуальным становится изучение лексических ресурсов некодифицированных подсистем языка и, в частности (а может быть, и в первую очередь), словарное их описание. Надо подчеркнуть, что при достаточно большом числе исследований, посвященных русской разговорной речи (см. ниже), ее **лексикографическое** представление как подсистемы литературного языка еще только начинается.

Правда, возникает вопрос: можно ли стихию повседневной речи, свободной от нормативных регламентаций, «заковать» в достаточно жесткие рамки современных толковых словарей?

Начатая несколько лет назад в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН работа по составлению «Толкового словаря русской разговорной речи» (далее – ТСРР) и первые публикации, связанные с этой работой, вызвали критическое отношение некоторых исследователей вплоть до полного скепсиса по поводу самой возможности такого словаря¹.

Надо сказать, что авторы этого словаря не были первыми в деле лексикографического представления современной русской разговорной речи. Например, известен «Толковый словарь разговорного

¹ См., например, статью С.К. Пожарицкой [4].

русского языка» [3], который, безусловно, представляет интерес, поскольку в нем впервые описываются слова разговорного русского языка в том понимании этой языковой подсистемы, которое близко к концепции Московской социолингвистической школы². Однако он невелик по объему (3500 слов), и помещенные в нем слова описаны далеко не во всех своих «разговорных» значениях. Еще один словарь, описывающий лексику некодифицированных сфер русского языка, – «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» [11]. Автор этого словаря руководствовался очень широким представлением о том, что такое устно-разговорная речь: ставя задачу описать все экспрессивное, чем характеризуется современный устный дискурс, он включил в словарь не только грубо-просторечную и жаргонную лексику, но и лексику обценную (то есть матерную)³.

Очевидно, что словари лексики, относящейся к некодифицированным языковым подсистемам, отличаются (должны отличаться) от нормативных словарей, описывающих лексику литературного, кодифицированного языка. Эти отличия касаются разных аспектов лексикографического представления, начиная со словника и кончая структурой словарной статьи и типов информации о слове. Важное место в той теоретической концепции, которая должна быть положена в основу при разработке словаря разговорной речи, занимает понимание природы этой речи, ее места в структуре русского национального языка.

Согласно концепции, разработанной в указанных исследованиях Московской социолингвистической школы, русская разговорная речь (далее – РР) понимается как некодифицированная разновидность русского литературного языка, которая реализуется в условиях непринужденной, заранее не подготовленной устной коммуникации людей (главным образом горожан), не находящихся в официальных отношениях друг с другом. Типичные формы такой коммуникации

– внутрисемейное и бытовое общение, «городские» коммуникативные ситуации – в магазине, на транспорте, на приеме у врача, в гостях у друзей и т.п. От других форм некодифицированной речи – территориальных диалектов, городского просторечия, жаргонов – разговорная речь отличается тем, что ею владеют носители **литературного языка**.

РР имеет свои традиции и характерные черты, отличающие ее от языка книжно-письменного. Однако в ней нет тех целенаправленных нормативных установок, которыми характеризуется книжно-письменный язык. Если и можно говорить о нормах РР, то следует иметь в виду, что они «неписанные»: они – результат традиции и стихийного развития этой подсистемы литературного языка, а не сознательной кодификации (которая фиксируется в нормативных словарях и грамматиках).

К этим главным особенностям РР, отличающим ее от языка кодифицированного, надо добавить более частные, но важные для понимания природы данной подсистемы русского национального языка.

Исследователями уже отмечалось, что РР в высшей степени (больше, чем язык в целом и, несомненно, больше, чем кодифицированный литературный язык) **антропоцентрична**: наибольшая специфичность РР и, в частности, ее лексики проявляется в обозначении жизни и деятельности человека – ежедневного быта, питания, здоровья, физического и психического состояния, его отношений с другими людьми, тех ситуаций, в которых он осуществляет свою повседневную деятельность. Наиболее развитые лексико-тематические группы РР: *Семья; Работа; Еда и питье; Физические характеристики человека; Его душевное состояние; Речевая деятельность; Болезни и их лечение; Сферы обслуживания (магазин, коммунальные службы, Сбербанк...); Транспорт; Отношения между людьми (сотрудничество, конфликты, любовь, дружба...); Техника (компьютер, автомобиль, бытовая техника...)* и др.

Это обстоятельство заставляет составителей «разговорных» толковых словарей обращаться в первую очередь к лексике соответствующих тематических групп, например, таких, как:

- ‘семья и дети’: *малыш, малышня, грудничок, карапуз, садик ‘детский сад’, ходунки, какать, писать, пререкается, распекасть, сидеть* (с ребенком) и т.д.;
- ‘внешность, характер, ум, поведение человека’: *амбал, алкаш, баба* (о мужчине), *бабник, баламут, барин, бездельник, верзила, вертихвостка, ворчун, врун, гигант* (без дополнения, в оценочных

² Имеется в виду цикл работ, выполненных по инициативе М.В. Панова и под руководством Е.А. Земского в 70–80-е гг. XX в. [1–2, 6–8] и др. Кроме «московских» работ по РР, имеется большое число исследований, выполненных другими учеными; в них, как правило, представлено иное понимание самого термина **разговорная речь**: см., например, работы О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой и ее научной школы, Кв. Кожевниковой, О. Кафковой и др., – обзор различных точек зрения на природу и функциональный статус разговорной речи см. в главе I книги «Русская разговорная речь» [6].

³ См. достаточно аргументированную критику позиции В.В. Химика в рецензии Э.Г. Шимчук [12].

контекстах типа: *Ну ты гигант!*), *добряк*⁴, *дохляк*, *доходяга*, *дуб*, *дубина*, *дылда*, *егоза*, *лодырь*, *недомерок*, *остолоп*, *подпевала*, *подлиза*, *подлипала*, *подхалим*, *пройдоха*, *проньера*, *прохиндей*, *псих*, *сморчок*, *страхолюдина*, *страшила*, *стучач*, *тупица*, *ходок* ('любитель женщин, ловелас'), *шизик*, *ябеда*; *башковитый*, *глазастый*, *головастый*, *грудастая*, *губастый*, *зубастый*, *мордатый*, *мордастый*, *настырный*, *нахрапистый*, *носатый*, *рукастый*, *сисястая*, *ушастый*, *щекастый*, *языкастый*, *языкатый* и т.д.;

- слова, в одном из своих значений сравнивающие человека с животным: *баран*, *бирюк*, *боров*, *верблюд*, *ворона*, *гнида*, *горилла*, *гусь*, *дятел*, *жаба*, *жеребец*, *жираф*, *жук*, *заяц*, *змея*, *индюк*, *ишак*, *кабан*, *кобель*, *кобыла* (о рослой и сильной женщине), *курица*, *кот* (о распутном мужчине), *кошка*, *корова* (о неповоротливой женщине), *лиса*, *медведь*, *обезьяна*, *осел*, *паук*, *петух*, *сука*, *червяк*, *шавка*, *шакал* и т.д.⁵;

⁴ Положительная оценка человека в большинстве случаев выражается либо нейтральным, либо книжным существительным и очень редко – разговорным: ср. слова типа *красавец*, *красавица*, *силач*, *умница*, *умник* (в словарях толкуется как 'умный человек, умница'), однако в современной РР *умник* употребляется скорее не нейтрально, а иронически – о том, кто умничает).

⁵ Как видно из этих примеров, сравнения человека с животным миром обычно имеют пониженный стилистический статус. Это касается не только слов перечисленного типа, метафорически употребляемых по отношению к человеку и имеющих неодобрительную стилистическую окраску, но и действий: *гавкать*, *гоготать*, *выть*, *ишачить*, *каркать*, *крякать*, *кудахтать*, *раскудахтаться*, *куковать*, *кукарекать*, *лаять* (и *лаяться*), *набычиться*, *петушиться*, *рычать*, *скулить*, *собачиться*, *хрюкать*, *чирикать*, *шипеть* и т.п. Ср. также толкования глаголов, имеющих статус общелитературных, и тех же глаголов, которые употребительны в РР: например, в «Малом академическом словаре» *жрать* в основном своем значении не имеет стилистических помет и толкуется как «есть с жадностью (о животных)»; этот же глагол, употребляемый применительно к человеку, квалифицируется здесь как просторечный и имеющий пренебрежительную стилистическую окраску (пометы *прост.* и *пренебр.*). Сравнения человека с животным, имеющие положительный знак, немногочисленны: *лев*, *орел*, *лань*. По-видимому, и сравнение человека и его действий с «вещным» миром также не нейтрально стилистически; ср., например: *У него не руки, а грабли*; *Котелок не варит; костыли* – о ногах; *рубильник* – о большом носе; *Не разевай варежку*; *Чего ты шарыто выкатил?* (о глазах). Несомненно, это грубое просторечие, но одновременно это и элементы нашей повседневной речи, как ни хотелось бы нам видеть в этом лишь засорение языка.

- 'физически воздействовать на живой объект': *влепить*, *вмазать*, *всаживать*, *дубасить*, *заехать*, *залепить*, *засадить*, *колошматить*, *лупить*, *навалить*, *оглушить*, *отделать*, *отколотить*, *садануть*, *толкануть*, *хряннуть* и т.д.;
- 'интенсивно делать что-л.': *вкляивать*, *горбатиться*, *жарить*, *ишачить*, *наяривать*, *шпарить* и т.д.;
- 'еда и питье': *вкуснятина*, *гудеть* (о пьянстве), *жрать*, *жрочка* 'еда', *закладывать* 'иметь пристрастие к спиртному', *набухать* (*Зачем ты сюда столько соли набухала?*), *накромсать* (*Целую гору хлеба накромсал*), *перекусить*, *перехватить* и т.д.;
- 'прийти в какое-л. состояние или быть в нем': *балдеть*, *набычиться*, *надуться*, *обалдеть*, *остолбенеть*, *отключиться*, *очухаться*, *ошалеть*, *париться*, *развезти* (например, от выпитого вина), *разнюниться*, *разреваться*, *рассопливиться*, *растаять*, *угомониться* и т.д.;
- 'потерпеть неудачу (физически, интеллектуально или нравственно)': *влипнуть*, *вляпаться*, *опростоловолиться*, *зевнуть*, *проворонить*, *сверзиться*, *растянуться* 'упасть', *грохнуться*, *обмишулиться*, *провалиться* (*на экзамене*), *срезаться* и т.д.;
- 'вступать/вступать в конфликт': *облаять*, *поругаться*, *полаяться*, *разодраться*, *разругаться*, *собачиться*, *схватиться*, *сцепиться* и т.д.;
- 'обмануть кого-л., причиняя ему вред': *обобрать*, *облапошить*, *обставить*, *обчистить*, *объегорить*, *нагреть* и т.д.;
- 'речевая деятельность': *вякать*, *брякнуть*, *долдонить*, *бубнить*, *заткнуть*, *кипятиться*, *ляпнуть*, *наушничать*, *огорошить*, *перечить*, *пререкаться*, *талдычить*, *трещать*, *шипеть* и т.д., в частности, 'воздействовать на кого-л. с помощью слов, высказываний': *распатронить*, *пропесочить*, *жучить*, *канючить*, *клянчить*, *наехать*, *расчихвостить*, *хамить* и т.д.

Столь обширные перечни слов и групп слов, характерных для современного повседневного речевого употребления, приведены здесь для того, чтобы показать: далеко не все из них получают описание в современных толковых словарях (по преимуществу нормативных), а кроме того, чтобы читателю стало понятно, каковы те смысловые и стилистические ряды лексики, которые составляют объект описания в толковых словарях разговорного языка.

Русская разговорная речь начала XXI в. по сравнению с периодом, представленным в работах Московской социолингвистической школы, претерпела некоторые изменения.

Они касаются состава словаря РР и соотношения различных стилистических ее слоев: появились новые номинации, слова, выражающие оценку человека и событий, некоторые лексемы ушли или уходят из активного употребления. Стилистические изменения вызваны массовым проникновением в РР элементов просторечия и жаргонов, смещением ряда экспрессивно-стилистических характеристик слов, передвижением – в пределах РР – некоторых групп лексики из одних функционально-стилистических слоев в другие.

Например, слова и обороты, традиционно присущие внутригрупповому или, во всяком случае, непубличному общению, имеющие в словарях пометы *прост.*, *жарг.*, *груб.*, *вульг.*, в современных условиях устной коммуникации могут использоваться не только в фамильярном общении хорошо знакомых друг с другом людей, но и, например, в публичной (но при этом также устной спонтанной) речи журналистов, политиков, представителей власти, депутатов Госдумы и других групп носителей литературного языка. Ср. слова, составляющие так называемый общий сленг, то есть такой слой лексики жаргонного происхождения, в котором утрачены следы каких-либо конкретных социальных жаргонов и который хорошо знаком носителям литературного языка и используется ими в неофициальном общении⁶: *беспредел*, *крутой* (парень), *кинуть* ‘обманным путем выманить деньги’, *наехать* ‘напасть с угрозами, желая добиться чего-л.’, *обложить* ‘грубо обругать’, *отморозок* ‘человек, лишенный каких-л. моральных принципов’, *отмывать* (деньги), *прокол* ‘неудача, ошибка’ и т.п.

Изменилась, расширилась сфера применения РР: наряду с бытовыми, обиходными ситуациями – наиболее типичными для функционирования этой разновидности литературного языка – в круг активного ее использования вовлекаются и некоторые формы публичной коммуникации.

Можно говорить также об определенной *разношерстности* лексики, которая составляет словарь современной РР, в социальном и территориальном отношениях. Это, с одной стороны, вполне «интеллигентные» слова и обороты с давней устно-бытовой традицией типа: *авось*, *баловник*, *всыпать* ‘наказать’, *втереться* (в доверие), *докопаться* (до истины), *ерунда*,

завзятый, *заядлый*, *зевака*, *зуботычина*, *изворачиваться*, *изовратиться*, *клянчить*, *кляузник*, *кухня* ‘закулисная сторона чего-л.’, *смешаться* ‘смутиться’, *сорвать* (заседание), *укачать* (за границу), *язвить* ‘отпускать колкие замечания в чей-л. адрес’ и т.п., а с другой – разнообразные по степени стилистической сниженности единицы типа *втихаря*, *козел* (как оскорбление – о мужчине), *откат*, *пялиться* (на кого-л.), *разборка*, *слинять* ‘незаметно уйти’, *собачиться*, *соскочить* (с иглы), *туфта*, *тягомотина*, *хайло*, *халява*, *чумовой*, *шакалить*, *штука* ‘тысяча рублей’ и т.п., хотя и имеющие нередко на себе «следы» определенной социальной среды, их породившей, но все же весьма употребительные в непринужденной речи современных носителей литературного языка.

Несомненны *возрастные* различия в использовании лексики, относимой к разговорной: та часть молодежи – например, студенты, школьники-старшеклассники, – которая является носительницей литературного варианта русского языка, в непринужденных ситуациях регулярно прибегает к жаргонной лексике, к которой представители старшего поколения относятся весьма сдержанно и в собственной речи используют мало. С другой стороны, в речи старшего поколения все еще достаточно активны слова и обороты, характерные скорее для разговорной речи недавнего прошлого, чем для современной устно-разговорной практики (например, *блудливый*, *богатеи*, *вертопрах*, *зевака*, *зуботычина*, *колготиться*, *объегорить*, *оглоушить*, *торкнуться*, *транжирить*, *трахнуть* ‘с силой ударить’ и др.).

Разговорная лексика – во всяком случае, некоторая ее часть – маркирована и в *территориальном* отношении. О различиях в бытовых номинациях, принятых у москвичей и у петербуржцев, писалось неоднократно (петербургские *вставочка* и *поробриск* сделались хрестоматийными примерами своеобразия бытовой речи жителей Северной столицы). Схожие различия наблюдаются и в других городах и регионах России⁷.

ТСРР не претендует на отражение в нем всех и даже большинства особенностей разговорной речи России во всем ее территориальном многообразии. В этом словаре дается описание преимущественно разговорной лексики культурных центров нашей страны – Москвы и (в меньшей степени) Петербурга.

⁶ О понятии сленга применительно к русскому языку см. книгу Р.И. Розиной [5].

⁷ Интересные факты регионального варьирования лексики приводятся в работах В.И. Беликова: см. основанный им интернет-форум «Городские диалекты».

Русский язык в зеркале словарей

Как представлена разговорная лексика в «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРР)

Словник этого словаря составлен с использованием различных лексикографических источников⁸ и содержит около 13 тыс. слов, принадлежащих преимущественно разговорной разновидности современного русского литературного языка, а также городскому просторечию, сленгу, некоторым социальным и профессиональным жаргонам. Основанием для включения в словник разговорных, просторечных, сленговых и жаргонных слов послужили: а) наличие при слове или каком-либо из его значений словарной пометы *разг.*, а также помет *прост.*, *жарг.* и б) их достаточно широкая употребительность в устной речи носителей литературного языка и в языке СМИ: ср., например, такие слова, как *беспредел*, *возникать* (протестовать, возмущаться), *выпендриваться*, *гомик*, *крутой* (парень), *левый* (заработок, товар), *откат*, *отстегнуть* (полтыщи баксов), *придурак*, *прослушка*, *пудрить* (мозги), *скачать* (файл из Интернета), *сливать* (компромат), *телега* (накатать телегу в прокуратуру), *ухайдакать*, *хапуга*, *химичить*, *шизик*, *шлепнуть* 'убить' и т.п.

Структура словарной статьи в ТСРР

Типовая словарная статья ТСРР имеет вид последовательности зон, в каждой из которых содержится один вид информации о слове, существенной для его понимания и правильного употребления в повседневных ситуациях общения, — о его морфологии, синтаксисе, стилистической характеристике, семантике (толкование), парадигматических связях, прагматике. Зоны словарной статьи разделяются метками, указывающими на характер сведений, содержащихся в данной зоне:

DEF: толкование и иллюстративные примеры;

MORPH: морфологические сведения;

SYNT: сведения о синтаксических характеристиках слова;

STYL: стилистические пометы;

SYN: синонимы;

ANT: антонимы;

CONV: конверсивы;

ANALOG: аналоги;

PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом, включая его (их) толкование;

PRAGM: условия — контекстные, ситуативные, социальные и т.п. — употребления данной единицы в речи; в этой зоне возможны также

сведения энциклопедического характера — об обозначаемой словом реалии.

Образцы словарных статей

В приводимых ниже примерах словарных статей ТСРР иллюстрируются по возможности разные типы лингвистической информации о разговорном слове — его морфологии, синтаксисе, стилистической принадлежности и стилистической окраске, о словах, синонимичных данному (зона SYN), словах с противоположным смыслом (зона ANT) или имеющих с данным словом общие смысловые компоненты (зона ANALOG), о фразеологизмах, образованных на основе данного слова. Для читателя, изучающего РКИ, особое значение имеют те сведения, которые касаются условий употребления слова в устных формах русского языка; они даются в зоне PRAGM и помогают не только правильно понимать смысл слова, но и уместно употреблять его в зависимости от типа коммуникативной ситуации и от характера социальной среды, к которой принадлежит человек, использующий данное слово⁹.

БОМЖ.

DEF: человек без постоянного места жительства и определённого занятия. *Оперативники столичного уголовного розыска отловили двух бомжей* (Криминальная хроника, 08.07.2003); *Кристиан приехал, одетый, как бомж, в бежевом свитере и потёртой джинсовой куртке* (С. Спивакова. Не всё); *Но вот чем Москва переплюнула Питер, так это бомжами* (Столица, 13.05.1997).

MORPH: м.; одуш.

SYN: бич, бродяга, бродяжка.

PRAGM: слово представляет собой результат сокращения словосочетания *без определённого места жительства* и вошло в общее употребление из милицейских протоколов.

⁹ Тексты словарных статей содержат следующие сокращения: *м.*, *ж.*, *с.* — мужской, женский, средний род сущ. (соответственно), *одуш.* — одушевленное сущ. (форма В.п. которого совпадает с формой Р.п.), *сов.* — форма совершенного вида гл., *несов.* — форма несовершенного вида, *безл.* — безличный гл. или безличное употребление личного гл., *ист.* — историзм (слово, обозначающее предмет или явление, характерные для прошлого), *прил.* — прилагательное, *междом.* — междометие, *сниж.* — сниженное (по стилистической окраске), *неодобр.* — неодобрительное, *пренебр.* — пренебрежительное, *молод.* — молодежный жаргон, *фам.* — фамильное, *эвфем.* — эвфемизм. В записях устной речи используются два условных знака: / обозначает паузу внутри высказывания, а // — паузу в его конце.

⁸ Подробнее об этом см. «Толковый словарь русской разговорной речи» [9; 10: 173].

ДВУШКА.

1. DEF: монета достоинством в две копейки. *Он поднялся в холл, посмотрел на себя в зеркало и занял очередь к телефону. Потом, сообразив, что может позвонить и по автомату, нащупал в кармане двушку и завернул за угол* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы); *На, Алла/ возьми двушки, пока не забыла//* (Запись устной речи, 1972); *Слушай, меня жена задушит, /Не трать напрасно двушек, /Закончим разговор* (популярная в 70-е гг. песня, которую исполняли И. Корнелюк и Э. Пьеха).

MORPH: ж.

SYN: двухкопеечная.

STYL: *ист.*

ANALOG: гривенник, двугриденный, десятикопеечная, полтинник (в 1 знач.), пятак, пятиалтынный, пятнашка (в 1 знач.).

PRAGM: в советское время с помощью двухкопеечной монеты можно было звонить по городскому телефону-автомату, поэтому номинация *двушка* прочно ассоциировалась с данной актуальной ситуацией городского общения. Ср. типичную просьбу тех лет: *У вас двушки не найдётся/ срочно позвонить надо//*

2. DEF: отдельная двухкомнатная квартира. (О квартире своих знакомых:) *У них двухкомнатная/ но очень удобная/ вообще их двушка лучше даже нашей трёшки//; А вообще я думаю, что если кто в однокомнатной пожил, тот и в двушке как-нибудь разместится* (Блоги, 2010); *Вашу четырёхкомнатную/ вы спокойно на две двушки разменяете//* (Запись устной речи, 1991).

MORPH: ж.

ANALOG: однушка, трёшка (во 2 знач.)

PRAGM: в этом значении слово пришло в повседневную речь из профессионального жаргона риелторов.

ЗАВАЛЯЩИЙ

DEF: настолько не имеющий ценности, что никому не нужен. *Принёс букетик какой-то завалящий и всё//; Никакого ухажёра/ даже самого завалящего нету//* (Записи устной речи, 2003, 2007); – *Дамочки наши инопланетян посмотреть хотят или хоть тарелочку завалящую* (А. Берсенева. Возраст третьей любви); – *А это уж... вообще паскудное дело – судить о человеке по машине, на которой он ездит! – Значит, какая-то завалящая... А всё-таки есть? – И совсем не завалящая! А «БМВ»!* (А. Мишарин. Белый, белый день).

MORPH: *прил.*

STYL: *пренебр.*

SYN: вшивый (во 2 знач.), ерундовый, жалкий, задрипанный, занюханый, плохонький, чепуховый.

Ё-МОЁ.

DEF: эмоциональное восклицание по поводу той или иной ситуации. – *Ё-моё/ опять каблук сломался!*; – *Ё-моё/ вот это машина! Настоящий вездеход!* (Записи устной речи, 1998, 2001); – *Ё-моё, – говорил он себе негромко, изумленный, – да она просто красавица!* (В. Шукшин. Калина красная).

MORPH: *междом.*

SYNT: обычно в начале высказывания.

STYL: *эвфем.*

SYN: ёксель-моксель, ёлки-палки.

ANALOG: блин.

ЛЕЗТЬ.

DEF: вмешиваться. *Не лезь в чужую жизнь, если тебя не просят* (В. Токарева. Своя правда); *Не исключено, что будь я в состоянии рассуждать здраво, я бы решил в это дело не лезть* (В. Белоусова. Второй выстрел); *Это тебя не касается. Не лезь не в свое дело* (П. Дашкова. Продажные твари); *Есть очень душевные люди среди народа моего, а есть, которые лезут не в своё дело, когда их не просят* (М. Тёмкина. Комиксы на этнические темы); *Свекровь всё время лезет в наши дела. Достала!*; *Я в его жизнь никогда не лезла. Вот пусть и в мою не лезет* (Блоги, 2013).

MORPH: *несов.; сов. нет.*

SYNT: *во что.*

STYL: *неодобр.*

SYN: *ввязываться, навязываться.*

PHRAS: *лезть (полезть) в бутылку* (*сниж., неодобр.*) – *злиться (разозлиться), обижаться (обидеться) без достаточных оснований. Андрею не нужно было лезть в бутылку, а извиниться* (Блоги, 2013); *Ну тот, дело известное, полез в бутылку – стал угрожать* (Е. Пермитин. Ручьи весенние); *лезть на глаза* – стараться быть замеченным, быть на виду. *Обновляют фото бывшие, лезут на глаза продюсерам, звёздами когда-то слышшие; Да пусть она одевается, худеет, но ведь надоела уже до смерти. Зачем лезть на глаза постоянно? Ведь тошнит уже от такого количества Аллы Борисовны* (Блоги, 2013); *лезть на рожон* – предпринимать заведомо рискованные действия, сулящие большие неприятности. *И нечего лезть на рожон, себя и других беспокоя. Мужчины гуляют от жён, – такое проклятье мужское* (М. Танич. И нечего...); *Я сделал всё – и всё оставил, в моей икре почти нет правил,*

и мой герой не держит строй и лезет на рожон (Блоги, 2007); лезть с советами (неодобр.) – давать непрошенные советы. Зачастую мы молчим, чтобы не обидеть других, которые лезут к нам с советами; Опять я лезу с советами. Как тот персонаж из фильма «Окно в Париж»; Мои золовки тоже, наверное, не всегда согласны с моими методами взращивания детей, но ко мне с советами не лезли никогда (Блоги, 2012, 2013); лезть из кожи (вон) – чрезмерно стараться. Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи (Блоги, 2013); Наши ребята и девчонки из кожи вон лезут, и это им мешают (Д. Васильев. Может, не надо лезть из кожи...); не лезет ни в какие ворота (неодобр.) – совершенно неприемлемо, никуда не годится. Доктор Цветков совершенно прав: делать операции такого рода без рентгена в наш век – это не лезет ни в какие ворота (Ю. Герман. Дорогой мой человек); ...цены на сыпучие материалы выросли с 360 до 800 рублей за тонну, в то время как в среднем по стране они составляют 250–400 рублей. «Это ни в какие ворота не лезет», – возмутился Медведев (Блоги, 2012); хоть в петлю лезь – быть в крайнем отчаянии. – Жить, честно признаюсь, стало просто невыносимо. Хоть в петлю лезь. Только ты ей об этом не говори... (Б. Левин. Инородное тело); У меня вот драма на личном фронте/ хоть в петлю лезь// (Разговор двух подруг // Из коллекции НКРЯ, 2006).

ОТПАД!

DEF: употребляется для выражения сильного восхищения. Там играют совсем другие актёры. Фильм на все времена. Отпад! (Обсуждение фильма «Все умрут, а я останусь» // Форум, 2010–2011); – Ликёр из мандариновых шкурок. Полный отпад. – Сам делал? (М. Петросян. Дом, в котором...); – Музон там везде/ отпад! – Да/ музыка/ что надо// (Разговор о компьютерных играх

и фильмах // Из материалов Ульяновского университета, 2006); А помидорчики/ помидорчики попробуй/ отпа-ад! (К/ф «Из жизни отдыхающих», 1980); – Как я вам/ а? – Отпад! Вы... вы даже помолодели/ Людмила Прокофьевна// (К/ф «Служебный роман», 1977); Молодая, ноги длинные, красавица – ну просто отпад! (Комсомольская правда, 30.12.2005).

MORPH: междом.

SYNT: употр. обычно в качестве самостоятельного высказывания; может сочетаться с усилительными словами просто, полный (просто отпад!, полный отпад!).

STYL: молод.

SYN: блеск!, жесть!, кайф!, класс!, супер!, улёт!, шик.

ANT: отстой!

PHRAS: (быть) в отпаде – (быть) в изумлении, потрясении. На первой репетиции с листа так прочёл, что все в отпаде... (М. Козаков. Актёрская книга); А я вся такая нарядная – он в отпаде! (Комсомольская правда, 13.02.2004).

В заключение надо еще раз подчеркнуть, что специфика разговорной лексической или фразеологической единицы по сравнению с единицами кодифицированных подсистем языка часто бывает связана с условиями устной коммуникации, поэтому указание на такие условия является одним из важных компонентов лексикографической информации. Тем самым словарь, описывающий лексику повседневного городского общения, существенно отличается от толкового словаря лексики литературной: в «разговорном» словаре, с одной стороны, нет установки на кодифицированную норму (но стихийно сложившиеся нормы разговорной речи как некодифицированной сферы национального языка должны быть отражены в полной мере), а с другой – присутствует стремление зафиксировать все специфические свойства разговорного, просторечного или жаргонного слова, включая особенности его употребления в неприужденных ситуациях речевого общения. ■

Статья написана в рамках проекта «Лексикографическое представление современной русской разговорной речи», получающего финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-04-00263а).

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1978.
2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширияев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
3. Курилова А.Д. Толковый словарь разговорного русского языка. М., 2007.

4. Пожарицкая С.К. О возможности словарного описания разговорной речи // Русский язык в научном освещении. 2009. № 17.
5. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и в современном сленге. Глагол. М., 2005.
6. Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. М., 1973.
7. Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М., 1978.
8. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е.А. Земской. М., 1983.
9. Толковый словарь русской разговорной речи. Предисловие. М., 2014.
10. Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2010.
11. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
12. Шимчук Э.Г., Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи // Русский язык в научном освещении. 2006. № 12.

L.P. Krysin

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF EVERYDAY SPEECH IN AN EXPLANATORY DICTIONARY

Everyday speech, colloquial words, dictionary entry, types of information about a word.

The article considers characteristics of contemporary everyday Russian speech and types of information for its lexicographic description. It is illustrated by examples from the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech, which is compiled under the supervision of the author of this article.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

В июле 2016 г. в индийском городе Майсуре проходила XIV Международная олимпиада по лингвистике. На этот раз в ней приняли участие 170 школьников из 31 страны. Все 8 участников олимпиады, представлявших Россию, получили по итогам своего выступления медали.

Международные олимпиады по лингвистике проводятся с 2003 г. Прообразом этого соревнования стали московские Традиционные олимпиады по лингвистике, первая из которых состоялась еще в 1965 г. В ходе олимпиады школьникам предлагаются лингвистические задачи на материале различных языков, для решения которых знания этих языков не требуется. Задачей может быть перевод фраз с незнакомого языка на основе имеющихся данных, расшифровка экзотической письменности и т.д. В ходе индивидуального тура участникам предлагается пять задач. Затем следует командный тур, где команды, состоящие из четырех школьников, должны справиться с одним заданием.

На этот раз, решая задачи индивидуального тура, участникам было необходимо разобраться в системе пространственной ориентации в языке аралле-табулахан (Индонезия), древней лувийской иероглифике, грамматике кунузского нубийского языка (Египет), лексике языка ятмул (Папуа — Новая Гвинея) и морфологии языка хакару (Перу). В ходе командного тура нужно было верно сопоставить аудиозаписи на южноафриканском языке таа (къхонг) с их транскрипциями. Справиться с этим за отведенные четыре часа было непросто, так как в этом языке есть около ста щелкающих звуков.

Россию на олимпиаде представляли победители XLVI Традиционной олимпиады по лингвистике. Из них были образованы две команды, носившие названия «Белка» и «Стрелка». В индивидуальном туре все российские школьники получили медали. Золотыми медалями награждены Екатерина Волошинова (Санкт-Петербург, 9-й класс), Иван Самоделкин (Москва, 11-й класс) и Полина Наследскова (Москва, 11-й класс). Серебро досталось Анне Татаренко (Москва, 11-й класс), Юлии Панченко (Москва, 10-й класс) и Марии Аристовой (Москва, 11-й класс). Бронзовые медали получили Даниил Веденев (Санкт-Петербург, 10-й класс) и Елена Шукшина (Пермь, 11-й класс). По среднему баллу, набранному на индивидуальном туре, обе команды вошли в тройку лучших, причем команда «Белка» уступила победителю по данному критерию — одной из команд США — всего полбалла.

Следующая Международная олимпиада по лингвистике состоится в августе 2017 г. в Дублине.

По материалам портала Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина (pushkin.institute)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАБОТЕ НАД «СОВРЕМЕННЫМ ТОЛКОВЫМ СЛОВАРЕМ ЖИВОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»

Г.Н. СКЛЯРЕВСКАЯ
gsklyarevskaya@mail.ru
д-р филол. наук,
профессор
Санкт-Петербургского
государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

В статье представлены новые словарные технологии, используемые при составлении фундаментального «Современного толкового словаря живого русского языка», который разрабатывается в СПбГУ под общим руководством автора. К ним относятся, во-первых, применение нового, системного принципа формирования корпуса словаря, в соответствии с которым автор-составитель разрабатывает не алфавитный «отрезок» словника, а блок словника, системно обоснованный по семантическому, полемому, тематическому, словообразовательному или какому-либо другому принципу. Во-вторых, использование лексикографической разметки развернутой структуры словарной статьи посредством специально разработанного шаблона стилей для Word (каждой зоне словарной статьи присваивается определенный стиль), что обеспечивает а) необходимую глубину проработки и унификацию основных аспектов словаря в процессе работы над ним и б) возможность автоматизации электронной версии и оригинал-макета печатной версии при издательской подготовке словаря к публикации.

*Светлой и доброй памяти
Валерия Вениаминовича Морковкина*

Ключевые слова:
*компьютерная
лексикография, словарь,
лексикографические
технологии,
принципы и методы
лексикографирования,
словарные унификации*

«Современный толковый словарь живого русского языка» (рабочее название «Нормативный толковый словарь живого русского языка», далее – Словарь) разрабатывается в Лаборатории компьютерной лексикографии Санкт-Петербургского государственного университета. Общая характеристика Словаря, его отличительные особенности, типовые признаки и лексикографические параметры неоднократно обсуждались на конференциях и представлены в публикациях руководителя и авторского коллектива [2, 4], поэтому в данной статье мы считаем возможным только в самом общем виде отметить основные отличительные признаки Словаря и остановиться на новых технологиях, используемых при его создании.

К особенностям Словаря, отличающим его от других подобных изданий, могут быть отнесены следующие.

1. Сочетание обширного словника с глубокой семантической разработкой.

2. Показ функционирования языка, собственно говоря, его «живой» характер. Это достигается иллюстрированием каждого лексико-семантического варианта слова широким набором разнообразных типовых примеров-речений.

3. Использование разветвленной и разноаспектной системы стилистических и функциональных помет, которые имеют тройную лексикографическую нагрузку: а) служат цели отражения функциональной и стилистической стратификации лексики; б) выполняют кодифицирующую

и нормализующую функции Словаря; в) являются другим средством показа жизни слова (наряду с массивом иллюстраций-речений).

4. Более широкое, чем это принято в отечественной лексикографии, описание терминологии разных областей знаний.

5. Использование новых лексикографических технологий.

Под технологией мы понимаем *систему последовательных действий, направленных на достижение определенных целей в различных областях социальной, экономической, политической и т.п. деятельности* – именно такую дефиницию имеет слово *технология* в 3-м значении в обсуждаемом словаре.

Определение современной лексикографии как компьютерной подразумевает прежде всего использование информационных технологий в процессе создания словарей. В нашем словаре все лексикографические процессы: создание специализированной картотеки, извлечение из нее контекстов и их классификация, формирование структуры словарной статьи, формулирование текстов дефиниций, прослеживание и фиксация многочисленных корреляционных связей и, наконец, редактирование – осуществляются в компьютере и с помощью компьютерных технологий. Таким образом, все уровни и все виды работ (от картотеки до редактирования) компьютеризированы, все материалы представлены в электронной форме.

Источником контекстов и эмпирической базой Словаря служит созданный авторами и постоянно пополняемый «Электронный лексический фонд современного русского языка», объем которого на май 2016 г. составил более 22 700 000 словоупотреблений. Важно заметить, что при формировании Электронного фонда было обосновано новое представление о типах источников [4: 19–21].

К инновационным лексикографическим технологиям мы относим прежде всего системный подход к составлению словаря, в соответствии с которым корпус Словаря формируется посредством принципиально новых для отечественной лексикографии методов лексикографирования – не по алфавитному, а по содержательному принципу. На необходимость такого подхода в лексикографировании давно указывала в своих известных работах Н.Ю. Шведова [5: 171; 6: 54–55], которая показала, что при алфавитном способе составления словаря даже внутри компактных и замкнутых лексических групп, таких, например, как группа *завтрак, обед, полдник, ужин*, состоящих из небольшого количества семантически однородных слов, неизбежны ошибки и разноречивость в текстах дефиниций и структуре словарной статьи. При содержательном подходе

автор-составитель разрабатывает не алфавитный «отрезок» словника, а блок словника, системно обоснованный по семантическому, полево-му, тематическому, словообразовательному или какому-либо другому принципу. При этом перед автором стоит задача унификации на всех уровнях и этапах словарной работы: типовых дефиниций, типовых и единообразных структур словарных статей и, что очень важно, автор должен выявить и проследить в пределах всего своего материала системные связи и отношения (антонимические, синонимические, корреляционные, и т.п.). Редактор редактирует каждый отрезок. Далее технический редактор размещает каждую словарную статью на своем алфавитном месте в папке «Расставлено», в которой находятся файлы, именованные названиями букв от А до Я, и таким образом постепенно заполняется все лексикографическое пространство Словаря. Такой подход в практическом плане обеспечивает более унифицированную разработку лексического материала, а в теоретическом – создает адекватное представление о лексической системе. Описанная технология требует выполнения следующих процедур: предварительное объединение лексики в тематические группы, нахождение общего родового понятия для слов одной группы, соотнесение алфавитно разобщенных антонимических пар и абсолютных и стилистических синонимов, выявление и отражение дифференциальных семантических признаков у близкозначных слов и т.п., что позволяет достичь более высокой степени унифицированности толкований, большей строгости и четкости отражения гиперонимических, синонимических и антонимических связей, а также устранения логических противоречий в толкованиях (в частности, кругов в определениях).

При таком подходе автор работает не с изолированным словом на ограниченном участке конкретной словарной статьи, по существу перед ним пространство всего словаря. Автор редактирует словник по разным аспектам, проводит унификацию типовых дефиниций, следит за правильностью отсылок. Объединенные тематически слова из разных участков алфавита с опорой на разработанное родовое понятие получают типовую унифицированную разработку.

суп... Жидкое блюдо, обычно сваренное на бульоне... **борщ...** Суп со свеклой и другими овощами... **расс'ольник...** Суп с солеными огурцами... **сол'янка...** 1. Густой суп на крепком мясном, грибном или рыбном бульоне с острыми приправами... **ух'а...** Рыбный суп... **харч'о...** Грузинский густой суп из говядины с грецкими орехами и пряностями... **щи...** Суп с капустой или щавелем, шпинатом...

Русский язык в зеркале словарей

Как видно из приведенного примера, такая разработка предполагает обязательное указание на род, к которому принадлежит денотат, и на значимые специфические видовые признаки каждого денотата одной смысловой группы. Подобным образом разрабатывается лексика других замкнутых тематических объединений конкретной лексики, таких, как названия блюд, мебель, предметы одежды, украшения, приборы, животные, растения, действия, свойства и т.п.

Особые трудности связаны с интерпретацией отвлеченной лексики, в объединениях которой системные связи и корреляции не так просты и очевидны. Слова *жизнь* и *смерть*, *живой* и *мертвый* со всеми производными разрабатываются «в комплекте» – только это дает возможность показать существующие между ними системные и корреляционные связи и непротиворечиво представить этот небольшой, но культурно и семантически чрезвычайно значимый участок лексической системы и русской языковой картины мира. Далее приведены примеры словарных статей (полностью словарная статья глагола *жить* и фрагментарно все другие), из которых видно, что все слова этой лексической группы соединены внутренними смысловыми нитями посредством семантических компонентов ЖИ(знь) и (с)МЕР(ть), проходящих через все или почти все дефиниции¹.

жизнь 1. Форма существования органического мира. *Законы жизни. Возникновение жизни на Земле. Жизнь характеризуетеся способностью организмов к обмену веществ, размножению, росту, развитию, приспособляемостью к среде.*

2. Способ существования ЖИВЫХ организмов; совокупность явлений, происходящих в органическом и неорганическом мире. *Жизнь фауны и флоры. Жизнь растений, животных. Жизнь бактерий, водорослей, грибов. Жизнь популяции. < Жизнь Вселенной. Жизнь планеты. Жизнь Солнца. Описание жизни моря. Непредсказуемая жизнь вулкана.*

3. Состояние человека, присущее ему с рождения, характеризующееся наличием определенных физиологических процессов и сознания. *Дорожить жизнью. Рисковать жизнью. Спасти жизнь другу. Больной боролся за жизнь до последнего. Купание в шторм опасно для жизни. Страхование жизни.*

¹ Тематическая группа *жизнь/смерть* со всеми словообразовательными дериватами разработана старшим научным сотрудником Лаборатории канд. филол. наук И.О. Ткачевой.

Жизнь – великая ценность. Реаниматологи вернули его к жизни. Уйти из жизни, лишиться жизни (умереть). Покончить с жизнью (убить себя). Поплатиться жизнью (погибнуть). Быть между жизнью и смертью (тяжело болеть, быть на грани смерти, гибели). Сражаться в бою не на жизнь, а на смерть (не щадя своей жизни). Он не подает признаков жизни (выглядит мертвым). Исследование феномена жизни после смерти тела.

смерть¹ 2. Прекращение ЖИЗНИ человека; состояние, наступающее после прекращения ЖИЗНИ. *Скоропостижная смерть. Ранняя смерть. Мучительная, легкая смерть. Смерть от остановки сердца. Установить причину смерти. Время смерти – семь часов десять минут. Сознательно пойти на смерть. Принять смерть со спокойной душой. Свидетельство о смерти (документ, удостоверяющий факт и причину прекращения жизни человека). На миру и смерть красна (погов.). Двум смертям не бывать, а одной не миновать (посл.). < Медики констатировали смерть. Смерть наступила в результате асфиксии. Его смерть пришла в возрасте 75 лет. Быть, лежать пр'и смерти (умирать). Быть между жизнью и смертью (тяжело болеть или находиться в обстоятельствах, могущих привести к смерти). Найти свою смерть (умереть, погибнуть, быть убитым). Предать смерти (убить, лишиться жизни). Что русскому здорово, то немцу смерть (посл.).*

жив'ой¹ 1. Обладающий ЖИЗНЬЮ (2 и 3 зн.), ЖИВУЩИЙ. *Живые и умершие родственники. Пересадка органа от живого донора. Преступника приказано взять живым или мертвым. Из засады им живыми не вырваться. Прабабушка еще жива. Мужчина чудом остался жив после автокатастрофы. В капкане обнаружили живого зайца. В магазине продается живая рыба. Использовать живые приманки на охоте. Число овец, давших живой приплод. Живые и искусственные цветы. Ни одна живая душа не знает об этом (никто). Ни одной живой души не было на улице (никого). Не до жиру, быть бы живу (посл.). Едва, еле, чуть жив (о состоянии сильнейшей усталости, полного измощения).*

мёртвый¹ 1. УМЕРШИЙ, лишенный ЖИЗНИ (2 и 3 зн.). *Мертвый человек. Мертвые солдаты. Террориста приказано взять живым или мертвым. Мужчина мертв. Мертвый кролик. Мертвая птица.*

жить 1. Быть ЖИВЫМ, пребывать в состоянии ЖИЗНИ. *Ж. долго. Он и сейчас живет*

и здравствует. Человек живет в среднем 60–80 лет. Ему бы еще ж. да ж. (о рано умершем человеке). Тебе ж. надоело? (по отношению к человеку, подвергающему себя опасности, рискуящему жизнью). [О животных. Домашние кошки живут 12–18 лет. [О растущих, развивающихся растениях. Многие деревья живут до тысячи лет.

2. Перен. Продолжать существовать, сохраняться, проявляться в течение какого-л. времени (о чувствах, мыслях, отношениях и т.п.). *Любовь живет в душе. Радость живет в сердце. В каждом человеке живут воспоминания детства. Память о герое живет в песнях и преданиях. Пусть живет наша дружба.*

3. Существовать, проводить ЖИЗнь в определенном периоде времени. *Ж. в эпоху глобальных перемен. Мы живем в век высоких технологий. Пушкин жил в XIX столетии.*

4. Пребывать, находиться где-л. постоянно или в течение определенного, обычно длительного периода; иметь ЖИлье, проЖИвать где-л. *На земле живет более семи миллиардов человек. Он два года жил за границей. Раньше они жили в деревне. < Ж. в загородном доме. Ж. в уютной квартире. Ж. в общешитии. Ж. отдельно от родителей. В доме живут три семьи. Она сейчас живет у родственников. Подруга живет на Литейном проспекте. Оставить племянника ж. у себя. Где вы собираетесь ж.?*

5. Обитать, водиться где-л. (о животных и растениях); пребывать в обустроенном для жилья месте (о животных). *Белые медведи живут в Арктике. Коалы живут в Австралии. Растения, живущие в пустыне. < Суслики живут в норах. Многие птицы живут в гнездах.*

6. Проводить все время или большую часть времени где-л. *Удобная одежда для тех, кто живет в дороге. Он живет на работе, его практически не бывает дома. Фигуристы и хоккеисты живут на льду. Накануне соревнований спортсмены живут в зале: у них тренировки с утра до вечера.*

7. Вести ЖИЗнь, общую с кем-л.; проЖИвать совместно. *Ж. среди близких, любящих людей. С волками ж. – по-волчьи выть (посл.). < Ж. с мужем. Подруга живет с мамой. До свадьбы она жила с родителями. [Об определенных отношениях с кем-л. Ж. дружно, в согласии. Ж. в постоянном конфликте с соседями.*

8. Вести тот или иной образ ЖИЗни, находиться в каких-л. условиях существования. *Ж. полной, настоящей жизнью. Ж. богато. Ж. в достатке. Ж. припеваючи. Ж. широко.*

Ж. в свое удовольствие. Ж. холостяком. Ж. отшельником. Мы живем хорошо. Как живете? Не учите меня ж.! Не могу больше так ж.! Ж. для себя (заниматься только собой и своими делами). Δ Жить на хлебе и воде (см. Вода 4 зн.). Δ Жить одним домом (см. Дом 4 зн.). Δ Жить своим домом (см. Дом 4 зн.). [Град.-лит. В слож. Жили-были старик со старухой (традиционное начало сказок). Стали жить-поживать да добра наживать (традиционная концовка сказок). [Устаревающее. В слож. Как живете-жете? (как дела, как поживаете).

9. чем, на что. Поддерживать свое существование какими-л. средствами. *Ж. на зарплату, на пенсию. Ж. своим трудом. Ж. случайными заработками. Ж. за счет родителей. Чтобы ж., необходимо работать. Δ Жить своим умом (быть самостоятельным, независимым в своих решениях и поступках). Δ Жить чужим умом (не проявляя самостоятельности в своих решениях и поступках, зависеть в своем поведении от других).*

10. Существовать нормально, благополучно, полноценно. *Соседи не дают ж. Головные боли мешают ж. Книжки, которые помогают нам ж. В такой грязи ж. нельзя. Невозможно ж. в таком жарком климате. Здесь не курорт, но ж. можно. Я без тебя ж. не могу!*

11. чем. Быть поглощенным, увлеченным чем-л., находить смысл ЖИЗни в чем-л. *Ж. воспоминаниями. Ж. прошлым. Ж. надеждой на лучшее. Актриса жила театром. Человек, живущий иллюзиями.*

12. для кого, чего, ради кого, чего. Полностью посвящать себя кому-, чему-л. *Ж. для детей и внуков. Ж. для общего дела. Ж. для благополучия семьи. Ж. ради любимого сына. Ж. ради идеи.*

13. Продолжать функционировать (о предприятиях, изданиях и т.п.). *Завод живет и развивается. Лаборатория живет и процветает. Ресторан живет своей обычной жизнью. Поньше живет биостанция. Школьная газета живет. Телевизионный канал живет за счет рекламы. Журнал живет, и это заслуга издательства. Всеми любимая передача живет более 30 лет.*

14. Продолжать реализовываться; не устаревать, не утрачивать своего значения. *Дело ученого живет. Пусть ваше начинание живет. < Идеи философа живут. Настоящая музыка будет ж. на протяжении столетий.*

15. Устаревающее. Находиться в любовной, интимной связи с кем-л. *До свадьбы с мужчинами не жила.*

16. Устар. В сочетании с сущ. предл. мн. с предложением «в» или с сущ. тв. ед.: работать,

служить в качестве кого-л., проживая в доме хозяина. *Ж. в гувернантках, в няньках. Ж. дворником.*

17. *Устар.* Бывать, встречаться, оказываться. *Живет такой год, что на день семь погод* (посл.). | *на кого, что. На хотенье живет терпенье* (посл.). *Лиха беда на кого не живет* (посл.).

умер'еть... 1. Перестать ЖИТЬ, стать МЕРТВЫМ. *Умереть в преклонном возрасте. Умереть от инфаркта, от рака. Умереть от голода. Умереть насильственной смертью. Человек, умирающий от жажды в пустыне. Умереть своей смертью* (от болезни или старости). *Умереть не своей смертью* (быть убитым). | *за кого, что и без доп.* О сознательном принятии смерти во имя кого, чего-л. *Умереть в бою. Умереть за родину. Умереть за друзей, за близких. Умереть, защищая свою землю. Умереть за идею. Умереть за свои взгляды. Он умер, как настоящий герой.*

Такой технологический подход дает возможность проследить семантические связи и зависимости и обеспечить однотипные дефиниции в пределах как ближайшего словообразовательного гнезда (*живьем, живенько, живехонький, жив-здоров, живительный, живность, живо, живодер, живодерня, живое, живость, живот*² *Устар.* 'жизнь', *животворящий* и т.д.), так и отдаленного, приставочного (*безжизненный, дожить, зажечь, оживить, отжить, пожить, полуживой, прижизненный* и т.д.). В более сложных случаях автору приходится вместе со словом, входящим в его текущий отрезок, разрабатывать и коррелирующие слова (близкозначные, синонимы, антонимы и т.п.), поскольку только в таком «комплексе» возможно показать семантические единства, а также и семантические расхождения там, где при системном взгляде можно было бы ожидать сходства. Например, синонимы *кинуть* и *бросить*, семантически совпадающие в своих основных значениях, обнаруживают семантические

и стилистические расхождения в некоторых дериватах: можно *закинуть*, но не **забросить* руки за голову, *отбросить*, но не **откинуть* неприятеля, *отбросить*, но не **откинуть* условности, только глагол *кинуть* формирует жаргонное значение 'обмануть, предать', профессионализму *заброска* нет соответствия **закидка*, напротив, есть *накидка*, но нет **наброска* и т.п.

Еще один новый технологический прием связан со специально разработанным шаблоном стилей для Word, представляющий собой разметку развернутой структуры словарной статьи и позволяющий вести составительскую работу с помощью самого распространенного текстового редактора [1: 34–39]. Каждой зоне словарной статьи присваивается определенный стиль. При этом на мониторе получается классическое изображение текста словарной статьи с привычными курсивными или размерными выделениями, но без видимых маркеров полей, зон и т.п., которые остаются скрытыми от составителя. Для работы предназначается особая панель инструментов (или вкладка, в зависимости от версии Word), на которую выносятся стили из шаблона. Размещение кнопок на панели и самой панели контролирует автор-составитель. Использование этого шаблона стилей дает возможность унифицировать лексикографический материал, а также обнаруживать и исправлять ошибки в пределах разных фрагментов Словаря: внутри одной словарной статьи или ряда однотипных, в пределах содержательно выделенной обширной группировки (например, по пометам, по грамматическим характеристикам, по типовым толкованиям и т.п.), а также на всем лексикографическом пространстве Словаря. Особая ценность и значимость этой технологии в том, что после окончательного редактирования материалы словаря, составленного с использованием такого шаблона стилей, передаются в издательство для создания во многом автоматизируемых электронной версии и оригинал-макета печатной версии. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваулина Е.Ю. Возможности автоматизации разметки толкового словаря // Информационные технологии в лексикографии. СПб., 2011.
2. Складаревская Г.Н. Нормативный толковый словарь живого русского языка. Теоретические проблемы и практические трудности: Сборник статей / Под ред. Г.Н. Складаревской. СПб., 2007.
3. Складаревская Г.Н. Принципы и методы словарных унификаций в «Современном толковом словаре живого русского языка» // Язык: поиски, факты, аргументы: Сборник статей к 100-летию со дня рождения акад. Н.Ю. Шведовой. М., 2016.
4. Складаревская Г.Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб., 2004.

5. Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь: специфика жанра и некоторые проблемы дальнейшей работы // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградские чтения, IX–X. М., 1981.
6. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в слове. М., 1988.

G.N. Skliarevskaia

THE USE OF NEW TECHNOLOGIES IN THE COMPILING OF THE MODERN EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING RUSSIAN LANGUAGE

Computer lexicography, dictionary, lexicographical techniques, principles and methods of lexicography, lexical unifications.

The article presents new technologies, as well as traditional ones, used in the compiling of the Modern comprehensive Dictionary of the living Russian language, which is being developed under the general guidance of the article's author. These new techniques include: firstly, a new systematic principle of forming a dictionary's body, according to which word clusters are developed not on the basis of alphabet but semantics, field, theme, morphology or something else. Secondly, a special lexicographical marking of entries is used, which is done by creating a style template in Microsoft Word (a unique style is assigned to each zone of an entry). This ensures a) the necessary depth and unification of the major aspects of the Dictionary and b) the possibility of automatization of the electronic version and formatted layout of the Dictionary for printing.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

25–26 августа 2016 г. в Русском центре г. Печ (Венгрия) проходили курсы повышения квалификации для учителей русского языка, организованные совместно с кафедрой славянской филологии Печского университета. Среди слушателей были учителя гимназий не только Печа, но и других городов, в том числе Сексарда, Байя и др.

Первую лекцию «Современные тенденции русского языка» прочитала канд. филол. наук, лектор кафедры Е.А. Киселева, остановившаяся на лексике компьютерного жаргона русского языка (*гулить, скачать, общаться в чате, чатиться, лайкнуть, смайлик* и т.д.), а также на молодежном жаргоне типа *он купил шикарную тачку, вчера случился такой абзац* и др. Затем канд. филол. наук, доцент кафедры хорватского языка и литературы Э. Барич на конкретных примерах рассказал об изменении словарного запаса в славянских языках после смены власти, в том числе об изменении слов в хорватском языке. На практическом занятии канд. пед. наук В. Вегвари обсуждались актуальные вопросы современной России, в том числе проблемы образования, ЕГЭ, допинга в спорте и др. Доцент Р. Волош познакомил собравшихся со значением Русского национального корпуса и рассказал о работе с ним, а также предложил вниманию коллег различные ссылки, связанные с русским языком, учебными материалами для проведения занятий в школах, в том числе с образовательным порталом Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

На второй день профессор Э. Лендваи в лекции «Русский менталитет в устойчивых сравнениях» познакомил слушателей с понятием устойчивых сравнений и рассказал об их семантической трехступенчатности, а также о гиперболизации, возникающей за счет самой формы компаративной конструкции или разнородности ее членов. Во второй лекции профессор рассказал об абсурдизации в дискурсе русского анекдота, в том числе об анекдоте как дискурсе и речевом акте. Он подробно остановился на важности фоновых знаний в восприятии и понятии анекдота, а также представил отражение фактов истории в анекдотах, связанных с художественной литературой, с телесериалами, пародиями фильмов, языка и быта.

Канд. пед. наук кафедры педагогики гуманитарного факультета Печского университета Ю. Мразик рассказала о модернизации образования в России, подробно остановившись на реформе высшего образования.

Курсы закончились круглым столом, где обсуждались актуальные вопросы обучения РКИ в Венгрии и состоялось вручение сертификатов о повышении квалификации.

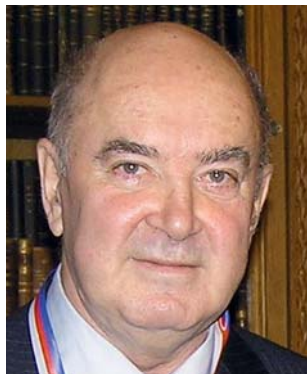
Валентина Вегвари (Печ, Венгрия)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

(ОПЫТ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ)

ХАРРИ ВАЛЬТЕР
walter@uni-greifswald.de
д-р филол. наук,
профессор
Грайфсвальдского
университета
Грайфсвальд, Германия

В.М. МОКИЕНКО
mokienko40@mail.ru
д-р филол. наук,
профессор
Санкт-Петербургского
государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова:
лексикография,
составительная
лексикография,
двуязычные словари,
фразеология,
пословицы, поговорки,
устойчивые сравнения,
антипословицы,
прозвища, жаргонизмы

В статье представлен аналитический обзор серии двуязычных словарей, созданных профессорами Х. Вальтером и В.М. Мокиенко и их лексикографическими группами в Санкт-Петербургском государственном (Россия) и Грайфсвальдском (Германия) университетах. Многие из них стали продолжением работы над одноязычными словарями русского и немецкого языков – например, большими словарями жаргона, фразеологии, пословиц и поговорок, устойчивых сравнений, прозвищ, крылатых выражений и др. Авторы стремились отразить в своих словарях современное состояние лексики и фразеологии русского и немецкого языков, показать динамику их развития и культурологический фон. По возможности в двуязычных словарях сделана попытка показать общеевропейское культурное наследие, отраженное в двух языках, и в то же время подчеркнуть национальную специфику каждого из них.

Данный выпуск журнала «Русский язык за рубежом», посвященный лексикографии, – актуальная попытка представить читателю достижения словарного дела в отечественной и зарубежной русистике. Достижения эти несомненны, о чем свидетельствуют монументальные монографии, в которых подводятся итоги русской лексикографии «века нынешнего и века минувшего» [28, 29]. О богатстве и жанровой полифонии этой отрасли лингвистики свидетельствует даже само название одного из оригинальных справочников по современной лексикографии – «Словарь русских

словарей» [30], компьютерные ресурсы которого неустанно пополняются. Столь многогранная и интенсивная словарная продукция понятна, ибо потребность в справочниках растет не по дням, а по часам, насыщаясь все более возрастающим информационным потоком по всем его каналам.

Этот поток не оставляет равнодушными ни теоретиков современной русистики, ни ее практиков. Потребности преподавания русского языка давно уже втянули в этот поток и авторов настоящей статьи. Работая в течение многих лет в Санкт-Петербургском государственном и Грайфсвальдском университетах, мы, естественно, опирались на плодотворный опыт русской и немецкой лексикографии, черпая из него то, что в течение последнего полувека становилось актуальным для наших читателей, стремящихся познать русский язык таким, каков он есть в период преобразований и стабилизации, в его классических очертаниях и мутациях его стандарта и субстандарта. Такой общий диапазон нашей специализированной лексикографии во многом был запрограммирован лексикографической школой профессора Б.А. Ларина и созданным им в конце 50-х гг. прошлого века в Ленинградском университете Межкафедральным словарным кабинетом, носящим теперь его имя. Идеи создания словарей полного типа, описание разговорной речи – как диалектной, так и городской, – создание серии словарей языка писателей, внимание к диахронической подоплеке слова и эволюции словарного состава – эти принципы в новых условиях были восприняты нами как лексикографические постулаты для составления и издания серии русских, иноязычных и двуязычных словарей, некоторые из которых представлены в данной статье. Особое внимание здесь уделено таким специализированным словарям (в духе ларинской лексикографии), как словари русского жаргона и просторечия, словари русской фразеологии и паремиологии, словари историко-этимологического типа и словари крылатых слов и выражений (включая библеизмы).

Основой такой специализированной двуязычной лексикографии стали одноязычные словари, составляемые как авторами настоящей статьи, так и их соавторами – единомышленниками и учениками. В силу ограниченности объема данной статьи все такие источники невозможно перечислить (их около ста), назовем лишь основные. Так, базой для последующих фразеологических и паремиологических русско-немецких словарей стал трехтомник «Большой словарь русских поговорок» [34], «Большой словарь русских сравнений» [35]

и «Большой словарь русских пословиц» [36], в котором описано более 155 000 соответствующих паремий, что в 7 раз превышает материал классического словаря «Пословицы русского народа» В.И. Даля. Ориентацию на «классическую» норму русского языка при составлении двуязычных словарей обеспечили словари крылатых слов и выражений А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, И.А. Крылова [37–39], большой словарь библеизмов [31] и большой словарь русских крылатых слов [5]. Основой для русско-немецких словарей жаргона послужил «Большой словарь русского жаргона» [36]. Многотрудная разработка эквивалентной части наших двуязычных словарей производилась нашим немецким соавтором, который, впрочем, также был инициатором и совместных одноязычных русских словарей, активно пополняя их лексикографические ресурсы. К таким словарям относятся, например, собрания русских антипословиц [14, 16–18, 24], словари русских прозвищ [15, 21] или одноязычные словари молодежного жаргона [26] и «Номо alcoholicus» [19].

Жаргонная речь и просторечие, мощно провавшиеся в язык современной русской литературы и СМИ в «лихие девяностые», потребовали их специализированного описания и в русско-немецких словарях. Авторы этих строк уделили жаргонографии особое внимание, учитывая опыт многих русских исследователей данной проблемы – Б.А. Ларина, Д.С. Лихачева, В.Д. Бондалетова, Е.А. Земской, В.Б. Быкова, М.А. Грачева, В.С. Елистратова и мн. др. Вначале такие словари задумывались и публиковались как небольшие пособия для немецких студентов, которые не могли найти соответствующего материала в академических и толковых справочниках русского языка [9–12]. Затем было завершено составление большого русско-немецкого словаря жаргона, который предназначался прежде всего переводчикам и был издан как в Германии [13], так и в России [22]. Особо трудоемкой здесь оказалась работа над немецкой эквивалентной частью этого словаря, ибо система русского жаргона обнаруживает значимые параметрические отличия от жаргона немецкого. Русский жаргон (как и основное диалектное пространство России) интеррегионален, в то время как немецкий – регионален и в каждом регионе маркирован собственными лексикой и фразеологией. Именно это различие сделало немецкую часть словаря насыщенной специфическими для разных частей Германии жаргонизмами и может рассматриваться как своего рода собрание региональной жаргонной синонимии. Тем самым, как представляется,

именно русский материал дал стимул для более дифференцированного и в то же время системного описания современных немецких социолектов. Как оказалось, лексикографирование жаргона имело и непосредственно прикладные цели. Так, министерство здравоохранения Германии поддержало издание словаря русско-немецкого наркожаргона [47], ибо он облегчает исцеление наркозависимых пациентов.

Национально маркированным сектором системы каждого языка, как известно, является и фразеология в широком смысле, т.е. идиоматика и паремиология. Как уже было отмечено, составление больших словарей русских пословиц и поговорок стало трамплином для составления нами двуязычных словарей этого жанра. Указанная лексикографическая серия также потребовала скрупулезной разработки немецкой эквивалентной части. Данная работа привела нас, составителей этих словарей, к парадоксальному выводу о переоценке нашими предшественниками национальной маркированности русских и немецких идиом и пословиц. Ведь нередко «живописцы» языковой картины мира оперируют материалом одного языка, что в русистике приводит к переоценке ее специфики и едва ли не к хрестоматийным заключениям о «загадочности» русской языковой души, «скаталогичности» и фаталистичности русского менталитета (А. Вежбицкая и др.) и под. Предлагая читателю несколько соответствующих словарей, где русские пословицы и поговорки проецируются на сопоставительный фон немецкого [20], польского [8], чешского [50] или испанского [46], мы попытались очертить общеевропейские проекции русского паремиологического фонда, не упуская из виду, разумеется, и его национально специфическую составляющую.

Близкими к паремиографическому жанру, как известно, являются словари крылатых слов и выражений. К ним можно отнести русско-польский словарь [44], при составлении которого использован опыт уже упомянутых больших одноязычных словарей. В этом же русле проводилась разработка специализированных словарей библеизмов – русско-словацко-немецкого [3] и русско-англо-белорусско-немецко-словацко-украинского [4]. Сейчас ведется расширение языковой палитры этого словаря: в нем будет представлено 14 европейских языков.

Работа над русско-немецкими словарями, естественно, потребовала от их составителей углубленного обращения к опыту немецкой лексикографии и ее поистине неисчерпаемым словесным ресурсам. Практически во все разрабатываемые нами жанры немецкие

лексикографы внесли весомый вклад, что облегчало нашу задачу. Так, в области паремиологии до сих пор нерушимым авторитетом остается пятитомный словарь Карла Фридриха Вильгельма Вандера [51], а в разработке крылатологии – собрание Георга Бюхмана [42, 43], словарь которого в Германии не только регулярно переиздается, но и постоянно пополняется, и т.д. В русской лексикографической германистике также немало фундаментальных словарей. Таковы, например, немецко-русские фразеологические словари Л.Э. Биновича и Н.Н. Гришина [6], Б.П. Шекасюка [40] и неоднократно изданный словарь Ю.Н. Афонькина [1, 2].

Понятно, что в своих русско-немецких словарях мы широко использовали такой богатый опыт коллег-германистов. И чем интенсивнее внедряли его в лексикографическую русистику, тем чаще сталкивались с парадоксальным фактом: если русские лексикографы традиционно обращаются к опыту лексикографов-германистов, то германисты крайне мало используют достижения русистов в этой сфере. Особенно явно это прослеживается, например, в словарях диахронического типа: русские этимологические словари не только отталкиваются от методологии «младограмматиков», но и неизменно регистрируют заимствования из немецкого языка в разные эпохи. Не случайно рецензенты лучшего этимологического словаря русского языка упрекали его составителя М. Фасмера в переоценке германизмов. При этом этимологи-германисты практически не оперируют фактами славянского и русского языков, что определяет суженное представление о германо-славянских языковых контактах в лингвистической Европе.

Отмеченный дисбаланс в общей и специализированной русско-немецкой и немецко-русской лексикографии подвиг авторов данной статьи на более углубленную разработку немецкой части составляемых ими словарей. В названных выше словарях нами по возможности постоянно подчеркивались факты общности или типологической схожести двух наших языков. Так, в русско-немецких словарях жаргона особое внимание обращалось на семантическую соположенность лексики и фразеологии наших языков, в словарях библеизмов – на культурологическую общность избранных единиц, в паремиографических справочниках – на древнюю универсальность паремий, доказуемую обращением ко многим параллелям из славянских и неславянских языков европейского ареала. Стремление продемонстрировать «европейскость» русского языка стимулировало лексикографов

Грайфсвальдского университета к составлению серии «чисто» немецких (resp. германских) словарей с широким славянским языковым фоном. Таково, например, дважды изданное комментированное собрание голландских пословиц и их немецких параллелей, визуализированных на знаменитой картине Питера Брейгеля Старшего «Нидерландские пословицы» (1559) [48]. Как оказалось, большинство германоязычных паремий, ярко изображенных на этой картине, известно в русском и других славянских языках, что убедительно свидетельствует об общности паремиологического пространства Европы, включая и русское языковое пространство. Такой же языковой универсализм обнаруживают многие европейские (resp. немецкие) крылатые фразы античного происхождения, лексикографированию которых посвящен специальный словарь [50].

Особое внимание русскоязычной составляющей немецко-русского словаря было уделено нами в работе над серией историко-этимологических словарей немецкой фразеологии. Здесь мы опирались на историко-этимологический словарь русской фразеологии, созданный с учетом методики структурно-семантического моделирования [7]. Начатая экспериментальным выпуском справочника для студентов «Почему немцы так говорят?» [23] и расширенная вторым его изданием [25] и немецко-русским словарем библеизмов с диахроническими комментариями [45], эта серия привела к выпуску историко-этимологического словаря немецкой фразеологии [27], где русская часть – не просто набор эквивалентов к немецкой идиоматике, но детализированная лингвокультурологическая аргументация многих трудных случаев расшифровки ее внутренней формы. Парадоксально, но факт: несмотря на наличие многих объемистых и материально фундированных словарей немецкой фразеологии с историко-этимологическим уклоном, методика ее диахронической интерпретации оставляет желать лучшего, ибо она унаследована от фольклористов и этнографов прошлого и позапрошлого веков. Последовательное сопоставление немецкой фразеологии с русской, украинской,

белорусской, польской и т.д. в нашем словаре дает возможность применить при ее этимологической реконструкции методику структурно-семантического моделирования [32] и позволяет отказаться от некоторых освященных уже традицией народно-этимологических прочтений. Тем самым мы сделали попытку сблизить реконструкцию немецкой и русской языковых картин мира и продемонстрировать их взаимопреемственность.

В ограниченной по объему статье, естественно, невозможно осветить все проблемы, связанные с избранными в Санкт-Петербургском государственном и Грайфсвальдском университетах направлениями русско-немецкой специализированной лексикографии. Но поскольку словари, кратко охарактеризованные здесь, уже опубликованы, то заинтересованный читатель, заглянув в наши развернутые предисловия к ним, может получить детальную информацию и о теоретической основе и принципах составления каждого из них, и о строении словарных статей, и о количестве и качестве описываемого материала, и о других лексикографических параметрах. Посвятив большую часть жизни составлению представленных здесь специализированных двуязычных словарей, мы постоянно помнили слова Л.В. Щербы о неисчерпаемости семантики Слова. «Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать все новые и новые смысловые оттенки, что нужно большое искусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая никаких кривотолков, – подчеркивал известный языковед в предисловии к своему «Русско-французскому словарю». – Эта многогранность слова особенно ярко выступает при сравнении разных языков друг с другом, так как благодаря различиям исторических условий их развития она никогда в них не совпадает» [41: 6]. Демонстрируя несовпадения в семантике слов и фразеологизмов русского и немецкого языков в своих словарях, мы попытались вместе с тем показать и те общеевропейские смысловые точки пересечения, которые сближают, а не разъединяют наши народы. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: ок. 1200 ед. М.; Лейпциг, 1985.
2. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: ок. 1200 ед. / Под ред. д-ра В. Шаде. М., 2003.
3. Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В.М. Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов. Ружомберок–Грайфсвальд–Санкт-Петербург. Грайфсвальд, 2012.
4. Балакова Д. и др. Лепта библейской мудрости. Библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова, Х. Вальтер, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовская, Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. Могилев, 2014.

5. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: В 2 т. (Т. I. А–М; Т. II. Н–Я.) / Под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2008–2009.
6. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.
7. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. проф. В.М. Мокиенко. СПб., 1998. (2-е изд., испр. СПб., 2001; 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005; 4-е изд., стереотип. М., 2007).
8. Вальтер Х., Коморовска Е., Кусаль К. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями. Грайфсвальд; Щецин, 2014.
9. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии (1000 жаргонизмов речи молодежи с немецкими параллелями). Грайфсвальд, 2000. Экспериментальный выпуск. Ч. 1–2.
10. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии (1250 жаргонизмов молодежного сленга с немецкими параллелями). Грайфсвальд, 2000. Экспериментальный выпуск. Ч. 1–2.
11. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Пословицы русского субстандарта. Материалы к словарю, экспериментальный выпуск. Грайфсвальд, 2000.
12. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2001.
13. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Пословицы русского субстандарта. Материалы к словарю. Грайфсвальд, 2001. Экспериментальный выпуск 2.
14. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. Грайфсвальд, 2002.
15. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Словарь современных русских прозвищ / Под ред. А.А. Шумейко. Грайфсвальд, 2004. Экспериментальный выпуск.
16. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.
17. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Пословицы-приколы для дома и для школы. Грайфсвальд, 2005.
18. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб.; М., 2005.
19. Вальтер Х., Мокиенко В.М. «Homo alcoholicus» в русской языковой картине мира. Грайфсвальд; Щецин, 2005.
20. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями. Грайфсвальд, 2006. Экспериментальный выпуск.
21. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.
22. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий. М., 2007.
23. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Почему немцы так говорят? (Загадки немецкой фразеологии). Грайфсвальд, 2007. Экспериментальный выпуск.
24. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2008.
25. Вальтер Х., Мокиенко В. М. От «А» до «Zwickmühle». Историко-этимологические комментарии к немецкой фразеологии. Грайфсвальд, 2008.
26. Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений. М., 2005.
27. Вальтер Х., Мокиенко В.М. (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phrasologie. Грайфсвальд, 2011.
28. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2014.
29. Лексикография русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / О.В. Васильева, Е.В. Генералова, А.С. Герд и др. СПб., 2013.
30. Лесников С.В. Словарь русских словарей: более 3500 источников. М., 2002.
31. Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 ед. М., 2010.
32. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1989.
33. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов и 7000 устойчивых сочетаний. СПб., 2000.
34. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М., 2008.
35. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских сравнений: более 45 000 образных выражений. М., 2008.

36. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц: ок. 70 000 пословиц. М., 2010.
37. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.; М., 2005.
38. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: Словарь-справочник. СПб., 2013.
39. Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова. («Горе от ума»). М., 2009.
40. Шекасюк Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. М., 2010.
41. Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь: 50 000 слов. М., 1983.
42. Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volks. Ges. und erl. von Georg Büchmann. Berlin, 1864.
43. Büchmann G. Geflügelte Worte, ges. und erl. von Georg Buchmann. Fortges. von Walter Robert-Tornow (u.a.), bearb. u. weitergeführt von Eberhard Urban. Niederhausen, 1994.
44. Chlebda W., Mokienko V.M., Szuleżkova S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Jask, 2003.
45. Mokienko V.M., Walter H. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald, 2009.
46. Russisch-Deutsch-Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter mit europäischne Parallelen und mit Zeichnungen von Regina Walter / X. Вальтер, А. Зайнульдинов, В.М. Мокиенко, К. Руис-Сорилья. Greifswald, 2009.
47. Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslanges (Русско-немецкий словарь наркожаргона). Greifswald, 2002.
48. Walter H., Altmann S., Brette M. u.a. Lebt denn der alte Bruegel noch? Neubrandenburg, 2013.
49. Walter H., Altmann S., Bakschewitsch A. u.a. Carpe diem! Wörter und Wendungen aus dem Lateinischen und Griechischen. Bedeutung, Herkunft, Anwendung, Mit slawischen Parallelen. Greifswald, 2015.
50. Walter, H. P. Schwarzes Schaf, falscher Prophet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald, 2012.
51. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. Leipzig, 1867–1889. Nachdruck, Darmstadt, 1964.

H. Walter, V.M. Mokienko

RUSSIAN LANGUAGE IN BILINGUAL DICTIONARIES (SPECIALIZED LEXICOGRAPHY AND EXPERIENCE)

Lexicography, comparative lexicography, bilingual dictionaries, phraseology, proverbs, stable comparisons antiposlovitsy, nicknames, jargon.

The article is an analytical overview of the series of bilingual dictionaries, created by prof. H. Walter and prof. V.M. Mokienko and their lexicographical groups in St. Petersburg state (Russia) and Greifswald (Germany) universities. Many of them were a continuation of the work on the monolingual dictionaries of the Russian and German languages – for example, a large dictionary of jargon, phraseology, proverbs, stable comparisons, nicknames, winged words and other. The authors have sought to reflect in their dictionaries the current state of vocabulary and phraseology of Russian and German languages, to show the dynamics of their development and cultural background. If possible, in bilingual dictionaries is an attempt to show the European cultural heritage, reflected in the two languages, and at the same time emphasize the national identity of each of them.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Русско-британский культурный центр РУБРИК продолжает традицию проведения **школьных летних балов**. В июле 2016 г. в Бристоле, где был организован очередной русский бал, ученики по традиции продемонстрировали не только танцевальную подготовку. Ребята представили зрителям музыкальный спектакль, читали стихи и пели песни. Постановка, завершившая учебный год, позволила ощутить, какая работа была проделана детьми за этот период. Во время репетиций ребята закрепляли полученные знания, совершенствуя уровень русского языка.

По материалам портала russskiymir.ru

ИНТЕРАКТИВНЫЕ РЕСУРСЫ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «РОССИЯ»: УЧЕБНЫЙ ХАРАКТЕР И ТИПОЛОГИЯ

Е.В. МАРКЕВИЧ

e_v_ku@mail.ru

старший преподаватель
Национального
исследовательского
ядерного университета
«МИФИ»
Москва, Россия

Е.Г. РОСТОВА

EGRostova@pushkin.institute

канд. пед. наук,
ведущий научный сотрудник
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:
*учебная лексикография,
интерактивные задания,
мультимедийный
лингвострановедческий
словарь*

В статье рассматриваются особенности мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» как учебного словаря для изучающих РКИ. В частности, описывается возможная классификация интерактивных заданий, предназначенных для проверки усвоенности материала статей словаря и медиатеки и вводящих этот материал в более широкий культурный контекст, т.е. реализующих учебную функцию словаря.

Одна из главных особенностей мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» (ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php) – его учебный характер, т.е. словарь предназначен для взаимосвязанного обучения русскому языку и культуре. В этом смысле словарь является реализацией концепции В.В. Морковкина, согласно которой учебная лексикография рассматривается как лингвометодическая дисциплина, содержащая теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях [4], а также концепции лингвострановедческого словаря современного русского языка, созданной Е.М. Вержагиным, В.Г. Костомаровым и В.В. Морковкиным [2]. Следует

упомануть, что идеи создания этой отрасли лексикографии выдвигались и С.Г. Бархударовым и Л.А. Новиковым, писавшими, что «учебную лексикографию, по сравнению с академической, можно определить в целом как лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности» в статье «Каким должен быть учебный словарь», опубликованной в журнале «Русский язык за рубежом» еще в 1971 г. [1].

Учебный характер мультимедийного лингвострановедческого словаря проявляется, в частности, в том, что:

1) большинство входящих в его состав номинаций объектов, явлений, артефактов, произведений искусства и т.д. толкуется как обладающие национально-культурным компонентом семантики, причем вербальная семантизация дополняется зрительной, а во многих случаях аудиовизуальной (звучащие файлы в формате mp3 и кинофрагменты);

2) употребление в современной речи названных единиц иллюстрируется примерами с использованием интерактивных приемов работы с материалом, что качественно отличает этот словарь от многих электронных словарей, которые или не работают в интерактивном режиме или работают ограниченно, предполагая только переход по гиперссылкам. Такие примеры приводятся в интерактивных иллюстрациях раздела «Медiateка» и в интерактивных заданиях.

Логика такого расположения интерактивного материала следующая: один из разделов статьи называется «В языке и речи». В нем предлагаются (констатируются) примеры на уровне словосочетаний и предложений (на этом уровне интерактивные возможности продукта не используются). В медиатеке есть возможность увидеть текст произведения (вербальный или невербальный), содержащий рассматриваемую номинацию или изображение названного объекта (на этом уровне появляются интерактивные иллюстрации); в интерактивных заданиях констатацию речевого факта сменяет проверка его предполагаемой усвоенности после чтения статьи и знакомства с материалами медиатеки. Кроме того, пользователь получает возможность увидеть, как функционирует номинация в современной устной речи или в СМИ. Иначе говоря, интерактивные задания также вводят материал в более широкий культурный контекст, т.е. выполняют не только контрольную функцию, но и информативную. Наличие такого рода заданий в словаре увеличивает учебный потенциал этого мультимедийного продукта, что в свою очередь позволяет использовать его и в классе, оборудованном компьютерами, и при выполнении домашнего задания, и дистанционно, если того требует соответствующая форма обучения.

Эти задания можно включать в уроки русского языка, также предлагать дополнительные, межпредметные, на уроках по отечественной истории или изобразительному искусству.

Предполагается, что разного рода интерактивными заданиями будет сопровождаться большинство статей словаря, но поскольку работа над проектом еще не закончена, то сейчас в него входит порядка 340 заданий. Для того чтобы их найти, существует два пути навигации.

1. Обратиться к интересующей вас статье словаря, выбрав ее из списка соответствующей тематической группы. В этом случае пользователь получает информацию о том, есть ли к этой статье интерактивные задания и, если есть, то в каком количестве и с каким уровнем владения языком связанные (рис. 1).

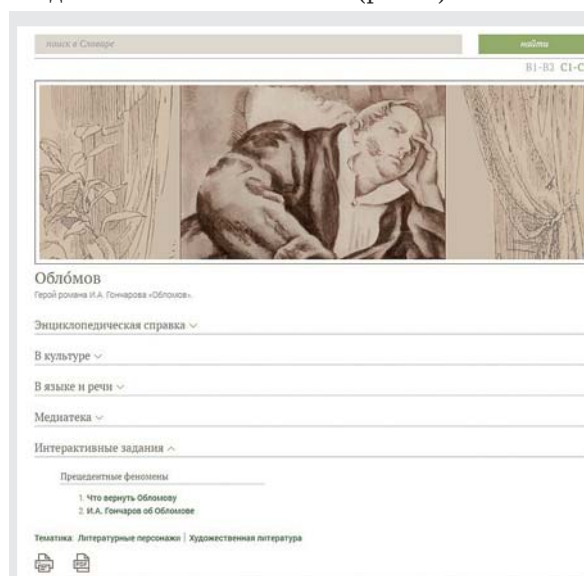

Рис. 1

Рис. 2

2. Открыв первый интерфейс словаря, сразу перейти в раздел «Задания» и познакомиться с их полным перечнем. Интерактивные задания словаря сгруппированы по уровням языка, достаточно разнообразны и относятся к тем словам и выражениям, в которых проявляется связь языка и культуры на том или ином уровне языка, начиная с фонетики и заканчивая текстом (рис. 2).

Поскольку выполнение заданий не предполагает их оценки, то возвращаться к статье, медиатеке или первому этапу упражнения пользователь может неограниченное количество раз.

Кроме того, интерактивные задания можно классифицировать по критерию **присутствия или отсутствия на экране правильного ответа**. Следует отметить, что это не указывает автоматически на легкость или трудность выполнения задания, но определяет задачу, которую необходимо решить: либо только выбрать правильный ответ из нескольких предложенных (аналог контрольного теста), либо, используя полученные знания, написать свой текст. И тот, и другой варианты используются в практике обучения РКИ. Преподаватель или автор мультимедийного пособия определяет, какой вариант лучше подходит к конкретной учебной ситуации и конкретному материалу.

Остановимся на этом подробнее. Обобщив опыт работы авторского коллектива словаря и проанализировав ряд интернет-ресурсов, содержащих интерактивные задания для изучающих РКИ, мы выделяем три наиболее общих типа таких заданий.

Первый тип. На экране компьютера присутствует правильный ответ с сохранением его формы (структуры), а также один или несколько неправильных.

К этому типу относятся задания, предполагающие выбор одного правильного ответа из нескольких предложенных (с подтверждением или без подтверждения правильности ответа текстом, аудиоресурсом, видеоресурсом) или выбор нескольких правильных вариантов ответа (картинки) из предложенных по заданному критерию с подтверждением или без подтверждения правильности ответа.

Например, сформировать и закрепить представление о культурно значимом литературном образе помогают задания типа «Что сказал автор о своем герое». Здесь следует выбрать правильную характеристику персонажа, сделанную самим автором. Например, задание к статье «Левша» сформулировано так: «В каждом произведении есть слова автора о своем герое. Выберите, как о Левше писал Н.С. Лесков». При правильном выполнении задания ученик получает в подтверждение иллюстрацию к сказу.

Неправильные варианты ответа, предложенные в задании, являются характеристиками других героев (среди которых Дядя Степа, Айболит, Василий Теркин, Остап Бендер, Евгений Онегин и т.д.). Таким образом, выполняя задание, пользователь может повторить (или узнать) информацию и о других персонажах.

В задании к словарной статье, посвященной песне «Надежда» А.Н. Пахмутовой на слова Н.Н. Добронравова, требуется прослушать фрагмент песни, в котором прозвучат ставшие крылатыми слова (какие, не говорится) и определить их. Если выбор сделан верно, на экране появляется фраза «Правильно! Эти слова стали крылатыми и часто используются в заголовках СМИ» и слайд-шоу со скриншотами из СМИ, иллюстрирующими использование цитаты или ее парафраза («Песня – мой компас земной», «А песни довольно одной...», «Удача – награда за смелость?»).

В задании «На Масленицу» требуется выбрать изображения всем известных атрибутов этого праздника из ряда предложенных. Затем подтверждается правильность ответа.

Чтобы составить представление о каком-либо персонаже, прецедентном для русской классической культуры, предлагаются задания, закрепляющие визуальное представление о нем русских.

В задании «Как узнать Татьяну Ларину?» требуется из ряда портретов героинь русской литературы XIX в. выбрать портреты пушкинских Татьян. При правильном выборе появляются подписи к рисункам, подтверждающие правильность ответа и вводящие дополнительную информацию об иллюстрировании романа «Евгений Онегин»: «Такой увидела Татьяну художница Е.П. Самокиш-Судковская в начале XX в.»; «Такой увидела Татьяну художница Л.Я. Тимошенко в середине XX в.»; «Такой увидел Татьяну художник Т.А. Белюкин в 2000 г.». Эти подписи демонстрируют воспроизводимость и востребованность прецедентного образа в культуре.

В задании «Что вернуть (имя литературного героя в Д.п.)» пользователь оказывается в виртуальной комнате, наполненной разными вещами, среди которых одежда, музыкальные инструменты, предметы мебели и быта. Все они являются атрибутами того или иного литературного персонажа, прецедентны для любого носителя русской культуры и ассоциируются с ним (ступа – с Бабой Ягой, чалма и кувшин – со стариком Хоттабычем, цилиндр и перчатки – с Евгением Онегиным, гимнастерка, медаль и гармонь – с Василием Теркиным и т.д.). Эти объекты могут быть связаны с образом, созданным традицией иллюстрирования

(например, Незнайка обычно изображается в большой синей шляпе, зеленом галстуке и с медной трубой) или самим авторским текстом. Пользователю предлагается указать предметы, которые соотносятся с определенным героем. Если задание выполнено верно, то появляется изображение героя, на котором можно увидеть выбранные вещи. Таким образом прецедентный образ в сознании учащегося актуализируется и визуализируется (рис. 3).

ценность, а использование прецедентного образа конкретного фольклорного персонажа с целью создания эффекта комического. Использование ресурсов Всемирной паутины – это стратегия, которая помогает вписать культурно значимую информацию в современный контекст и реализовать принцип «словарь как зеркало современного дискурса».

Второй тип. На экране компьютера присутствует правильный ответ, но его форма (струк-

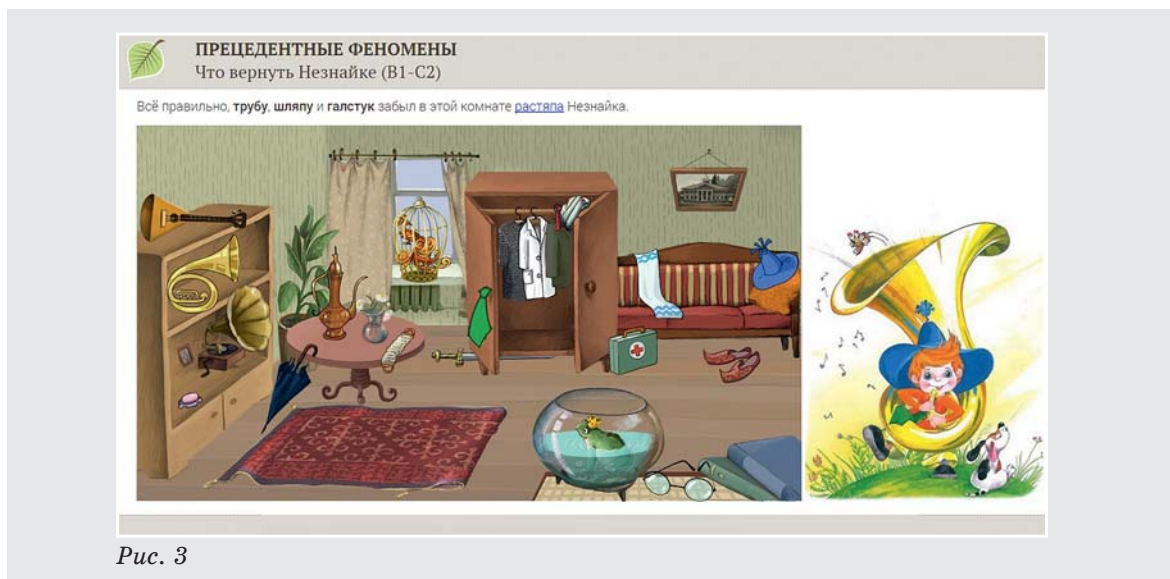

Рис. 3

Принцип узнаваемости определенного образа в культуре использован в заданиях типа «Как (имя персонажа)». Задание ориентировано на узнавание не конкретного героя, а принципа, на котором строится его образ. В словарной статье дается информация, указывающая на отличительные характеристики этого героя, медиатека демонстрирует изображение (вербальное или невербальное) этих специфических черт, а в задании предлагается выбрать то изображение, которое наиболее точно соответствует данной ранее характеристике. Например, в статье «Змей Горыныч» описывается «крылатое чудовище с туловищем змеи, с тремя головами», в медиатеке можно увидеть иллюстрации И.Я. Билибина и В.М. Васнецова и ознакомиться с текстом былины «Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча». А в интерактивном задании дается следующий комментарий: «Отличительная особенность Змея Горыныча – три головы – часто юмористически обыгрывается. Выберите все изображения, которые можно в шутку сравнить с этим сказочным персонажем». Варианты ответа в данном случае представляют собой авторские фотографии и рисунки из сети Интернет, главное в которых не их художественная

тура) специально изменена, нарушена, усечена. Смысл задания в восстановлении оригинального вида слова, названия, выражения или текста.

К этому типу относятся задания, предполагающие следующее.

1. «Сбор» вербального текста (слова, названия, выражения, текста). Например, в задании к статье «И.А. Крылов» читаем: «Названия многих басен И.А. Крылова очень простые: «Волки и овцы», «Ворона и Курица». Соберите по этой модели названия самых известных басен Крылова. На экране справа и слева от большой буквы **И** располагаются слова: *соловей, осел, мартышка, очки, кот, повар* и др. Правильный парный выбор этих простых слов дает названия знаменитых басен: «Осел и соловей», «Мартышка и очки», «Кот и повар» и др. При выполнении задания появляются иллюстрации к каждой из басен, визуально закрепляя названия.

2. Сбор невербального (визуального) текста (пазл картины, правильная хронологическая или смысловая последовательность, группа). Например, к большинству статей словаря, посвященных знаменитым картинам русских художников, ставшим прецедентными текстами

Русский язык в зеркале словарей

(название – вербальным, изображение – визуальным), предлагается пазл. В задании к статье «Царевна» предлагается расставить в правильной хронологической последовательности кадры из мультфильма по «Сказке о царе Салтане...» А.С. Пушкина, портрет Н.И. Забелы-Врубеля в роли Царевны Лебедь кисти М.А. Врубеля, фрагмент из оперы Н.А. Римского-Корсакова, иллюстрации к сказке И.Я. Билибина. Правильно выполненное задание еще раз продемонстрирует и подтвердит прецедентность пушкинского текста и его востребованность разными видами искусства и разными эпохами.

от фамилий героев произведений Н.В. Гоголя. Впишите фамилию героя комедии Н.В. Гоголя перед суффиксом *-щин*».

На экране рядом с портретом героя находится поле для записи его фамилии, после введения правильного ответа появляется слово *хлестаковщина* и комментарий: «Правильно! Хлестаковщиной (по фамилии Хлестаков) называют беззастенчивое, безудержное хвастовство».

Другой пример – составление текста поздравительной открытки. Задание предполагает самостоятельный выбор адресата, формы обращения к нему (ты/Вы/вы), этикетных формул и подписи (рис. 4).

ЭТИКЕТ
Поздравляем с днём рождения (A1-C2)

Ваша поздравительная открытка
готова?

Дорогая Ирина Александровна !
От всей души поздравляю Вас
с днём рождения!
Желаю здоровья, радостей,
успехов, всех благ, счастья и
удачи!
Ваша ученица Анна

Рис. 4

3. Соотнесение вербального и визуального текста (парный выбор). Например, в задании «Поздравляем с Новым годом!» нужно выбрать одну из четырех поздравительных открыток, с которых убраны названия праздника и слова поздравления.

Третий тип. На экране компьютера отсутствует правильный ответ.

К этому типу относятся задания, предполагающие запись правильного ответа (в пустые ячейки специального поля на экране), допускающего варианты, с визуальной подсказкой либо без нее; с дополнительной информацией после правильного ответа или без дополнительной информации.

Например, задание к статье «Хлестаков» формулируется следующим образом: «В русском языке есть слова женского рода, образованные от фамилий литературных персонажей прибавлением суффикса *-щин*. Они называют бытовые или общественные явления, идейные или политические течения, часто с оттенком неодобрения. Несколько таких слов образовано

В нашей статье описаны типичные примеры интерактивных заданий, уже включенных в мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» или находящихся в стадии разработки. Есть в словаре и задания, имеющие более сложную структуру, представляющие собой логическую последовательность простых заданий названных выше типов. По сути они ближе к интерактивным играм, когда каждое действие (выбор решения) допускает или не допускает возможность продвижения вперед. В качестве примера можно привести задание-игру «Дуэль? – Дуэлы!», посвященное дуэли Онегина и Ленского из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Как известно, слово «интерактивный» сочетает в себе два значения: «взаимный» (inter) и «действовать» (act). Таким образом, «интерактивный» означает способность взаимодействовать или находиться во взаимодействии, в диалоге с кем-либо (человеком) или чем-либо (компьютером). Интерактивные

задания мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» предлагают именно такую форму деятельности: познание нового через активное взаимодействие с компьютером, заданием, текстом, изображением. Они направлены и на закрепление уже изученного материала [3]. В совокупности со словарными статьями и материалами медиатеки они образуют огромный интертекст, моделирующий современный русский культурный дискурс.

Авторский коллектив мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» с большим интересом и радостью обсудит с коллегами новые интерактивные лингвострановедческие задания, которые можно предложить пользователям словаря и ввести в его базу, опираясь на уже сделанное и творчески его осмыслив. ■

Статья подготовлена в рамках Гранта РФФИ №14-04-00483 «Социокультурные и социолингвистические аспекты изучения русского языка»

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов С.Г., Новиков Л.А. Каким должен быть учебный словарь // Русский язык за рубежом. 1971. № 3.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Проспект учебного лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка // Проблемы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М., 1977.
3. Информационно-аналитический обзор «Интерактивные методы обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // apu-fsin.ru/service/omumr/material_int_form.html.
4. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

E.V. Markevich, E.G. Rostova

INTERACTIVE RESOURCES OF MULTIMEDIA DICTIONARY *RUSSIA* (LANGUAGE AND CULTURE): EDUCATIONAL NATURE AND TYPOLOGY

Educational lexicography, interactive tasks, Multimedia Dictionary Russia (language and culture).

The article considers the features of multimedia dictionary *Russia* (language and culture) as an educational dictionary for studying Russian as a foreign language. In particular, it describes a possible classification of interactive tasks designed to test mastery of the material of the dictionary articles and media library, as well as introducing the material into a broader cultural context, thus implement educational function.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Концепции, модели и технологии интеркультурного и поликультурного образования и возможности их взаимопроникновения и конвергенции обсуждали слушатели VIII Международной квалификационной школы в Варне, проходившей в августе 2016 г. при поддержке фонда «Русский мир».

Доцент д-р Н. Чернева из Пловдивского университета продемонстрировала особый метод интерактивного обучения – тренинг, представляющий собой специальным образом организованную краткосрочную форму групповой работы, направленную на получение соответствующих знаний, умений и навыков. Его основная цель – формирование этнической толерантности как позитивного отношения к своей и иным этническим культурам, развитие этнокультурной компетентности и навыков межкультурного взаимодействия.

В ходе тренинга слушатели школы познакомились с принципами групповой работы, включающими активное участие каждого; доброжелательное отношение и уважение к каждому собеседнику и его мнению; право каждого выразить любые свои мысли и чувства; искренность и честность высказываний, поступков и проявления чувств; запрет на обсуждение событий жизни группы за ее пределами; право каждого участника группы не отвечать на адресованные ему вопросы; конструктивную критику.

По материалам портала russskiymir.ru

УЧЕБНАЯ ОНОМАГРАФИЯ: СТРУКТУРА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.А. МАКСИМЧУК

nmaximchuk@yandex.ru

д-р филол. наук,

профессор

Смоленского государственного

университета

Смоленск, Россия

Ключевые слова:

учебная лексикография,

имя собственное,

общеобязательное

знание, принцип

симметрии,

типология учебных

ономастических

словарей

В статье обсуждаются вопросы теории и практики учебной ономастической лексикографии (*ономаграфии*) как комплексной дисциплины, к задачам которой относится обеспечение ономастическими словарями потребностей учащихся общеобразовательных школ, а также запросов изучающих РКИ. В качестве объединяющего понятия в решении этих задач предлагается понятие *общеобязательного знания*, на основе которого разрабатываются принципы и способы определения содержания словаря. Обосновывается ведущая роль принципа симметрии при представлении в словаре лингвокультурологической информации. Предлагается типология учебных ономастических словарей.

Развитие лексикографии XX в. обусловлено, по определению Ю.Д. Апресяна, тремя факторами: «1) новым типом лингвистического описания, сложившимся в работах по формальным моделям языка; 2) новыми тенденциями в развитии теоретической лингвистики; 3) поворотом самой лексикографии к назревшим нуждам практического преподавания языков» [1: 123–124]. К результатам действия последнего фактора, придающим закономерный характер данному процессу, можно отнести оформление и выделение в последней четверти XX в. *учебной лексикографии* как самостоятельной лингвистической дисциплины.

С момента зарождения теория учебной лексикографии движется в двух направлениях, обозначенных в трудах ее основоположников Л.А. Новикова и С.Г. Бархударова, определяющих учебную лексикографию как лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности [2, 17], и В.В. Морковкина, квалифицирующего данное лексикографическое направление как особую лингвометодическую дисциплину, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях [13].

На поверхностном уровне, с точки зрения круга решаемых задач, различие обозначенных подходов проявляется в обращенности одного направления к носителям русского языка – учащимся общеобразовательных школ, другого, получившего целостное теоретическое обоснование и широкую практическую реализацию в трудах В.В. Морковкина, – к изучающим русский язык иностранцам.

Оба направления длительное время существуют и развиваются параллельно, что формально отражается уже в обозначении типа создаваемых в их рамках словарей, первые из которых, как правило, называются *школьными* [8, 10, 19, 23 и др.], вторые – *учебными* [9, 24 и др.]. Методологически и практически такая ситуация проявляется в отсутствии устойчивой координации прилагаемых усилий, а также имеющегося у каждого направления опыта лексикографических достижений и неудач.

Необходимость использования различных подходов при построении учебных средств для носителей языка и для иностранцев не требует дополнительных обоснований, однако сегодня, как представляется, формируется потребность (и возможность) в их интеграции. Причины этого видятся в следующем.

Выдвижение на центральные позиции понятия языковой личности в современных лингвистических теориях антропоцентрического толка приводит к необходимости осмысления традиционной лексикографии с учетом результатов этих исследований [6]. На этом фоне (и здесь вступает в силу второй из названных Ю.Д. Апресяном факторов) формируются идеи антропоцентрической направленности словаря (Ю.Д. Апресян, В.П. Берков, В.Г. Гак, П.Н. Денисов, В.И. Зимин, Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, Л.А. Новиков, Г.Н. Складаревская и др.). В Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина создается (начата трудами В.В. Морковкина) концепция антропоцентрического подхода к лексикографированию [14, 15]. В центре этой концепции оказывается понятие «пользовательский запрос» [16: 144], из чего следует, что все характеристики антропоориентированного словаря (принципы отбора словника, организации структуры словарной статьи, способы представления информации в правой части словаря и т.д.) должны определяться исходя из задач максимально полного удовлетворения запросов адресата словаря. Важным пользовательским запросом оказывается способность учебного словаря быть полезным в подготовке языковой личности к адекватному существованию в определенном социокультурном пространстве, в том числе – к межкультурной коммуникации. Этот запрос является одной из точек сближения двух направлений лексикографии, хотя его реализация в словарях для разных адресатов будет различаться.

Двойственный характер имени собственного – его одновременная принадлежность к языковой системе (через языковой знак) и к предметной сфере (через носителя имени – денотат) – обуславливает традиционно противоречивый подход к онимам в теории и практике общей лексикографии. С одной стороны, являясь членом лексико-грамматической оппозиции *имя нарицательное – имя собственное*, оним выступает в качестве единицы языковой (лексической) системы, следовательно, по мнению Л.В. Щербы, его нельзя исключать из общего лексикографического описания [29: 278]. Другая точка зрения, принадлежащая Д.Н. Ушакову, состоит в недопустимости включения в словарь ономастических единиц [25].

Собственно ономастические словари до последнего времени оставались весьма немногочисленными и были посвящены, как правило, описанию двух основных разрядов ономастической лексики – антропонимов и топонимов (это прежде всего словари Н.М. Тупикова (1903), В.А. Никонова (1966, 1993), Н.А. Петровского (1966, 1995),

А.Н. Веселовского (1974), Ю.А. Федосюка (1995), А.В. Суперанской (1998) и некот. др.).

Возникновение и активизация лексикографического интереса к ономастической лексике в учебном плане связаны с активным развитием теории и практики лингвострановедения и теории и практики учебной лексикографии [3, 4, 7, 21 и др.]. Их взаимодействие формирует новый тип учебного лингвострановедческого словаря, в число единиц описания которого включается ономастическая лексика [5, 20, 26–28 и др.]. Появляется мысль о необходимости специального лексикографического описания ономастической лексики в учебных целях. Одним из первых лексикографических проектов такого рода можно считать работу Н.В. Подольской «Лингвострановедческий словарь топонимов» [18].

Выходят первые ономастические словари, обращенные к школе (в числе авторов Е.Н. Поспелов (1988), Р.А. Агеева (1990); Е.П. Смолицкая (1990), Н.М. Шанский (1990) и др.). В составе этих словарей, как правило, топонимы, отдельные группы антропонимов и незначительное число онимов других разрядов; лексикографическое описание в основном вписывается в понятие «лексикографии меньших форм».

Интересно, что в монографии В.Э. Сталтмане «Ономастическая лексикография» (1989 г.) однократное упоминание термина *учебная лексикография* сопровождается уточнением (для апеллятивов) [22].

В последние десятилетия интерес к описанию имени собственного, в том числе в учебных целях, заметно возрастает под влиянием двух взаимосвязанных факторов: во-первых, разработка теории имени собственного в конце XX в. приводит к определению специфики имени собственного как культурного знака; во-вторых, на первый план при обучении иностранным языкам выступают проблемы межкультурной коммуникации, требующей особого внимания к усвоению единиц с высоким уровнем лингвокультурной ценности.

Сегодня есть все основания для выделения в рамках учебной лексикографии самостоятельного направления, объектом описания которого является имя собственное (оним, *опота*) и которое может быть обозначено как *учебная ономаграфия*.

Под учебной ономаграфией будем понимать теорию и практику описания имени собственного в учебных целях.

Будучи разделом учебной лексикографии, учебная ономаграфия имеет сходную с ней структуру. Расположенные в логике ономаграфической работы, в нее войдут:

1) теория и практика создания ономастических баз данных;

- 2) теория и практика ономастатистики;
- 3) теория и практика ономастических мини-мумов;
- 4) теория и практика создания ономастических словарей;
- 5) теория и практика создания ономастических пособий словарного типа;
- 6) теория и практика создания включенных ономастических словарей (в составе учебника, учебного пособия).

Предлагаемая концепция теории учебной ономаграфии опирается на следующие основания.

Антропоцентрическая ориентация учебной лексикографии предполагает внимание к *языковой личности*, которая в данном случае представлена двояко: с одной стороны, это иноязычная личность иностранного обучающегося, с другой – русская языковая личность – предполагаемый участник межкультурной коммуникации. Практический вывод, вытекающий из этого умозаключения с учетом *принципа симметрии*, заключается в том, что для определения предмета учебной лексикографии необходимо установить объем и характер ономастических сведений, которыми владеют носители русского языка.

С этой целью могут быть использованы понятия, принятые при описании содержания школьного образования: *общеобязательное (научное) знание, нормативно-научная картина мира* (термин предложен В.В. Морковкиным).

Под общеобязательным знанием будем понимать то качественное и количественное его содержание, которое, являясь принадлежностью сознания каждого индивида, с одной стороны, служит средством выделения и формирования данного социума, а с другой – обеспечивает полноценное социальное взаимодействие членов этого социума. В структурированном виде это знание формирует *нормативно-научную картину мира русской языковой личности* (ННКМ). Важнейшую часть общеобязательного знания человек усваивает в процессе общего школьного образования из так называемых *нормативно-научных текстов* (ННТ), составляющих содержание школьных учебников и программ. Одной из опорных единиц ННТ являются имена собственные, выступающие в таком случае как свернутый текст, развертывание которого означает эксплицитное представление предметного содержания онима. Структурированное описание ономастического фрагмента ННКМ русской языковой личности может быть источником содержания учебных ономастических средств для иностранцев.

Рассмотрим особенности реализации этого положения в рамках основных разделов учебной ономаграфии.

1. Оптимальной формой представления языкового материала как основы для определения ономастического наполнения словарей может служить специально созданная База данных (БД). В нее войдут организованные в соответствии со спецификой баз данных ономастические единицы, выявленные методом сплошной выборки из школьных учебников и программ. С ее помощью возможно установление ядра и периферии в пределах всей ННКМ и ее фрагментов, выделение отдельных разрядов имен собственных, тематических групп и т.д. В рамках ТГ онимы могут сопровождаться следующими характеристиками. Так, для *антропонимов* могут быть указаны: а) национальная (государственная) принадлежность носителя имени; б) временная прикрепленность деятельности носителя имени; в) сведения об основных результатах деятельности и т.п. Факультативные параметры, характеризующие ономастическую БД, включают указание на наличие у имен собственных дериватов, лексико-семантических производных, на вхождение имени собственного в состав фразеологических единиц, устойчивых терминологических сочетаний, на связь имени собственного с произведениями фольклора, литературы, искусства и т.п. Дополнительные характеристики имен собственных отражают прежде всего ту часть их семантики, которая характеризуется как *ассоциативно-культурный фон*.

Включение в БД показателей частотности и распространенности онима, отражающих полевою структуру общеобязательных знаний, позволяет выбрать при создании словарей для конкретного адресата нужный содержательный уровень рассмотрения за счет включения в словник, помимо ядерных единиц, онимов периферических концентров разной степени удаления от ядра.

2. Теория и практика ономастатистики тесно связана с БД, однако имеет и самостоятельное значение. Создание частотного словаря актуальной ономастической лексики – важный шаг в оптимизации лексикографического процесса.

3. Теория и практика ономастических мини-мумов на основе БД и частотного словаря направлена, по сути дела, на создание словников для словарей разной целевой направленности.

4. Теория и практика создания ономастических словарей занимает центральное место в учебной ономаграфии.

Остановимся на вопросе типологии словарей, которые могут быть выделены по следующим основаниям.

1. По адресату:

1.1. Для российских школьников.

1.2. Для иностранных учащихся.

2. По характеру включенного ономастического материала:

2.1. Аспектные.

2.2. Комбинированные (рассматривающие различные комбинации разрядов онимов: антропонимы и литературные имена, антропонимы и топонимы и т.д.).

2.3. Комплексные (рассматривающие все разнообразие собственных имен, выделенных по внешнему признаку: по принадлежности определенному тексту, произведению, региону и т.д.). Примером словаря такого типа может служить созданный на основе анализа НКМ *комплексный учебный словарь имен и названий*, отражающий ядро общеобязательного ономастического знания русской языковой личности [11].

3. По типу заголовочных единиц (разряду описываемых онимов):

3.1. *Антропонимы* (внутренняя классификация данного разряда проходит по сферам деятельности носителя имени):

3.1.1. Писатели, поэты...

3.1.2. Ученые, изобретатели, путешественники...

3.1.3. Политические, общественные, военные деятели...

...

3.2. *Религионимы*.

3. *Мифонимы*.

4. *Зоонимы* (именования (клички) представителей животного мира). Разряд зоонимов дополняют так называемые *зоопронимы*, т.е. выступающие в качестве собственных имен названия животных, птиц, рыб, являющихся персонажами прежде всего фольклорных и др. жанров литературы (*Лиса, Волк, Заяц, Медведь* и т.п.). К зоопронимам может примыкать небольшое количество зооморфизмов – метафорических производных нарицательных наименований представителей животного мира, выступающих в качестве зоопронимов, а также проявляющихся в случае реализации синтаксически обусловленного значения апеллятива (*ворона, лиса, акула, ястреб* (о человеке) и т.д.).

5. *Топонимы* (детальность внутривидовой классификации топонимов зависит от характера реальных географических объектов, входящих в структуру общеобязательного знания):

5.1. Топонимы России:

5.1.1. Субъекты административно-территориального устройства, города, населенные пункты...

5.1.2. Гидронимы.

5.1.3. Исторические топонимы.

.....

5.2. Топонимы зарубежных стран.

...

6. *Космонимы* (названия зон космического пространства и созвездий) и *астронимы* (названия небесных тел).

7. *Хрононимы* (названия событий, войн, битв, восстаний, революций, съездов, конгрессов, конференций, а также праздников, дат, мероприятий).

8. *Политонимы* (названия органов власти, государственных учреждений, партий, движений, объединений, обществ, союзов и др.).

9. *Документонимы* (названия разного рода исторических и прочих документов: договоров, соглашений, пактов, резолюций и т.п.).

10. *Хремотонимы* (объединение широкого спектра названий предметов материальной и духовной культуры).

11. *Литературные имена* (имена литературных персонажей и названия литературных произведений).

Помимо перечисленных разрядов традиционно выделяемых собственных имен, в состав соответствующих словарей могут быть включены и некоторые другие типы языковых единиц, опосредованно связанные с онимами. В их числе выделим: 1) возникшие в результате деонимизации семантические дериваты нарицательных имен (*маузер, бордо, Митрофанушка, панاما, мерседес* и т.п.), 2) названия различных видов этнических общностей (наций, народов, народностей, племен, родов и т.п.) – этнонимы (*немцы, арабы, половцы, радимичи* и т.п.), а также лексические дериваты собственных имен обширных регионов, крупных и малых поселений – этнохоронимы (*африканцы, москвичи, волжане, сибиряки* и т.п.); 3) названия языков или диалектов, принадлежащих той или иной этнической общности – лингвонимы.

4. По языковому статусу заголовочных единиц:

4.1. Общеязыковые.

4.2. Региональные. Региональный статус единиц словаря в данном случае означает принадлежность онима определенной языковой среде (которая по определению является региональной). Важность создания таких словарей сегодня увеличивается в связи с общим переосмыслением роли языковой среды в обучении языку. Принципы отбора ономастического материала и его интерпретации в учебных целях могут быть продемонстрированы на примере «Смоленского ономастического словаря» [12].

5. По характеру включенной информации:

5.1. Лингвистические.

5.2. Лингвострановедческие.

5.3. Лингвокультурологические.

Лингвокультурологическим словарям принадлежит важная роль в обучении межкультурной коммуникации. Учитывая, что проблема

межкультурной коммуникации сегодня присутствует (скрыто или явно) в любом образовательном процессе, в основу построения словарей такого типа может быть положен принцип симметрии. В общем виде **принцип симметрии (или зеркальности) представления информации** в ономастическом (и любом лингвокультурологическом) словаре состоит в обеспечении равного (по возможности) доступа разноязычных пользователей словаря к содержанию описываемых одноименных единиц (приемы и средства достижения такой симметрии заслуживают отдельного описания).

6. По лексикографической ориентации:

6.1. Лингвоориентированные.

6.2. Антропоориентированные.

Антропоцентрическая ориентированность словаря проявляется на разных этапах его создания и на разных уровнях его организации. Проблема установления объема и характера информации, сопоставляемой заголовочному ониму в правой части словаря, связана с тем, что и массив ономастических единиц в составе общеобязательного знания, и набор соположенных им в ННТ сведений в той или иной степени отличаются от реальных характеристик этих единиц в структуре реальной русской языковой личности. Разумеется, этими отличиями можно пренебречь, что и делается в лингвоориентированных словарях, выполняющих по преимуществу справочно-информативную функцию. Однако в словарях антропоцентрической ориентации этот факт является весьма значимым. В связи с этим для выявления общеобязательного ономастического знания необходимы опросы, анкетирование, проводимые с носителями языка ассоциативные эксперименты, результаты которых могут быть дополнены использованием ресурсов Национального корпуса русского языка. Такого рода фильтры позволяют выявить актуальные ономастические знания.

7. По метаязыку:

7.1. Одноязычные.

7.2. Дву(много)язычные.

В рамках предложенной типологии могут быть созданы словари, характеризующиеся различными комбинациями перечисленных параметров, для обеспечения потребностей общего школьного образования, с одной стороны, и межкультурной коммуникации – с другой. Оптимальным решением при этом представляется создание *словарных серий и словарных ономастических систем*, описывающих культурное ядро русской картины мира. На их основе могут создаваться национально ориентированные варианты, максимально приближенные к потребностям конкретного адресата.

5. Теория и практика создания ономастических пособий словарного типа в словарной части опирается на достижения теории учебных словарей. В идеале, пособие словарного типа – это развернутая в соответствии с запросами конкретного пользователя учебно-методическая интерпретация материалов одноименного словаря. В этом смысле пособие должно быть вторичным по отношению к словарю, хотя возможно и его автономное существование.

6. Основной задачей теории и практики создания включенных ономастических словарей, как и предыдущего направления, является разработка способов методической адаптации ономастического материала к возможностям и жанровым особенностям учебника.

Таким образом, все перечисленные разделы учебной ономаграфии при большей или меньшей степени их самостоятельности оказываются тесно связанными как на теоретическом уровне, так и на уровне практического воплощения. Разработка целостной, непротиворечивой теории учебной ономаграфии означает, помимо прочего, установление места и роли всех видов и способов ономастического лексикографирования при осуществлении антропоориентированного описания общеобязательного ономастического знания как необходимого компонента структуры языковой личности. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
2. Бархударов С.Г., Новиков Л.А. Актуальные проблемы и задачи учебной лексикографии. К итогам дискуссии «Каким должен быть учебный словарь?» // Русский язык за рубежом. 1975. № 6.
3. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Лингвострановедческий словарь: изъяснение русского слова в учебных целях // Русский язык за рубежом. 1974. № 4.
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990.
5. Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР / Под ред. Е.М. Верецагина и В.Г. Костомарова. М., 1978.
6. Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1988.

7. Костомаров В.Г., Верещагин Е.М., Морковкин В.В. Теоретические основы лингвострановедческого словаря // М.А. Денисова. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь. М., 1978.
8. Лапагухин М.С., Скорлуповская Е.В., Снетова Г.П. Школьный толковый словарь русского языка: Пособие для учащихся / Под ред. Ф.П. Филина. М., 1981.
9. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1984.
10. Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984.
11. Максимчук Н.А. Комплексный учебный словарь собственных имен как форма представления нормативно-научной картины мира // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33).
12. Максимчук Н.А. Региональный ономастический компонент в структуре обучения РКИ и в учебной лексикографии // XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве»: В 5 т. Шанхай, 2011. Т. 1.
13. Морковкин В.В. Учебная лексикография как особая лингвометодическая дисциплина // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
14. Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: Сборник статей / Под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трушиной. М., 1986.
15. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // В.В. Морковкин. Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1988.
16. Морковкин В.В., Кочнева Е.М. Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии // EURALEX's Proceedings I–II / Eds.: H. Tammola, K. Varantova, T. Salmi-Tolonen, J. Schoor. Tampere, 1992.
17. Новиков Л.А. Учебные словари, их специфика и типы // Русский язык в национальной школе. 1974. № 1.
18. Подольская Н.В. Лингвострановедческий словарь топонимов // Словари и лингвострановедение / Под ред. Е.М. Верещагина. М., 1982.
19. Потиха З.А. Школьный словарь строения слов русского языка: Пособие для учащихся. М., 1987.
20. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М., 2007.
21. Словари и лингвострановедение / Под ред. Е.М. Верещагина. М., 1982.
22. Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография. Л., 1989.
23. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978.
24. Торшина Л.М., Крюк Л.А., Цурков В.Н. Учебный словарь сочетаемости терминов. Технология металлов и материаловедение / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1981.
25. Ушаков Д.Н. Современная русская лексикография. Л., 1983.
26. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. М., 1990.
27. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1979.
28. Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1984.
29. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

N.A. Maksimchuk

EDUCATIONAL ONOMAGRAPHY: STRUCTURE, PROBLEMS, PROSPECTS

Educational lexicography, proper name, obligatory knowledge, the principle of symmetry, the typology of educational onomastic dictionaries.

The article discusses some issues of educational theory and practice of onomastic lexicography (onomagrapy) as a new comprehensive discipline, tasks of which include ensuring onomastic dictionaries for a) needs of students at secondary schools, and b) queries of learners of Russian as a foreign language. The concept of compulsory knowledge is considered as a unifying basis for the solving of these problems, and some principles and methods of material's selection for a dictionary are formed on the basis of this concept. Special attention is paid to the principle of symmetry in the presentation of information at the dictionary. The typology of teaching onomastic dictionaries is proposed to the researchers.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В «СОВРЕМЕННОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»

Е.Ю. ВАУЛИНА

miauling@yandex.ru

канд. филол. наук,

ст. научный сотрудник

Санкт-Петербургского

государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

Ключевые слова:

терминология,

толковый словарь,

семантика,

словарная статья,

современный

русский язык

В статье рассматривается представление терминологической лексики в толковом словаре русского языка общего типа, ставящего перед собой задачу широкого охвата словника и ориентации на отражение современной языковой картины мира. Широкое описание терминологической лексики затрагивает не только расширение словника, но и все уровни структуры словарной статьи.

Описание современной языковой картины мира в толковом словаре требует особого внимания к терминологической лексике, широкое проникновение которой за рамки специального употребления служит источником постоянного пополнения словарного состава и развития семантики слов. В значительной мере обуславливаемая этим интеллектуализация языка вместе с распространением стихии разговорной и жаргонной речи признаются многими лексикологами основными процессами, определяющими современное состояние русского языка. «Современный толковый словарь живого русского языка» (далее – Словарь), разрабатываемый в Лаборатории компьютерной лексикографии филологического факультета СПбГУ под руководством Г.Н. Складневской, основывается на представительной фиксации реального речевого материала, наглядно демонстрирующего эти процессы.

Применительно к толковому словарю общего типа в качестве «терминологической лексики» рассматриваются единицы, маркируемые пометами собственно функциональными, объединяющими лексические группы по принадлежности к той или иной сфере деятельности, знания (а не указывающими их место в системе терминологии, таксономии, языков для специальных целей и т.п.) [4: 31–32].

В Словаре терминологическая лексика представляется не отдельными словами, а словообразовательными гнездами различной глубины. Толкования словообразовательных дериватов терминологической лексики так же разнообразны, как и не маркированных пометами слов. Например, описание относительных прилагательных не сводится к стандартной формуле «относящийся к...», требуя различной семантической конкретизации на основании примеров употребления. Такие оттенки семантики показываются в толковании за точкой с запятой, а соответствующие ряды речений разделяются знаком «уголок».

базификат... *Геол.* Порода, обогащенная основными² элементами и обедненная щелочными (кремния, натрия и т.д.)...

базификатный... *Геол.* Относящийся к базификатам, содержащий базификаты; характерный для базификатов. *Высокотемпературные базификатные жилы.* < *Породы, обогащенные базификатными элементами. Образование имеет базификатный профиль.*

базификация... *Геол.* 1. Природный процесс обогащения горных пород железом, магнием, кальцием и другими основными²

элементами с одновременным выносом элементов щелочных (кремния, натрия и т.д.)... 2. Гипотетический процесс преобразования континентальной...

базифицировать... *Геол.* 1. = Базифицироваться (1-е зн.)... 2. Подвергнуть/подвергать базификации (2-е зн.)...

базифицироваться. *Геол.* 1. Подвергнуться/подвергаться базификации (1-е зн.); базифицировать (1-е зн.)... 2. Подвергнуться/подвергаться базификации (2-е зн.)...

Приведем пример словообразовательного гнезда терминологической лексики (в Словаре все упоминаемые словарные статьи снабжены достаточным количеством речений из реальных контекстов). В нем некоторые лексемы маркируются сочетанием помет близких областей знания, а в ряде единиц выделяются дополнительные, новые по сравнению с опорным словом гнезда терминологические значения (сочетание помет при отдельном значении показано через запятую, пометы при разных значениях одного слова разделены точкой с запятой):

азотобактер (*биол.*), азотобактерии (*биол.*), азотобактерин (*агро.*), антибактериальный (*биол.*), бактериальный (*биол.*), бактериемия (*мед.*), бактериализация (*биол.*), бактериализовать (*биол.*), бактериализоваться (*биол.*), бактериальный (*биол.*), бактериоз (*биол.*), бактериолиз (*биол.*), бактериолизин (*биол.*), бактериолог, бактериологический (*биол.* и *мед.*), бактериология (*биол.* и *мед.*), бактерионоситель (*мед.*), бактерионосительство (*мед.*), бактериопурпурин (*биол.*), бактериоскопия (*биол.* и *мед.*), бактериостаз (*биол.* и *мед.*), бактериостатики (*биол.* и *мед.*), бактериостатический (*биол.* и *мед.*), бактериотропины (*биол.* и *мед.*), бактериоуловитель (*мед.*), бактериофаг (*биол.* и *мед.*), бактериофагия (*биол.* и *мед.*), бактериофаговый (*мед.*), бактериофобический (*мед.*), бактериофобия (*мед.*), бактериохлорин (*биол.*), бактериохлорофилл (*биол.* и *хим.*), бактериоциногенность (*биол.*), бактериоциногенный (*биол.*), бактериоцины (*биол.*), бактериурия (*мед.*), бактерицидность (*биол.*), бактерицидный (*биол.*), бактерициды (*биол.*), бактерия (*биол.*), бактериоидный (*биол.* и *мед.*; *бот.*), бактериоиды (*биол.* и *мед.*; *бот.*), бифидобактерии (*биол.*), галобактерии (*биол.*), дисбактериоз (*мед.*), дисбактериотический (*мед.*), микобактерии (*биол.*), нанобактерия (*спец.*), нитробактерии (*биол.*).

С точки зрения толковой лексикографии наибольший интерес представляют случаи

терминологического употребления слов, в семантической структуре которых присутствуют общеупотребительные, стилистически маркированные значения или терминология не близких, не родственных отраслей знания. Словарь, ориентированный на современное языковое сознание, должен решить проблему отражения специальной лексики в структуре многозначного слова, представляющей в виде вытянутой на плоскости цепочки лексико-семантических вариантов, а не трехмерного объекта или ориентированного графа.

В некоторых случаях терминологическое употребление лексемы не образует отдельного лексико-семантического варианта, но отличается достаточной распространенностью внутри определенной сферы. При этом используется лексикографический прием, принятый в Словаре для показа требующих дополнительного толкования семантических сдвигов или особенностей употребления — знак вертикальная тильда (j) внутри значения. Такие случаи возможны как при общеупотребительном значении, так и при значении специальном, но имеющем помету другой области знания.

адаптивный... 1. Учитывающий при функционировании изменения условий среды... j *Информ. Технология адаптивного веб-дизайна. Адаптивные сайты.*

ветвь... 2. Отходящая в сторону от единого начала, основной линии часть чего-л. удлиненного, протяженного... j *Физиол. Блокада ветвей тройничного нерва. Склероз ветвей дуги аорты. Кorkовые ветви мозговых артерий. Ветвь седалищной кости. Обходные ветви кровеносных сосудов. Каждое мышечное волокно возбуждается ветвью двигательного нейрона.*

абляция... 1. *Физ.* Процесс удаления вещества с поверхности твердого тела под действием излучения или обтекающего потока горячего газа... j *Мед. Ультразвуковая абляция. Радиочастотная абляция используется в медицине как метод локального воздействия на злокачественные новообразования печени.* j *Астрон. Абляция комет. Абляция в результате отделения от метеорного тела мелких твердых частиц или капелек.*

С помощью этого знака в словаре последовательно отмечаются также особенности употребления значений, свидетельствующие о связи процессов интеллектуализации и детерминализации, ухода терминологической лексики из сферы узкого специального употребления, расширения стихии разговорной речи в современном русском языке. К ним относятся:

- употребление в разговорной речи:

гидроаэродинамика... 2. *Тех.* Особенности движения жидкостей, газов внутри конструкций; особенности движения обтекаемых тел в газообразной или жидкой среде. | *Разг.* Об особенностях конструкции, основанных на принципах такого движения. *Обновленная гидродинамика кузова автомобиля.*

гиперзвук... *Физ.* Очень высокий звук (1-е зн.) с частотами выше одного гигагерца, не воспринимаемый органами слуха человека и животных. | *Разг.* О гиперзвуковых скоростях. *Летать на гиперзвуке;*

- устаревшая сочетаемость или сочетаемость, относимая к историческому употреблению терминологической лексической единицы:

заложенность... 1. *Криминал. и Юр.* Захват и насильственное удержание людей бандитами, террористами и т.п. с целью обеспечения выполнения каких-л. требований. | *Ист.* *Заложенность практиковалась в Ассирии как гарантия соблюдения заключенных договоров. Институт заложенности в Средние века.*

иммунитетный... 2. *Юр.* Связанный с иммунитетом, подпадающий под иммунитет (3-е зн.). *Иммунитетные виды ответственности депутата. Придание помещению статуса иммунитетного.* | *Устар.* *Иммунитетные права крупного землевладельца. Церковные иммунитетные округа. Иммунитетные грамоты феодалов;*

- употребление в фантастике, компьютерных играх и т.п.:

галактический... *Астрон.* Относящийся к Галактике, галактикам. | В художественной и научной фантастике. *Галактический патруль. Галактическая война. Галактические цивилизации.*

В общем случае в Словаре, рассчитанном на массового читателя, принят порядок следования значений в структуре многозначного слова от общеупотребительного к специальному. Однако такой порядок может вступать в противоречие как с правилом представления на первом месте самого распространенного, наиболее широко известного современным носителям языка лексико-семантического варианта, так и с правилом размещения прямого значения непосредственно перед образовавшейся на его основе метафоры. Поэтому в ряде случаев маркируемое

пометой сферы употребления значение оказывается выше немаркированного в линейно вытянутой структуре многозначного слова.

барометр... 1. *Тех.* Прибор для измерения атмосферного давления... 2. *чего. Перен.* Показатель, мерило каких-л. изменений, состояния чего-л.

бацилла... 1. *Биол. и Мед.* Бактерия, имеющая форму палочки; любая болезнетворная бактерия... 2. *Перен.* Отрицательное свойство, качество, негативное проявление в общественной или духовной жизни, легко распространяющееся среди людей.

запрограммировать... 1. *что. Информ.* Создать программу (8-е зн.)... 2. *что. Спец.* Задать программу (9-е зн.) машине, устройству и т.п... 3. *кого, что на что и с неопр. ф. Перен.* Настроить на выполнение каких-л. действий, исполнение чего-л.

Прямое значение слова также может восприниматься с точки зрения синхронного описания языка как подчиненное специальному, принадлежности которого к той или иной области знаний отчетливо ощущается носителями языка. В таких словарных статьях на первом месте часто оказываются (вследствие углубления научных знаний носителей языка об окружающем мире) физические и химические термины, а также техническая лексика, именуемая объектами, с которыми мы часто сталкиваемся в повседневной жизни.

болт... 1. *Тех.* Крепежная деталь в виде стрежня с наружной резьбой на одном конце и головкой на другом, образующая разъемные соединения при помощи гайки или резьбового отверстия. *Мебельный, дорожный, машиностроительный болт. Болт с шестигранной, полукруглой, потайной головкой. Анкерный фундаментный болт. Механические свойства высокопрочных болтов. Отвернуть болт. Проверить затяжку болтов. Соединение валов с помощью фланцев и болтов.* 2. Железный прут для запирания (ставен, дверей)... 3. *Разг.* Металлическая пуговица, заклепка, ряд которых образует застежку (обычно на ширинке джинсов)...

концентрированный... 1. *Хим.* Отличающийся насыщенностью, содержащий максимально возможное при данных условиях количество растворенного вещества. *Концентрированный раствор марганцовки. Концентрированная серная кислота.* 2. Обладающий повышенным содержанием ценных питательных веществ; конденсированный... 3. Густой, содержащий малое количество жидкости...

материя... 1. *только ед. Физ.* Вещество, из которого состоят физические тела, субстанция. *Живая, неживая материя. Строение материи. Мельчайшие частицы физической материи. Движение материи. Виды материи, заполняющей пространство между галактиками. Материя, построенная из античастиц. Плотность распределения материи во Вселенной. Материя как носитель энергии.* 2. *только ед. Филос.* Объективная реальность, существующая вне и независимо от человеческого сознания. *Доводы в пользу первичности материи над духом. Проблема соотношения материи и формы. Рассматривать сознание как свойство высокоорганизованной материи.* 3. Предмет обсуждения, внимания... 4. *Разг.* Ткань, материал...

Словарные статьи Словаря демонстрируют развитие семантической структуры терминологических слов. При выходе значения за рамки употребления внутри одной из специальных областей словарь использует сочетание не более трех помет (антисенс-технология *Биол., Мед. и Хим.*; графен *Физ. и Хим.*; кристаллоид *Биол., Физ. и Хим.*; репликатор... *Биол. и Тех.*). При лексико-семантических единицах, функционирующих одновременно в более чем трех разных профессиональных сферах, применяется помета *Спец. (специальное)* (идентификационный, телематика, эвальвация). В Словаре выделяется также общенаучная лексика (помета *Научн.*).

асимметричный... 1. Обладающий асимметрией, заключающий в себе асимметрию... 2. *только полн. ф. Спец.* Полудуплексный, асинхронный (2-е зн.); связанный с передачей данных в одном направлении с большей скоростью, чем в другом или по разным каналам. *Скорость голосового канала в асимметричном режиме.* < *Асимметричная цифровая линия подключения. Протокол для высокоскоростной асимметричной передачи данных.* 3. *только полн. ф. Научн.* Не имеющих общих оснований для сравнения, сопоставления с чем-л. (традициями, прежним опытом и т.п.). *Ответ на ультиматум был асимметричным и совершенно непредсказуемым. Асимметричные информационные действия имеют больше шансов на успех, так как им нельзя противопоставить логично обоснованный ответ. Россия найдет асимметричные эффективные решения для обеспечения своей безопасности.*

валидность... 1. *Научн.* Надежность информации, отсутствие в ней ошибок, обусловленных неточностью выбранной методики

сбора данных; мера соответствия методики и результатов исследования поставленным задачам, способность адекватно отражать изучаемое явление. *Валидность научных знаний. Оценка валидности методами математической статистики.* < *Валидность экспериментальных процедур. Опыт должен обладать безупречной валидностью.* 2. *Информ.* Свойство валидного (2 зн.). *Валидность документа. Соблюдение валидности при разработке веб-сайта. Онлайн-инструмент для проверки отдельных страниц на валидность.*

валидный... 1. *Научн.* Обладающий валидностью (1-е зн.). *Валидный вывод. Валидный банк данных специалистов. Валидный инструмент сегментирования клиентов. Действительно валидные шкалы получают только в ходе множественных количественных замеров. Материал валидный, проверен на практике. Тест валиден не для всех групп респондентов.* 2. *Информ.* Удовлетворяющий определенным стандартам, технической спецификации. *Валидный и семантически верный код. Валидные адреса электронной почты. При обнаружении ошибок выводится уведомление о том, что страница не валидна и список ошибок с указанием строк.*

экстраполирование... 1. *Матем.* Продолжение функции за пределы ее области определения, при котором продолженная функция принадлежит заданному классу. *Экстраполирование функций для численного решения обыкновенных дифференциальных уравнений, для вычисления производных, интегралов.* 2. *Научн.* Распространение результатов исследования, полученных из наблюдений над одной частью явления, на другую его часть. *Экстраполирование как метод научного прогнозирования. Необоснованное экстраполирование данных.*

Терминологические значения часто реализуются на уровне устойчивых словосочетаний. Такие терминологические единицы в Словаре разрабатываются по общим правилам, принятым для устойчивых сочетаний: маркируются пометами, помещаются в то или иное значение после речений, примерами употребления не снабжаются, толкуются в словарной статье на первый по алфавиту компонент сочетания.

аффилированный... *Экон.* 2. Оказывающий прямое влияние на деятельность компании, организации, сообщества, лица. Δ **Аффилированное лицо** (физическое лицо или организация, способные оказывать прямое влияние на деятельность хозяйственного

общества вследствие участия в капитале или членства в руководящих органах).

давление... 2. *Спец.* Сила, действующая на какую-л. поверхность в расчете на единицу площади поверхности; физическая величина, характеризующая эту силу. Δ Атмосферное давление (см. Атмосферный 1-е зн.). Δ **Давление звука** *Физ.* (сила, действующая на препятствие, помещенное в звуковое поле). Δ **Давление излучения, света** *Физ.* (сила воздействия света на тела, отражающие или поглощающие свет; давление излучения). Δ **Кровяное давление** *Мед.* (сила, действующая на стенки кровеносных сосудов под влиянием тока крови у человека и животных).

игла... 6. Тонкий заостренный кристалл какого-л. вещества. Δ **Ледяные иглы** *Метеор.* (твердые атмосферные осадки в виде мельчайших ледяных кристаллов).

Лексика многих областей знания проникает в русский язык и развивается в нем настолько быстро, что некоторые единицы уже оцениваются современниками как движущиеся по пути устаревания. В то же время их принадлежность к определенной сфере ощущается носителями языка, а примеры употребления можно встретить во многих печатных текстах, в том числе официальных и учебных. По отношению к таким словам и значениям Словарь, описывающий современную языковую картину мира, допускает сочетание терминологической пометы и пометы *Устаревающее*:

авост... *Информ. устаревающее.* Сокр. Аварийная остановка (нештатное завершение выполнения программы, задачи, процесса при сбое или фатальной ошибке). *Авост с восстановлением.* При просмотре протокола тестирования иногда происходит авост. Попытка деления на ноль приводит к авосту. Возможность авоста часто может быть устранена путем изменения порядка действий.

ЭВМ... *Информ. Устаревающее.* Сокр. Электронно-вычислительная машина. Многопроцессорные ЭВМ. Операционные системы для малых ЭВМ. Применение ЭВМ в различных областях деятельности человека. В серию ЕС ЭВМ входило около двух десятков различных по мощности моделей.

бикарбонат... *Хим. Устаревающее.* Гидрокарбонат. Бикарбонат аммония, железа. Бикарбонат натрия. Уровень бикарбоната в плазме.

идиоматизм... *Лингв. Устаревающее.* Идиома. Латинский идиоматизм. Распространение идиоматизма в разговорной лексике.

В заключение отметим, что проникновение терминологии в общее употребление непосредственно связано и с появлением новых разговорных лексем в словнике словаря (юридический термин *автогражданское страхование* – разговорное *автогражданка*, финансовый *акцизная марка* – акцизка, технический *автоматическая разводка* – *авторазводка* и т.д.). ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М., 2003.
2. Лейчик В.М. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение. 1994. № 2.
3. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX в. // Вопросы филологии. 2000. № 2.
4. Скляревская Г.Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб., 2004.
5. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 2003.
6. Шелов С.Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб., 1998.

E.Yu. Vaulina

REPRESENTATION OF TERMINOLOGY IN THE MODERN EXPLANATORY DICTIONARY OF LIVING RUSSIAN LANGUAGE

Terminology, semantics, explanatory dictionary, dictionary entry, modern Russian language.

The article considers the representation of terminology in the explanatory dictionary of modern Russian language, having a goal to cover a wide list of words and to display the modern language picture of the world. Expansive description of terminology is related not only to the extension of wordlist, but to all levels of dictionary entry's structure.

«РУССКИЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Г.Ф. БОГАЧЕВА

GFBogacheva@pushkin.institute
канд. филол. наук,
ведущий научный сотрудник
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

А.И. ОЛЬХОВСКАЯ

AIOlkhovskaya@pushkin.institute
канд. филол. наук,
ведущий научный сотрудник
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:
учебная лексикография,
идеография,
тематический словарь,
активный словарь,
полиаспектный словарь

Статья посвящена изложению ключевых лексикографических принципов «Русского тематического словаря», работа над которым ведется в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Детально характеризуя концептуальные основы Словаря, а также его макро- и микроструктуру, авторы останавливаются на освещении процедуры отбора словника, способов семантизации лексических единиц, функционального назначения поэтических цитат, некоторых проблем идеографирования лексики и перспектив обозначенного словарного проекта.

Отечественная лексикография, еще недавно уступавшая зарубежным в области идеографии, за последние пятьдесят лет интенсивного развития словарного дела обогатилась целым рядом лексикографических произведений, содержащих качественное описание тематического разнообразия русского языка¹. Этот факт, однако, вовсе не означает, что многообразные потенции и ресурсы идеографической

¹ Среди этих произведений отметим «Иллюстрированный тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой (1989), идеографический раздел «Лексической основы русского языка» под ред. В.В. Морковкина (1984), «Тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой, В.В. Морковкина (2000), «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова (1995), «Русский семантический словарь» (1998–2007) и «Русский идеографический словарь» (2011) под редакцией Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание» (1999) и др. под ред. Л.Г. Бабенко, а также (в части разработки системы таксонов и подтаксонов) «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского.

лексикографии исчерпаны, о чем свидетельствует сохраняющаяся неопределенность по ряду ее ключевых вопросов. Среди таких вопросов можно назвать, в частности, а) принципы построения идеографического синопсиса, в особенности рациональное совмещение подчас вступающих в конфликт научных и обыденных представлений о действительности, б) идеографирование в аспекте концептуализации национальной картины мира, в) интенсификацию активного характера тематического словаря и др.

Решение последней из обозначенных задач представляется более чем насущным. Несмотря на то что назначение любого идеографического словаря состоит в обеспечении продукции речи, ни один из имеющихся тематических словарей русского языка, как кажется, не воплощает эту ориентацию рельефно. На преодоление сложившейся лексикографической несправедливости направлен проект под названием «Русский тематический словарь» (РТС), работа над которым в настоящее время ведется в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. По способу существования указанный словарь является распределенным, т.е. таким, который существует в виде совокупности монотематических словарных выпусков. К понятийным областям, идеографирование которых составляет содержание Словаря, относятся: 1) абстрактные категории и отношения, формы существования материи и духа (бытие, пространство, форма, время, движение, количество, качество, отношение и др.); 2) неорганический мир, неживая материя (космос, вещества, недра Земли, земной шар, атмосфера, климат и погодные явления, земная поверхность); 3) неодухотворенная живая материя (растительный и животный мир); 4) человек (человек как живое существо, внутренний мир человека, душевный склад, характер и темперамент человека, деятельность и поведение человека, трудовая деятельность человека, человек в обществе, человек и культура); 5) общество, страна, государство (государственное устройство, населенные пункты, война и мир, международные отношения и др.)².

Ключевые принципы нового тематического словаря

Хотя «Русский тематический словарь» вполне вписывается в традицию идеографии, он

обладает рядом отличительных черт, на основании которых может считаться новаторским по типу словарным произведением. Признаки выраженной новизны присущи, на наш взгляд, следующим его характеристикам.

1. Тематико-идеографическая ориентация

Обсуждаемый словарь совмещает в себе две основных типологических разновидности идеологического словаря, а именно: словарь идеографический (идеографический тезаурус) и словарь тематический (учебный идеографический) [1]. Иными словами, РТС являет собой новую синтетическую разновидность словаря данного жанра, именуемую нами тематико-идеографической. Опираясь на заданное число методически релевантных тем, авторы стремятся максимально полно отразить лексическое содержание каждой. Так, в рубрике «Точки и участки пространства» пользователь обнаружит не только ядерные для данной смысловой сферы слова, обладающие ощутимой языковой автономностью (*место, местность, территория, зона, пояс, участок* и др.), но и достаточно периферийные и, что немаловажно, осознаваемые как содержательные единицы далеко не всеми носителями языка единицы наподобие *ветер*, ср. *стоять на ветру*; *холод*, ср. *выйти на холод*; *мороз*, ср. *прийти с мороза*; *солнце*, ср. *лежать на солнце* и т.п.

2. Осознанная и выраженная ориентация на активные виды речевой деятельности

Данная целевая направленность проявляется в предоставлении пользователю комплекса исчерпывающей информации по продуктивно значимым параметрам слова, как то: полная словоизменительная парадигма, относительная ценность (синонимы, аналоги, антонимы, когнитивы, таронимы, стилистическая маркированность) и сочетательная ценность (лексические наполненные сочетаемостные модели).

3. Полиаспектность

Словарь представляет собой первую попытку всеохватного тематического лексикографирования русской лексики в интенсивном ключе. Кроме тематически связанных рядов лексических единиц, произведение содержит комплекс языковой информации, распределенной по разнообразным зонам словарной статьи. В словарной статье РТС можно найти следующую информацию:

а) акцентологическую и орфоэпическую – последнюю в тех случаях, когда звучание слова отклоняется от произносительных норм русского языка – характеристику слова, напр., *шелков'иц|а* и разг. *шелк'овиц|а*, *кр'атер* [тэ и хуже те], *спани'ель* [изэ], *кой'от* [ёт], *денн'иц|а* [н'н' и н'], депр'ессия [рэс' и рес'], *с'олнце* [н], *ноосф'ера* [оа и оо], *бр'езжи|ть*

² На текущий момент подготовлены четыре выпуска: «Выпуск 1. Космос. Неживая материя. Вещества. Недра», «Выпуск 2. Земной шар. Атмосфера. Земная поверхность», «Выпуск 3. Животный мир» и «Выпуск 4. Растительный мир». На разных стадиях разработки находятся выпуски «Человек как живое существо», «Эмоциональный мир человека», «Бог и религия» и «Пространство и время».

[жж], матери'альн|ый [рья], л'итив|ый [ии и хуже и];

б) грамматическую характеристику слова, которая разделяется на присловную и присловарную³, напр., обез'янк|а, -и, род. мн. обез'янок, ж., од., III в; сух|ой, кр. ф. ж. сух'а, мн. с'ухи и сух'и, сравн. I с'уше, превосх. I нет, кач., IV в; сн'икну|ть, сн'икн|у, -ет, прош.: м. сник и устарев. сн'икнул, ж. сн'икл|а и устарев. сн'икнул|а, прич. действ. прош. сн'икш|ий и сн'икнувш|ий, употр. редко, св., V а, неперех.;

в) семантическую характеристику слов с модификационным словообразовательным значением посредством системы помет, напр., телёнок <...> *детск.*; быч'ищ|е <...> *увел.*; карт'ошинк|а <...> *един., уменьш.*; тепл'ишь <...> *интенс.*; мор'озец <...> *ослабл.*;

г) стилистическую характеристику слова, напр., кл'яч|а <...> *разг., пренебр.*; мет'елиц|а, <...> *с оттенком разг.*; вёдр|о <...> *простонар.*; хмарь <...> *обл.*; тёмная мат'ерия <...> *спец.*; метагал'актик|а <...> *астр.*;

д) словообразовательное расширение словника с помощью указания префиксов со значением некоторых способов глагольного действия⁴, напр., ду|ть <...> {по⁻¹; по⁻²}; жев'а|ть <...> {за-, по⁻², про-}; крич'а|ть <...> {за-, по⁻², про-};

е) парадигматическую информацию о слове, т.е. информацию о способности слова вступать в синонимические, антонимические, когипонимические и таронимические отношения, напр., медв'едь <...> ★ *Син.* м'ишка, косол'апый²; пасть д'ухом <...> ★ *Ант.* воспр'януть д'ухом; тоск|'а <...> ★ *Ср.* хандр'а, сплин; афф'ект <...> ★ *Не путать* с эфф'ект; 'изморось <...> ★ *Не путать* с 'изморозь;

ж) соотносительную статистическую информацию об употребительности синонимов, например, гряд|'а <...> гр'ядка *употр. чаще*;

³ Присловарная грамматическая характеристика представляет собой расположенные в зоне словарных приложений регулярные словоизменительные парадигмы русского языка. Присловная грамматическая характеристика находится непосредственно в словарной статье, справа от заголовочной единицы, и содержит словоформы, которые не укладываются в образцовые грамматические схемы (первый опыт такого рода описания языкового словоизменения находим в [3]). Связь между присловной и присловарной характеристиками осуществляется на основании системных индексов (I а–ж, II а–г, III а–з, IV а–з, V а–б).

⁴ В настоящий момент в Словаре учитываются лишь пять таких префиксов: за- и по¹- со значением начала действия, по²- со значением осуществления действия в течение непродолжительного времени, про- со значением осуществления действия в течение значительного времени, а также на- со значением получения с помощью действия множества результирующих объектов.

черёмухов|ый <...> ★ *Син.* черёмушный *употр. реже*;

з) краткую этимологическую справку (лишь при острой необходимости), напр., клир <...> [*<< греч. klēros – 'жребий' (христианское духовенство изначально избиралось по жребию)*]; р'яса <...> [*← ср.-греч. rason – 'монашеское облачение'*];

и) английские эквиваленты слова или – в случае отсутствия адекватного эквивалента – разъяснительные семантизирующие отрезки, которые для иностранцев являются, во-первых, дополнительным средством семантизации, а во-вторых, экономным входом в Словарь через английский алфавитный индекс, напр., пиц'а|ть <...> *Eng.* to squeak, (*о птицах и насекомых*) to chirp; (б) прод'олжи|ться, продолж'а|ться <...> *Eng.* to last; припорош'и|ть, припорош'ива|ть <...> *Eng.* to cover with newly-fallen snow;

к) информацию о сочетаемости поведению слова в виде перечня упорядоченных грамматических моделей, наполненных основными лексическими распространителями, напр., (в) трав'а <...> зелёная (густая, пожухлая, высохшая, скошенная, высокая, мягкая, луговая, степная) ~; ~ -мурава; ~ на лугу (на лужайке, на поляне); косить ~у; что-л. поросло ~ой; искать что-л. (кто-л. ползает *нсв.*) в ~е; лежать *нсв.* на ~е; ~ покрывает что-л. (растёт где-л., зеленеет *зд. нсв.*, цветёт *нсв.*, пожухла, качается *нсв.*); (а) эмоцион'альн|ый <...> ~ состояние (настрой, подъём, всплеск, истощение, атмосфера, обстановка); жууж'а|ть <...> надоедливо (басовито, громко, тоненько) ~; жук (пчела, муха, комар) жууж'ит;

л) весьма разнородный комплекс культурологических сведений о слове, к которым относятся знаковые художественные произведения, страноведчески значимые перифразы, важные для русской культуры прецедентные имена и события, пословицы, поговорки и крылатые выражения, а также яркие поэтические высказывания с заголовочной единицей, напр., лес <...> ● Чем дальше в лес, тем больше дров (*посл.*); Волков бояться – в лес не ходить (*посл.*); Как (сколько) волка ни корми – всё в лес смотрит (*посл.*); Кто в лес, кто по дрова (*погов.*); «Лес» (комедия А.Н. Островского); «Русский лес» (роман Л.М. Леонова); «Без остановки ехал витязь | Дремучим лесом до утра» (Н.А. Некрасов. Баба-яга, костяная нога); «Ведерко, полное росы, | Я 'из лесу принес, | Где ветви в ранние часы | Роняли капли слез» (С.Я. Маршак. Ведерко, полное росы...).

4. Синергичность

Идеи синергии, столь популярные сегодня в естественных науках, реализуются в словарном описании посредством эффективного

совмещения разноаспектной информации о слове, а также за счет полифункциональности каждой словарной зоны. Последняя проявляется в том, что любой конструктивный элемент словаря не исчерпывается каким-либо одним предназначением, а компактно и комплексно покрывает несколько пользовательских запросов, расширяя круг информации настолько, насколько это возможно в словаре упомянутого жанра. К примеру, приведение синонимов заголовочной единицы, во-первых, дает представление о системных связях слова, а во-вторых, указывает адресату его речевой конкурент, который может быть использован в целях стилистической, эмоционально-экспрессивной или какой-либо иной замены.

Процедура отбора словника

Формирование словника обсуждаемого словаря производится с учетом нескольких ориентиров: а) методического, б) лингвистического и в) практического. На первом этапе используется по преимуществу **методический ориентир**, согласно которому выбор тем и ситуаций осуществляется с опорой на содержание обучения РКИ. Такой подход имеет следствием формирование первого «слоя» лексики, минимально необходимой для общения в пределах заданной темы. Так, тема «Животное как таковое» дает всего 3 ключевых слова: *животное* (*животные Африки*), *зверь* (*лесные звери*) и *организм* (*одноклеточные организмы*). Нетрудно заметить, что первичный отбор материала позволяет скомпоновать достаточно бедные по составу тематические группы, весьма схематично представляющие фрагмент отражаемой ими действительности, что существенно ограничивает пользователя в выборе средств при производстве речи.

Поэтому на втором этапе формирования словника в основание конструкции словаря вводятся собственно **лингвистические ориентиры**, действующие в рамках описательно-моделирующего подхода к рассмотрению лексических единиц [2: 27–29] и позволяющие за счет экспликации системных связей слова не только более полно смоделировать определенную тематическую группу, но и более объективно представить тот или иной фрагмент лексической системы русского языка, а через нее – языковой картины мира. Включение этих ориентиров в процесс формирования словника порождает второй «слой» лексики, которая расширяет и разнообразит тематическое пространство групп, ср.: *животное* по линии синонимии дает единицу *животина*; *зверь* на уровне модификационных словообразовательных моделей дает наименование детеныша *звереныш* и единицу

со значением собирательности *зверье*, мутационные словообразовательные процессы расширяют словник за счет слов *зверек* и *зверушка*; лингво-логические связи ключевых слов дополняют словник единицами *скотина* и *тварь*; в свою очередь, *скотина* позволяет включить в словник уменьшительно-ласкательное *скотинка* и т.д.

Наконец на последнем, коррекционном, этапе формирования словника в игру вступает **практический ориентир**, позволяющий устранить как возможные лакуны в описании группы, так и «излишества» в нем (единицы, отсутствие которых не ухудшит качества производства речи). Здесь же, кроме того, производится методические и лингвистически адекватное расположение единиц, с тем чтобы подчеркнуть их семантическую связь, стилистические, иерархические и т.д. отношения.

Семантизация в тематическом словаре

Заголовочная единица в идеографическом словаре традиционно семантизируется посредством последовательного указания на ее место в соответствующей тематической области, ср. *липа*¹: Мир растений → Высшие растения → Семенные растения → Покрытосеменные растения (содержание группы дает понять, что это листовые растения) → Деревья и кустарники → Неплодовые деревья и кустарники. Очевидно, что информация такого рода дает некое обобщенное представление о значении единицы, исчерпывающееся, как правило, интегральной частью и оставляющее за рамками его дифференциальные признаки. Однако, несмотря на отсутствие в рассматриваемом словаре вербальных толкований, его полиаспектность таит в себе мощный объяснительный потенциал.

Семантизации слова способствует, во-первых, наполнение сочетаемостной зоны словарной статьи. Представленные в ней словосочетания и предложения являются наиболее характерными и необходимыми для включения заголовочной единицы в речь, а потому неизбежно раскрывают ее семный состав, ср.: *липа*¹ – обыкновенная (сердцевидная *бот.*, мелколистная, крупнолистная, амурская) ~; листья (цветки, цветение, древесина) ~ы, аллея *лип*; Пчелы собирают мед с *лип*. Посредством приведенной сочетаемости акцентируется сема ‘лиственное дерево’, раскрываются такие семные доли, как ‘с сердцевидными листьями’ и ‘медоносными цветками’, а также предьявляется фоновая информация о разновидностях липы и ее использовании (для поделок из дерева, сбора меда, озеленения территорий).

Во-вторых, эффективным инструментом семантизации являются иллюстративные тексты,

извлеченные из поэтических произведений. Они, в частности, дают возможность а) указать на некоторые части сигнификативного значения заголовочной единицы: *дуб* – «Вот старый дуб – листва из звонкой меди, | Могучий стан в извилинах коры» (Вс.А. Рождественский. Деревья); б) указать на некоторые, обычно общеизвестные части сигнификативного фона значения, т.е. выйти за рамки того семного минимума, который обычно указывается в толкованиях большинства объяснительных словарей: осина – «Прикрыв глаза, сидеть в лесу на пне | И радоваться мшистой тишине, | Где только шорох млеющий один | Безудержного трепета осин» (Л.А. Алексеева. Прикрыв глаза, сидеть в лесу на пне...) (общеизвестный признак осины – дрожание листьев даже в безветренную погоду); в) «вскрыть» образный потенциал данного слова: *лоза* – «Была ты гибкая и стройная, | Точь-в-точь как над рекой лоза» (А.А. Баркова. Была ты гибкая и стройная...); *олеандр* – «У узорчатой ограды | Два цветущих олеандра | Разгораются костром...» (Саша Черный. Дитя); *верба* – «Распустились вербы мягкие, пушистые, | Маленькие серые зверьки» (Н.В. Крандиевская. Вербы).

В-третьих, дополнительным инструментом семантизации является так называемая культурологическая часть. В рассматриваемом аспекте это прежде всего пословицы и поговорки, описывающие какие-либо характерные признаки денотатов заголовочных единиц, например, *роза*: Нет розы без шипов (*посл.*); *яблоня*, *яблочко*: Яблочко от яблони недалеко падает (катит-ся) (*посл.*), *быльё*: Что было, то быльём поросло (*погов.*). В-четвертых, семантизация производных заголовочных единиц может происходить с помощью а) расположения данных единиц максимально близко от производящего слова и/или б) указания на характер модификационного словообразовательного значения, свойственного производному слову, ср.: *цветы* → *цветочный* (*относ.*) (контактное расположение), *цветы* → *цветочки* (*уменьш.-ласк.*). Наконец, в-пятых, факультативным семантизирующим средством, очевидно, допустимо считать приводимые при части заголовочных слов английские эквиваленты.

Лексикографический потенциал поэтических цитат

Беспрецедентность приведения поэтической информации в словаре указанного жанра по-прежнему обоснована возможностью ее предъявления. Оставляя в стороне упомянутую ранее семантизирующую силу поэтических цитат, сосредоточимся на иных преимуществах данных художественных извлечений. К ним можно

отнести прежде всего предъявление единицы в окружении тематически связанного ряда слов и моделирование посредством этого заявленной в словаре тематической сферы. Так, цитаты «И бледная **Полярная звезда** | Горит недвижно в бездне небосвода» (И.А. Бунин. Полярная звезда), «И страшным, страшным креном | К другим каким-нибудь | Неведомым вселенным | Повернут **Млечный Путь**» (Б.Л. Пастернак. Ночь), «В небесах торжественно и чудно | Спит земля в сиянье голубом» (М.Ю. Лермонтов. Выхожу один я на дорогу) работают на языковую материализацию тематической области «Вселенная, космос».

Во-вторых, каждая из приведенных поэтических цитат может рассматриваться как речевая реализация сочетаемостных потенциалов слова, раскрытых в словарной статье посредством комплекса грамматических моделей. Поэтические отрезки, кроме того, во многих случаях существенно расширяют представления о сочетаемостных возможностях слова. Поскольку тематический словарь не является специализированным словарем сочетаемости, он раскрывает не все, а лишь основные грамматические и в особенности лексические валентности слова. В этих условиях не ангажированные установками словаря стихотворные примеры дают пользователю представление о свободном употреблении единицы. Например: *ущелье*, -я, *род. мн.* ущелий, *ср., нд.*, II в. *Eng.* ravine, chasm. горное (узкое, глубокое) ~; склон (глубина) ~я; *мост* **через** ~; спуститься **в** ~; подняться **из** ~я; *по* ~ю течет *нсв.* река (идет *зд. нсв.* дорога); ● «И скрылся я в ущельях гор; | И стал бродить, как метеор, | Во мраке полночи глубокой...» (М.Ю. Лермонтов. Демон); «У скалистого ущелья | Одинокий я стоял, | Преду мной поток нагорный | И клубился, и сверкал» (Н.С. Гумилев. У скалистого ущелья...).

Иллюстрации, приведенные в «поэтической» зоне данной словарной статьи, с одной стороны, дополняют лексический ряд атрибутивной модели (*скалистое ущелье*), а с другой – дают представление об отсутствующих в основном теле словарной статьи сочетаниях слова (*ущелье гор*, *скрыться в ущельях*, *стоять у ущелья*).

В-третьих, немаловажным функциональным назначением поэтической зоны является формирование эстетической компетенции гипотетического адресата и, в частности, выработка языкового вкуса. Поэтические примеры являют собой образцы красивой речи, которые не только доставляют удовольствие и вдохновляют пользователя, но и задают некоторый предел его собственного речетворчества. Иначе говоря, в интересах пользователя, который строит высказывание с опорой на словарную

Русский язык в зеркале словарей

информацию, формируется плацдарм для творческого подражания.

Некоторые проблемы идеографирования лексики

Любое лексикографическое описание, как известно, сопровождается разного рода спорными случаями, часть из которых носит системный характер и потому требует обсуждения. К текущим проблемам тематико-идеографического описания русской лексики можно отнести следующие.

1. Определение идеографического статуса единиц с широким (по сравнению с заданной тематической областью) лексическим значением

Например, тематическая группа «Состояние поверхности воды» вполне обоснованно включает в себя такие «звуковые» единицы, как *плеск, плескаться, журчание, журчать* и т.д. Однако указанное объединение может быть дополнено словами, в значении которых отсутствует семантический элемент 'водная поверхность', ср. *ропот, лепет, лепетать, шум, шумный, шуметь, шумно, гул, рев, реветь* и др. Очевидно, что идеографирование с опорой на толковательные отрезки отторгает такого рода расширительные единицы; интуиция же носителя языка настоятельно рекомендует включать их в тематическую группу для более полного и объективного представления соответствующей сферы.

2. Определение местоположения единиц двойной тематической принадлежности

Многие лексические единицы могут быть отнесены к двум и более тематическим группам одновременно, ср. *мандраж, мандражировать* – и «Страх» и «Волнение»; *озабоченность, озабоченный, озабоченно* – и «Волнение», и «Замешательство», и «Растерянность»; *опасение, опасаться* – и «Страх», и «Волнение», и «Беспокойство, тревога»; *железо, медь, серебро* и др. – и «Простые вещества», и «Полезные ископаемые». Поскольку подобные «системные швы» являются не таким уж редким, а возможно, даже системным случаем, в основе их предъявления должны лежать определенные и осознанные лексикографом принципы. Один из таких принципов состоит в двойном предъявлении единиц – в семантически предпочтительной группе в сопровождении расширительной языковой характеристики и в факультативной группе с усеченной языковой информацией и отсылкой к ведущему местоположению.

3. Решение вопроса о распространенной в узусе плеонастической сочетаемости

Такого рода сочетаемость, по нашим наблюдениям, наиболее характерна для употребления, во-первых, недостаточно освоенных

заимствований (*прибрежные шхеры, коралловый атолл*), а во-вторых, деминутивов (*крохотный домик, небольшая пещерка*). Строгий подход к сочетаемым иллюстрациям требует избавления от подобных дубляжей, однако сам факт речевой частотности склоняет к их фиксации на общих основаниях. Возникающее при этом напряжение на шкале «прескрипция – дескрипция» создает лексикографический дискомфорт и стимулирует к поиску компромиссного решения.

4. Выработка решения относительно так называемой грамматико-видовой синонимии

Поскольку синонимическая зона РТС относится к заголовочной единице в ее вариантном расслоении, при выстраивании синонимического ряда следует учитывать все имеющиеся в левой части словаря воплощения слова. Некоторые трудности при этом возникают в области описания синонимических отношений видовых пар глаголов. Так, заголовочная пара *гореть – сгореть* в зоне синонимов содержит единицы *пылать, полыхать*, при том, что в синонимические отношения в данном случае вступает лишь глагол несовершенного вида. То же самое касается, например, глаголов группы «Питание животных»: если единицы *питаться – кормиться – есть – поедать*, в принципе, могут считаться синонимами, то этого нельзя сказать в отношении их видовых коррелятов, ср. *питаться – кормиться ≠ съесть ≠ поесть*. Данная ситуация склоняет к выработке способов более тонкой синонимической характеристики.

Перспективы РТС

Среди ближайших перспектив обсуждаемого словарного проекта можно назвать, во-первых, методическую настройку его материалов, а во-вторых, его электронное и по возможности мультимедийное воплощение. Первая может быть реализована за счет введения словарной зоны, в рамках которой приводится соответствие слова, во-первых, уровню владения языком (от А1 до С2), а во-вторых, профилю обучения (лексика общего владения, общенаучная лексика, лексика гуманитарного, экономического, физико-математического, медико-биологического и др. профилей). Методическая настройка такого рода позволит использовать «Русский тематический словарь» не только в педагогическом процессе, но при составлении различных педагогически ориентированных произведений (учебников, учебных пособий, учебных словарей разных жанров и типов).

Что касается электронного воплощения Словаря, то оно рассматривается не только как средство презентации текущего лексикографического проекта и повышения общей

лексикографической культуры носителей языка, но и как способ усиления антропоцентрической силы предпринятого словарного описания. Среди объективных преимуществ электронной формы РТС можно назвать прежде всего а) визуализацию многообразных линейных и иерархических связей между единицами словника, всегда имплицитных в бумажной версии (кластерное представление тематических групп, система гиперссылок, совмещенная демонстрация присловной и присловарной информации); б) снятие трудностей словарной интерпретации (система всплывающих окон с расшифровками и комментариями); в) расширенные возможности поиска за счет параметризации поисковых запросов (произношение, грамматическая характеристика, стилистика, синонимы, антонимы, таронимы, сочетаемость и др.); г) обеспечение возможности индивидуальной работы со словарными материалами («портфель» пользователя).

Задача идеографирования русской лексики, в особенности такого, которое преследует цель описания языка в учебных целях, ждет своего скорейшего разрешения. «Русский тематический словарь», реализующий идеи методологического антропоцентризма и словарной синергии, призван решить обозначенную проблему с опорой на весь спектр достижений, накопленных в области учебной лексикографии. Укрепляя сложившиеся в отечественной идеографии традиции, он существенно расширяет их репертуар за счет новаторских процедур, продиктованных, во-первых, осознанным усилением ориентации на продукцию речи, во-вторых, углублением методического потенциала словарных материалов и, в-третьих, открывшейся перспективной конвертации лексикографического описания в электронную форму. Остается надеяться на то, что словари столь перспективного для учебной лексикографии жанра будут востребованы теми, для кого они, собственно, и создаются. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970.
2. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
3. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2016.
4. Национальный корпус русского языка. ruscorgora.ru.

G.F. Bogacheva, A.I. Olkhovskaya

RUSSIAN THEMATIC DICTIONARY: TRADITION AND INNOVATION

Educational lexicography, ideographic lexicography, idioglossary, active dictionary, complex dictionary.

This article deals with the presentation of key principles of *Russian Thematic Dictionary*, creating now at Pushkin State Russian Language Institute. Describing in detail the conceptual basis of the Dictionary, and its macro- and microstructure, the authors pay significant attention to the glossary selection procedures, methods semantization of lexical units, functional potential of poetic quotes, some problems of the language ideographic description and the prospects of the discussed lexicographical project.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

В июле 2016 г. ирландский департамент образования подвел **итоги школьных экзаменов Leaving Cert**, которые представляют собой местный аналог российского ЕГЭ. Согласно представленному отчету, в этом году госэкзамен по русскому языку выбрали для сдачи 333 школьника. Наивысший балл «A1» смогли получить более 68% ребят. Год назад, когда экзамен по русскому языку сдавало на 60 чел. меньше, высшую оценку поставили более 72% учеников. Количество ирландских школьников, которые сдают русский язык, год от года растет. В 2014 г. их было 286, в 2015-м – 308. Как свидетельствует статистика, экзамены постепенно начинают сдавать дети, родившиеся в Ирландии в русскоязычных семьях. При этом родной язык не является для них основным языком общения. Для ребят, решивших сдавать русский, государственная организация Post-Primary Languages Initiative проводит бесплатные курсы предэкзаменационной подготовки.

По материалам сайта Russianireland

СЛОВАРЬ ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ ДЛЯ ИНОЯЗЫЧНОГО АДРЕСАТА: АСПЕКТЫ И ПРИЕМЫ УЧЕБНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МАТЕРИАЛА

Е.И. РОГАЛЕВА

cambala2007@yandex.ru

д-р филол. наук,
профессор
Псковского
государственного
университета
Псков, Россия

Т.Г. НИКИТИНА

fno-timgo@yandex.ru

д-р филол. наук,
профессор
Псковского
государственного
университета
Псков, Россия

Ключевые слова:
*русский язык как
иностраный, топоним,
топонимический словарь,
словарная статья,
лингвокультурологический
комментарий*

В статье представлена концепция описания городской топонимии в словарях, адресованных иноязычным учащимся разных возрастных категорий. Рассматриваются приемы экспликации культурного фона наименований, способы репрезентации их структуры и функционально-прагматических свойств в современном социокультурном контексте. Подчеркивается целесообразность соотнесения параметров словарной статьи с задачами формирования лингвокраеведческих знаний и речевых навыков иноязычных учащихся. По мнению авторов, топонимические словари, построенные по данной модели, могут быть отнесены к словарям лингвокультурологического типа и включены в их классификацию.

Русская городская топонимия в последние годы активно исследуется в структурно-семантическом, культурно-историческом, лингвокогнитивном аспектах [1, 2, 5], становится объектом описания в многочисленных словарях и справочниках, адресованных самым разным категориям пользователей – туристам и автомобилистам [21], историкам и краеведам [9, 16, 17], любителям русской словесности и носителям молодежного сленга [6, 8, 12, 20]. При этом до сих пор авторы-составители словарей региональной топонимии не ставили

своей целью репрезентацию материала иноязычному адресату, хотя для этой категории читателей такой словарь мог бы стать эффективным средством социокультурной адаптации в регионе обучения или проживания, помогающим освоить топографическое пространство города и культурный компонент семантики городских названий. Концепция такого словаря и будет представлена в данной статье.

На культурную ценность топонимов еще 30 лет назад указывали основоположники лингвострановедения Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [3: 102–103]. Чуть позже применительно к обучению РКИ В.В. Молчановский структурировал национально-культурный компонент семантики топонимов, выделяя страноведческую ценность их мотивировки, ассоциативные доли лексического фона, идеологичность, мемориальность семантики [11: 35–58]. Авторы современных лингвокультурологических исследований, анализируя мотивирующую базу топонимов, выходят на проблематику картины мира и ее отражения в географических названиях, затрагивают прагматические аспекты топонимической номинации [1, 15].

Разработка научно-методических основ лингвострановедческой репрезентации топонимов через учебный текст и принципов их лексикографического комментирования началась еще в период становления лингвострановедения как научно-методического направления [3: 89–133, 11: 66–134]. В настоящее время эта проблематика не теряет своей актуальности [14] и рассматривается на новом материале. Так, Л.С. Головина [4] отбирает этнокультурно маркированные ономастические единицы, в том числе топонимы, представленные в учебниках РКИ, изданных за последние 10 лет центральными издательствами учебной литературы, структурирует этнокультурно маркированное ономастическое пространство учебников РКИ, анализирует способы лингвокультурологического комментирования онимов в них и приходит к выводу о необходимости создания ономастического лингвокультурологического словаря для иностранных студентов, изучающих русский язык на базовом уровне.

В материале, отобранном Л.С. Головиной, топонимы составляют 122 единицы из 463 [4: 51], т.е. почти четвертую часть, и по численности уступают только антропонимам, что говорит о коммуникативной значимости данного разряда лексикона, активно используемой авторами учебников. Урбанонимы в указанных материалах представлены 21 единицей и обозначают топообъекты Москвы и Санкт-Петербурга. Лишь три из них (*Арбат*, *Красная площадь*, *Лубянка*) получают комплексную репрезентацию

в рамках отдельных статей Большого лингвострановедческого словаря «Россия» [19: 23–24, 279–280, 337–338]. Еще несколько единиц (*Таганка*, *Дворцовая площадь*, *Тверская улица*, *Невский проспект*) включены в статьи «Москва» [19: 366–369] и «Петербург (Санкт-Петербург)» [19: 427–431], где снабжены краткой историко-этимологической справкой: *Главная улица Москвы носит название Тверская, так как ведет в город Тверь* [19: 368]; *Центральной улицей города является Невский проспект (от названия реки Невы)* [19: 429].

Лексикографическая концепция Л.С. Головиной предполагает описание всего корпуса отобранных из учебников имен собственных, в том числе топонимов [4: 70–76]. При успешной реализации данной концепции инофоны, обучающиеся в различных регионах России, получают культурологически ценную информацию, связанную с топонимией крупнейших городов страны. Однако для расширения их лингвокраеведческого кругозора необходимо создать регионально ориентированные лексикографические пособия.

На псковском материале эта задача успешно решается сотрудниками Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета. Мультиадресация одного из проектов лаборатории – учебного лингвокультурологического словаря «О чем рассказывают городские названия» [13] – позволяет использовать его в практике обучения русскому языку детей мигрантов – школьников средних и старших классов, а также иноязычных студентов, осваивающих русский язык на уровнях В1 и В2.

Русский язык в зеркале словарей

Словарная статья представляет собой четко структурированный (в соответствии с параметрами описания онима) учебный текст объемом 150–250 слов, который может быть предложен учащимся для аудиторной или самостоятельной работы, а другим пользователям – как справочный источник, позволяющий сориентироваться в городе, найти необходимый объект, правильно назвать его и запомнить наименование, осмыслив его мотивировку. В этом случае достаточно прочесть заголовок статьи и энциклопедическую справку, включающую сведения о расположении городского объекта, наименованию которого посвящена словарная статья, о времени наименования и в самых общих чертах – о мотиве номинации.

Петровская улица – одна из улиц района Завеличье*. Она соединяет Госпитальную улицу* и Комсомольскую площадь*. Свое название Петровская улица получила в 1947 г., и связано оно с именем российского императора Петра I (Петра Великого) [13: 15–16] (звездочка отсылает читателя к описанию топонима в отдельной статье словаря).

В заголовок статьи выносятся весь топонимический комплекс, включающий собственно онимический компонент (*Петровская, Октябрьский, Детский, Ольгинская* и т.п.) и апеллятивный классификатор (*улица, проспект, парк, набережная*). Далее по ходу текста графически выделены все случаи употребления этих составных наименований – таким образом показаны парадигматические особенности словоизменения каждого из компонентов наименования в их синтаксической связи: согласование онима-прилагательного с апеллятивом (*Петровскую улицу, Октябрьского проспекта*), отсутствие согласования, если онимический компонент представлен существительным м. р. в форме И. п. (*улицей Набат*) или любым онимом в форме Р. п. (*на улицу Софьи Ковалевской, с улицы Герцена*). Таким образом, в ходе наблюдения за функционированием городских названий в тексте формируются языковые знания учащихся, касающиеся грамматических особенностей топонимов, и рецептивные навыки их распознавания в различных синтаксических позициях.

За справочной зоной словарной статьи следует историко-этимологическая часть текстового лингвокультурологического комментария, раскрывающая связь мотива наименования с Псковским регионом или историей и культурой России в целом. Проиллюстрируем этот параметр словарной статьи фрагментом описания топокомплекса *Петровская улица*.

Благодаря своему приграничному положению Псков стал стратегическим пунктом в годы Северной войны (1700–1721 гг.). Здесь находилась штаб-квартира генерал-фельдмаршала Шереметьева, комплектовались русские войска, обучались солдаты. Псков был местом сбора основных сил русской армии.

Готовясь к походам в Прибалтику за выход к Балтийскому морю, Петр Великий часто посещал Псков. Он останавливался в доме богатейшего псковского купца Никифора Ивановича Ямского. Здесь вплоть до XIX в. хранилась мебель петровской эпохи. Позже она была передана в местный музей. Дом купца Ямского находился на улице Кожевенной* в центральной части города, а на месте **Петровской улицы** в те времена были болота и леса. И только через два с лишним века, когда здесь появилась новая улица, в ее названии была закреплена связь Пскова с именем Петра Первого [13: 16].

При работе с данным фрагментом текста словарной статьи формируются страноведческие, в том числе регионально маркированные знания учащихся (об исторических событиях начала XVIII в., о Северной войне, роли Пскова в организации военных действий, о личности Петра I и его связи с Псковом).

Сведения о современном облике улицы Петровской, представленные далее в учебном

тексте, позволяют иноязычным учащимся не только расширить свои представления о коммунално-бытовом и социокультурном городском пространстве, но и увидеть эллиптированную форму наименования улицы (без апеллятивного компонента) в современном тексте.

Сейчас на **Петровской** расположены крупные магазины и кафе, Псковский областной суд, здание Пенсионного фонда, городская детская поликлиника.

А на особенностях разговорной номинативной модели, где топоним *Петровская улица* подвергается универбации, внимание учащихся заостряется специально. Текст отражает продуктивность модели (параллели с другими городами России), процесс узуализации и последующей кодификации ее производных (на примере Москвы). Тем самым эксплицируется еще один компонент культурного фона топонима – специфика его современного функционирования, словообразовательная активность, наличие стилистических вариаций.

В разговорной речи **Петровскую** улицу псковичи называют **Петровкой**. Во многих российских городах встречаются **Петровские** улицы, и их неофициальное наименование тоже везде одинаково. А кое-где, например, в Москве, оно узаконено и нанесено на карту города: улица **Петровка** [13: 16].

На наш взгляд, представленная модель словарной статьи, ориентированная на поэтапное формирование параметров лингвокультурной компетенции иностранца в соответствии с лексикографическими параметрами, может быть весьма перспективной в плане микроструктурирования учебного лингвокультурологического словаря. Тем не менее в зависимости от специфики материала в учебный лексикографический текст могут быть внесены дополнительные компоненты комментария, например, сведения о переименовании городских объектов, которые дают возможность расширить объем фоновых знаний читателей, как в статье «Красноармейская улица», где после истолкования компонента *Красноармейская* в связи с историей советского периода дается и такая историческая справка.

Красноармейская улица до 1923 г. называлась по-другому – **Ольгинской**. Великая княгиня **Ольга** – легендарная покровительница города Пскова.

Ее родиной было местечко Выбуты под Псковом. Согласно «Повести временных лет» (летописи начала XII в.), в 903 г. псковитянку Ольгу выдали замуж за князя Игоря. (Однажды девушка перевозила князя через реку, тогда он и влюбился в нее.) После убийства князя Игоря Ольга жестоко расправилась с мятежниками. Потом стала правительницей Киева, приняла христианство, а ее внук, князь Владимир, в 988 г. крестил Русь – ввел христианство как основную религию. Сама же княгиня была причислена к лику святых [13: 29].

Адаптация заимствованных мотивов номинации к реалиям советского и постсоветского периодов также интересна в лингвокультурологическом плане и получает соответствующий комментарий. Например, в статье «Улица Спартака» после краткого изложения хода событий 74–73 гг. до н.э., когда Спартак возглавил крупное восстание рабов, читаем:

Имя **Спартака** стало символом воинской доблести и борьбы за свободу. После революции 1917 г. это имя активно использовалось в Советской России и Советском Союзе. В 1936 г. «Спартак» стало называться ведущее спортивное общество, и в настоящее время это имя носят спортивные клубы в разных городах страны. Псковские болельщики московского футбольного клуба «Спартак» очень любили делать веселые фотографии у дорожного указателя «Улица Спартака», вкладывая в название улицы новый смысл.

Несколько лет назад московские фанаты «Спартак» выкопали указатель и забрали его как сувенир [13: 78].

Тематическое расположение материала увеличивает лингвокультурологический потенциал данного словарного пособия. Тематическая классификация топонимов осуществляется здесь в рамках историко-этимологического подхода, разработанного В.М. Мокиенко [10], и строится с учетом истории возникновения наименования, культурного фона его мотивировки.

В предисловии поясняется данный принцип макроструктурирования словаря: «Тематическая классификация материала построена по лингвокультурологическому принципу и отражает сферу происхождения наименований. Так, названия улиц **Александра Невского, Воеводы Шуйского, Кутузова, Декабриста Пущина** и др. читатель найдет в разделе «История России (XIII–XIX вв.)», в разделе «Советский период в истории страны» помещены названия: **улица Калинина, площадь Ленина, улица Стахановцев, Октябрьский проспект, улица Советская. Названия улиц Прибрежной, Травяной, Боровой** и т.п. рассмотрены под рубрикой «Природа», а улицы **Пушкина, Чехова, Бродского, Спегальского** объединяет заголовок «Культура, наука». Таким образом, словарные материалы составляют единый лингвокультурологически ценный текст – культурно-познавательный и лингвистически ориентированный» [13: 7].

Алфавитный указатель обеспечивает еще один вход в словарь и облегчает поиск необходимой словарной статьи.

По алфавитному принципу строится также находящийся в процессе разработки лингвокраеведческий словарь для младших школьников-билингвов «Имя твоей улицы», который

может быть рекомендован и для семейного чтения. С учетом фактора адресата материал здесь минимизирован: 20 словарных статей представляют наиболее значимые улицы, расположенные в центре города и в новых районах, которые заселяются мигрантами.

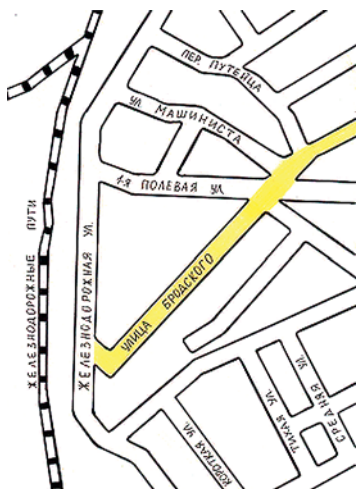
Содержательные компоненты лексикографического текста здесь также репрезентируют место расположения улицы, особенности ее застройки, историю и мотив наименования (переименования) с экспликацией его культурного фона, продуктивность мотива номинации. Текст статьи так же, как и в словаре для более взрослой аудитории, является макроконтекстом употребления топонима. Что же касается формы подачи материала, то здесь с учетом адресации шире используются интерактивные приемы построения словарной статьи: непосредственный контакт автора с читателем осуществляется при помощи прямого обращения и использования средств императивности, таким образом, мы побуждаем читателя представить себя непосредственным участником описываемой ситуации, активным исследователем городского пространства и даже соавтором словарной статьи. В целях оптимизации информационного контекста используется форма познавательной экскурсии, приглашением на которую, своеобразным вступлением, и открывается словарная статья, например, «Улица Бродского».

● Сегодня у нас будет необычная прогулка по городу. Мы отправляемся на улицу Бродского, а заодно заглянем в виртуальную картинную галерею, чтобы увидеть работы художника, именем которого и названа эта улица.

Краткая биографическая справка ориентирует читателей относительно личности художника и активизирует культуроведческий лексикон.

● **Исаак Израилевич Бродский (1884–1939)** – знаменитый живописец и педагог. Он известен как мастер портрета и пейзажа. (Ты, конечно, помнишь, что портрет – это изображение лица человека, а пейзаж – картина, на которой изображена природа.) И.И. Бродский совершал поездки в Испанию, Италию, Францию, где писал (о художниках говорят «писал», а не «рисовал») великолепные пейзажи. Но Россия, родная природа всегда оставались для художника на первом месте.

Элемент интерактивности вносится и в топографический компонент статьи.

● Улица Бродского находится в Завокзальном районе и соединяет Железнодорожную и 1-ю Полевую улицы. Найди на карте улицу Бродского и «прокатись по ней» с карандашом. А если это твоя улица, то каждый день, проходя по ней, ты видишь одноэтажные частные дома и уютные дворики в зелени.

Раньше в этом районе было несколько Полевых улиц, одну из них ты тоже видишь на карте – это 4-я Полевая улица, а 3-ю Полевую в 1964 г. переименовали в улицу Бродского, имя которого тесно связано с нашим городом.

Эта связь раскрывается в продолжении комплексного текста-комментария.

Исаак Израилевич Бродский приехал в Псков зимой 1913 г. Город очаровал его своей красотой. «Я очень люблю Псков и всегда как художник нахожу в нем что-то новое. Это Россия во всей ее красе», – так писал художник в своих воспоминаниях.

Бродский посвятил Пскову около 30 работ. К сожалению, закончить псковский цикл картин он не смог – этому помешала Первая мировая война (1914–1918 гг.). Но те картины, которые художник создал здесь, стали настоящими шедеврами и сохранили в себе частицу истории нашего города.

В «виртуальной картинной галерее», продолжающей словарную статью, представлено несколько картин художника.

В соответствии с концепцией адресной лексикографической репрезентации материала младшему школьнику [18], реализуя прием мотивационного контекста, мы включаем в текст словарной статьи любопытную, интересную для адресата информацию в ассоциативной привязке к этимологической истории наименования.

Бродский И.И. Ледоход в Пскове (1913)

Так, улица Гремячая в Пскове получила свое название от Гремячей горы, а та, в свою очередь, от Гремячего ключа, который когда-то протекал у ее подножия. Он появился от удара молнии, или, как тогда считали, грома, отсюда и его название. В статье, посвященной наименованию улицы, рассказывается и о расположенной здесь Гремячей башне, которую построили в 1525 г. для защиты города. Ее и сейчас можно увидеть на правом берегу реки Псковы.

«Это не только одно из красивейших мест в Пскове, – говорится в словарной статье, – но и одно из самых таинственных. С башней связано большое количество преданий и легенд». Приведем одну из них.

Очень давно на Псков напали враги. Они захватили город, а князя, правителя города, заточили в высокую башню на берегу реки, чтобы князь видел и слышал страдания своего народа. Но князь призвал народ к борьбе, и люди вступили в бой с врагами. Силы были неравны, и псковичи почти проиграли битву, но тут на башне появилась тень князя. Враги испугались и бежали. Когда псковичи поднялись в башню, то увидели, что князя в ней нет. С того дня по ночам люди слышат из башни звон цепей, в которые был закован князь.

Лингвометодически обоснованное микро- и макроструктурирование представленного выше регионального топонимического словаря, использование приемов лингвокультурологической параметризации материала, соответствующих возрастным и этнокультурным особенностям и потребностям адресата, позволяют использовать эти словарные пособия как средство формирования у инофонов страноведческих и краеведческих знаний, навыков восприятия социокультурно маркированных топонимов, а при

включении словаря в систему комплексного развития речи и навыков оперирования этим актуальным для иноязычных учащихся материалом.

Таким образом, словарь городских названий, как разновидность топонимического словаря, репрезентирующего культурно-исторический фон топонимов и их функционирование в современном социокультурном контексте, с полным правом может быть отнесен к «словарям лингвокультурологического типа» [7: 222] и включен в их классификацию. ■

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-16-60001, а (p), 2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанов А.Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015.
2. Беке М.В., Данилов А.Ю., Емельянов А.С. и др. Ярославль: историко-топонимический справочник. Ярославль, 2006.
3. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1976.
4. Головина Л.С. Русская ономастика в лингвокультурологической репрезентации для иноязычного адресата. Псков, 2012.
5. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
6. Запольская О.В., Моисеев С.В. Улицы Великого Новгорода: Справочник. Великий Новгород, 2010.
7. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: Теория и практика. СПб., 2009.
8. Имена московских улиц: Топонимический словарь / Под ред. О. Стариковой. М., 2007.
9. Краснопевцев В.П. Улицы Пскова. История в названиях. Псков, 1994.
10. Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М., 1982.
11. Молчановский В.В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984.
12. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Молодежный лексикон г. Пскова. Толковый словарь. Псков, 2011.
13. О чем рассказывают городские названия: Учебный лингвокультурологический словарь / Сост. Л.С. Головина и др. Псков, 2012.
14. Позднякова А.А., Хамуркопаран Д. Топонимическая лексика в аспекте преподавания РКИ // Русский язык: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию кафедры РКИ МПГУ. М., 2015.
15. Правдикова А.В. Микротопонимия как отражение картины мира: на материале английской литературы XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
16. Разумов Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII – XX вв.: на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля: Дис. ... канд. филол. наук, Ярославль, 2003.
17. Рачинский Я.З. Полный словарь названий московских улиц. М., 2011.
18. Рогалева Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика. Псков, 2014.
19. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под ред. Ю.Е. Прохорова. М., 2007.
20. Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца. СПб., 2002.
21. Улицы Москвы. Справочник туриста и автомобилиста. М., 1995.

E.I. Rogaleva, T.G. Nikitina

DICTIONARY OF CITY TOPONYMS FOR FOREIGN LEARNERS: ASPECTS AND METHODS OF PRESENTATION
Russian as a foreign language, toponym, dictionary of toponyms, entry, linguistic and culturological comment.

The article presents the concept of description of city toponyms in dictionaries for foreign learners of different ages. It considers the methods of explication of cultural backgrounds of place names, the ways of presentation of their structure, functions and pragmatic features in the modern sociocultural context. It emphasizes the expediency of linking the characteristics of an entry with the tasks of developing of linguistic and country studies knowledge and speaking skills of foreign learners. In the authors' opinion, the dictionaries of toponyms based on the presented model can be classified as linguistic and culturological dictionaries.

О ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ УСИЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

RÉPÁSI GYÖRGYNÉ. TÚLZÁSBA VITT OROSZ SZAVAK.
A FOKOZÓ ÉRTELMŰ SZÓKAPCSOLATOK
MAGYAR-OROSZ SZÓTÁRA.

СЛОВАРЬ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ УСИЛИТЕЛЬНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ ВЕНГЕРСКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ. – BUDAPEST: TINTA KÖNYVKIADÓ, 2015. 332 PP.

Ключевые слова:
усилительное
словосочетание,
заголовочное слово,
слово-усилитель

Если в ранее составившихся двуязычных словарях усилительных словосочетаний переводились только заголовочные слова, то в данном венгерско-русском словаре переводятся также и слова-усилители, а также и усилительные словосочетания в целом. Это первый словарь такого рода в современной лексикографии.

Рецензируемый словарь имеет три заголовка. Первый заголовок набран крупным красным шрифтом: «Túlzásba vitt orosz szavak» («Русские слова с «усиленным» значением»). Второй заголовок напечатан менее крупным – синим – шрифтом: «A fokozó értelmű szókapcsolatok magyar-orosz szótára» («Венгерско-русский словарь усилительных словосочетаний»). Третий заголовок помещен на втором титульном листе внизу, набран серым мелким шрифтом – на русском языке: «Словарь эквивалентности усилительных словосочетаний венгерского и русского языков». Последний заголовок является более точным. В отличие от других известных двуязычных словарей усилительных словосочетаний [2, 3], данный словарь является полностью переводным. В нем переводятся с одного языка на другой (с венгерского на русский) не только заголовочные слова, но и каждое из слов – усилителей заголовочного слова.

Так, в русско-английском словаре [3] в словарной статье *character* – *character* переводятся на английский язык только заголовочное слово, а слова-усилители *властный*, *волевой*, *железный*, *крутой* и другие остаются без перевода. В рецензируемом словаре переводится не только заголовочное слово: *jellem* – *характер*, но и все слова-усилители, например: *állhatatos* – *настойчивый*, *bátor* – *мужественный*, *csodálatos* – *удивительный* и др. Соответственно переводится и все словосочетание (заголовочное слово + слово-усилитель): *állhatatos jellem* – *настойчивый характер*, *bátor jellem* – *мужественный характер*, *csodálatos jellem* – *удивительный характер* и т.д. Несомненно, такой словарь дает пользователю больше информации, чем словарь с переводом только заголовочных слов.

1. Русские слова с «усиленным» значением. Слова с «усиленным» значением – это, например, следующие слова: (*характер*) *твердый*, *железный*, *нессгибаемый* и т.д. К словам с «усиленным» значением не относятся: (*характер*) *спокойный*, *дружелюбный*, *мирный*, *мягкий*, *легкий* и др. Тем более не относятся к словам с «усиленным» значением слова из «ослабительных» словосочетаний: (*характер*) *плохой*, *скверный*, *ужасный*, *отвратительный* и др. Предметом описания в рецензируемом словаре являются словосочетания, которые имеют русское слово с «усиленным» значением. Чем вызвано такое сужение традиционного предмета усилительных словосочетаний?

Описание усилительных словосочетаний в двуязычных словарях – трудная задача, так как лексика, образующей усилительные словосочетания, очень много, и выбирать нужные слова для построения усилительных словосочетаний (и при составлении словаря) – сложная проблема.

Русский язык в зеркале словарей

Автор настоящего словаря в связи с этим ограничил предмет своего описания только словосочетаниями с «усиленным» значением (*характер сильный, несгибаемый* и др.), оставив за пределами описания (за границей усилительных словосочетаний) словосочетания с «ослабленным» значением (*характер спокойный, дружелюбный* и др.). Словосочетания типа *характер скверный, ужасный* и др. (которые в противопоставление с усилительными словосочетаниями можно называть «ослабительными» словосочетаниями), никогда не были предметом описания в словарях усилительных словосочетаний.

Не менее острая другая проблема — это перевод усилительных словосочетаний с одного языка на другой. У составителя данного словаря и в этом отношении упрощается проблема: в словаре переводятся с одного языка на другой только усилительные словосочетания с «усиленным» значением (*твердый характер*) и не переводятся усилительные словосочетания с «ослабленным» значением (*мирный характер*).

Любопытно два русских прилагательных, из которых ни одно не попало в словарь: *характер — женский, мужской*. Словосочетание *мужской характер* можно было бы и включить в словарь усилительных словосочетаний, в то время как *женский характер* следовало бы включать в словарь «ослабительных» словосочетаний (если бы такие словари составлялись). В данном случае словосочетание *мужской характер* тоже не попало в словарь усилительных словосочетаний, потому что в словарь включаются только те усилительные словосочетания, которые имеют русские слова с «усиленным» значением, к которым словосочетание *мужской характер*, по мнению автора, не относится.

2. Венгерско-русский словарь усилительных словосочетаний. Рассматриваемый словарь относится к типу словарей усилительных словосочетаний. Автор пишет: «Прототипами настоящего словаря являются словари И.И. Убина, И.И. Суцдинского...» (с. 7). Это такие переводные словари, в которых, как уже замечено, переводятся только заголовочные слова; слова — усилители заголовочных слов — остаются без перевода, а вместе с ними остаются без перевода и словосочетания целиком («заголовочное слово + слово-усилитель»). Вот как подает И.И. Убин в своем русско-английском словаре самую первую словарную статью: *авангард — vanguard: боевой, опытный, мощный*. Словарная статья в английской части словаря дается следующим образом: *vanguard — авангард: bttletest, militert*. Никакой эквивалентности между русскими и английскими словами-усилителями, между русскими и английскими усилительными словосочетаниями, как видим, не устанавливается — переводятся только заголовочные слова.

Объясняет И.И. Убин это тем, что сделать эквивалентный перевод очень трудно: «Большое разнообразие слов-усилителей у одного усиливаемого слова обостряет проблему выбора нужного читателю слова...» (с. 6). По мнению Убина, эта проблема «отражает объективно существующую проблему различия между содержательными ценностями русских и английских слов» (с. 6–7). Таким образом, автор сознательно отказывается от перевода слов-усилителей, что не может не вызывать некоторого удивления. Ведь при составлении обычного переводного словаря существует та же проблема: нередко очень трудно найти в другом языке эквивалент для перевода заданного слова. Тем не менее специалист, берущийся за составление переводного словаря, делает свое дело, не переключая свою работу на плечи пользователя словаря, который, не будучи специалистом, переведет слово хуже или даже вовсе не сможет его перевести.

Заслуга автора рецензируемого словаря состоит в том, что, введя понятие «усиленного» значения слова, сократив тем самым разнообразие слов-усилителей у усиливаемого слова, он снял остроту проблемы выбора нужных для перевода слов, создал первый в языкознании словарь эквивалентных усилительных словосочетаний двух языков — венгерского и русского. На очередном этапе, если к работе над словарем подключится носитель русского языка, можно описать все усилительные словосочетания, не исключая из них «ослабленных» усилительных словосочетаний (*слабый характер*).

3. Словарь эквивалентности усилительных словосочетаний венгерского и русского языков. Рассматриваемый словарь эквивалентности усилительных словосочетаний двух языков представляет собой перевод с одного языка на другой не только заголовочных слов, но и всех слов-усилителей, а также, соответственно, и всех словосочетаний заголовочного слова со словами-усилителями.

Первой словарной статьей в рассматриваемом венгерско-русском словаре является статья: *adós — должник*. Венгерско-русская эквивалентность устанавливается в словарной статье не только между заглавными словами двух языков: *adós — должник*, не только между словами, «усиливающими» значение заголовочных слов в двух языках: *nagy — большой, reménytelen — безнадежный, örökös — вечный*, но и между усилительными словосочетаниями двух языков: *nagy adós — большой должник, reménytelen adós — безнадежный должник, örökös adós — вечный должник* и т.д.

Организуется материал в словарной статье следующим образом: *adós должник, nagy большой reménytelen безнадежный örökös вечный...*

Слова, расположенные по вертикали, – это усилительные словосочетания: в левом столбце – венгерского языка (*adós nagy*), в правом – русского языка (*должник большой*). Слова, располагающиеся по горизонтали, – это эквивалентные слова двух языков (*nagy – большой*) и эквивалентные усилительные словосочетания двух языков (*adós nagy – должник большой*). Если повторять исходные позиции слов и словосочетаний, то можно получать и сочинительные словосочетания, например (см. в русской части словаря): *должник большой, безнадежный, вечный* и т.д.

Кроме того, после венгерского и русского заголовочных слов в рассматриваемом словаре даются толкования значения этих слов: после венгерского слова – на венгерском языке, после русского слова – на русском языке, примерно так же, как это делается в толковых словарях. Таким образом наряду с эквивалентными словами и эквивалентными словосочетаниями в словаре даются и эквивалентные толкования заголовочных слов. Поэтому рецензируемый словарь – как опыт словарей эквивалентности – надо оценить высоко. То, что в нем описываются усилительные словосочетания только с «усиленным» значением слов (*характер твердый*), можно рассматривать как 1-й этап в описании усилительных словосочетаний. 2-м этапом может стать описание всех усилительных словосочетаний, а не только с «усиленным» значением (*характер твердый, слабый*). 3-й этап – описание «ослабительных» словосочетаний (*характер скверный*). 4-й этап – описание усилительных и «ослабительных» словосочетаний вместе (*характер твердый, слабый, скверный*). 5-й этап – это организация словосочетаний в словарной статье по силе-слабости слов-усилителей, например, в направлении от ослабления к усилению значения, с указанием возможной границы перехода от «ослабительных» словосочетаний к усилительным, например: *характер: ... > мягкий > слабый > женский > / мужской > твердый > сильный >...*

В языке существует сочетаемость слов не только внутри усилительных словосочетаний, но и внутри многих других лексических конструкций, что продемонстрировано в «Учебном словаре сочетаемости слов» [1], в котором говорится, что, например, слово *характер* сочетается не только с прилагательными (в конструкции: *какой характер?*): *хороший, прекрасный, чудесный, плохой* и др., но также и с существительными (в конструкции *характер – кого?*): *человека, мужа, жены* и т.д., а также и с глаголами (в объектной конструкции: *что делать?*): *характер – воспитывать, вырабатывать* и т.д. Можно надеяться, что подходы, которые предлагаются при описании усилительных словосочетаний в данном венгерско-русском словаре (словосочетания с «усиленным» значением, словосочетания с эквивалентными и неэквивалентными «усиленными» значениями и т.д.), подскажут некоторые новые пути в решении проблемы описания лексической сочетаемости вообще.

Рассмотренный словарь адресуется венгерским студентам, изучающим русский язык, а также преподавателям русского языка в венгерской учебной аудитории. Названным словарем могут пользоваться, конечно, и русские студенты, изучающие венгерский язык, а также и преподаватели венгерского языка в русской учебной аудитории и переводчики, работающие в паре названных двух языков. Словарь составила Репаша Дьёрдnye – профессор кафедры русского языка и литературы Высшей школы (теперь университет) в г. Ньиредьхазы (Венгрия), специалист в области русской разговорной речи и русского делового языка, а теперь – и в области венгерско-русских словарей усилительных словосочетаний.

В.А. ФЕДОСОВ,
fedosovva@mail.ru

д-р пед. наук, профессор
кафедры начального образования
Владимирского государственного университета,
Владимир, Россия

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов П.Н. (ред.), Морковкин В.В. (ред.) Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978.
2. Сущинский И.И. Словарь усилительных словосочетаний русского и немецкого языков. М., 1997.
3. Убин И.И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. М., 1987.

V.A. Fedosov

ABOUT THE BILINGUAL DICTIONARIES OF AMPLIFYING PHRASES

An amplifying phrase, a heading word, a word amplifier.

If in previously made Bilingual Dictionaries of Amplifying Phrases only heading words were translated, in the present Hungarian-Russian dictionary words amplifiers and amplifying phrases are translated as a whole. It is the first such a dictionary in linguistics.

УЧЕБНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В СТЕНАХ ИНСТИТУТА ПУШКИНА

А.И. ОЛЬХОВСКАЯ

AIOlkhovskaya@pushkin.institute

канд. филол. наук,
ведущий научный сотрудник
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:
*антропоцентрическая
лексикография,
синергетическая
лексикография, учебная
лексикография, учебный
словарь, словарная
лексикология*

Статья посвящена краткому обзору основных результатов пятидесятилетней работы сектора учебной лексикографии Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Автор обращается к исчислению и комментированию достижений сотрудников на ниве металексикографии, словарной лексикологии и практической лексикографии, очерчивая тем самым границы созданной в Институте целостной концепции учебного лексикографирования, базирующегося на принципах антропоцентризма и синергии.

Традиция создания словарей, адресованных лицам, изучающим неродные языки, зародилась уже в античности и активно развивалась в Средневековье как элемент комментирования текстов религиозного содержания. Однако в самостоятельную теоретико-практическую филиацию учебная лексикография выделилась много позже: к началу XX в. сложилась английская учебная лексикография, а в течение указанного столетия – ряд европейских (французская, испанская, немецкая, русская и некоторые другие).

В России импульс к становлению учебной лексикографии дала осознанная необходимость развития средств обучения в области преподавания РКИ. Для достижения обозначенной цели в 1966 г. был создан Научно-методический центр русского языка при МГУ, преобразованный впоследствии в Институт русского языка им. А.С. Пушкина. Одним из ведущих научных подразделений нового учреждения с первых дней его существования стал сектор лексикологии и словарей, в связи с уточнением направления деятельности переименованный затем в сектор учебной лексикографии. Инициаторами создания подразделения были два энергичных молодых ученых – В.Г. Костомаров, назначенный директором центра, и Л.А. Новиков, выступивший первым руководителем сектора. Вторым заведующим отделом стал П.Н. Денисов, автор серии трудов по общим вопросам учебной лексикографии [7–9]. Но наиболее плодотворным этапом работы подразделения стал период с 1978 по 2016 г., когда его возглавлял выдающийся лексиколог и лексикограф В.В. Морковкин, трудами которого отечественное языкознание обогатилось теорией учебной лексикографии и целым рядом качественных антропоцентрических словарей¹.

Собственно лексикографическая работа сектора с самого начала сопровождалась напряженным теоретизированием, необходимость которого была продиктована отсутствием фундамента последовательного словарного описания лексических единиц в учебных целях. Ретроспективное всматривание в минувшую словарную эпоху позволяет заключить, что сотрудниками данного научного подразделения были выполнены исследования, сыгравшие решающую роль в становлении теоретической базы не только учебной, но во многом и общей

¹ Кроме указанных ученых, в разное время в секторе работали Т.А. Алексеева, Г.Ф. Богачёва, Е.Г. Борисова, Н.Г. Брагина, О.А. Бродельщикова, И.А. Дорогонова, И.В. Дорофеева, Т.Ф. Иванова, Н.О. Ковтун (Бёме), И.Н. Копылова (Граф), Г.Ф. Кузьмина, Н.М. Луцкая, И.Г. Ольшанский, В.Е. Осипкова, З.П. Попова, И.А. Прохорова, М.А. Скопина, Э.Ю. Сосенко, И.Д. Успенская.

лексикографии². Главным достижением сектора на теоретической почве является, безусловно, создание целостной **теории учебной лексикографии**. Решение этой задачи потребовало, во-первых, существенного продвижения в области металексикографии, а во-вторых, нового подхода к пониманию определенных участков лексической системы и новой интерпретации целого ряда вполне традиционных лексикологических объектов.

К числу предложенных научными сотрудниками сектора теоретико-лексикографических новаций относятся следующие.

1. Концептуализация и терминирование методологического антропоцентризма, в соответствии с которым «язык предстает как благоприобретаемая принадлежность сознания человека» [24: 10] и описывается с опорой на ряд принципов **антропоцентрической лингвистики** (учет «привойного» характера описываемого языка, ориентация на последующую семантизацию языкового материала, учет специфики разных видов речевой деятельности, ориентация на полевое строение языковых и метаязыковых объектов, двойное описание «системных швов» и др. [25]).

2. Обоснование идеи синергетического лексикографирования, основанного «на таком предъявлении и распределении информации о различных свойствах рассматриваемых в словаре языковых единиц, при котором предъявляемые сведения, целесообразно сопрягаясь и по возможности усиливая друг друга, обеспечивают достижение максимального стереоскопического объяснительного эффекта» [26: 466].

3. Включение в трактовку лексикографии инженерного элемента, подразумевающего конструкторскую деятельность составителя словаря по преобразованию результатов филологической интерпретации языкового материала в информативную и удобную систему с заданными свойствами [24: 46–50].

4. Новое понимание объема, содержания и структуры лексикографии с выделением таких ее разделов, как словарная лексикология, учение о жанрах и типах словарей, учение об элементах и параметрах словаря, учение об основах лексикографического конструирования, учение о первичных словарных

материалах, учение о планировании и организации словарной работы и др. [24].

Особое место среди перечисленных разделов занимает, как кажется, **словарная лексикология**. Представляя собой своего рода лексикографическую экспертизу многочисленных пересекающихся и взаимодополняющих друг друга лингвистических концепций, она обеспечивает составителя словаря непротиворечивой, прагматически ориентированной интерпретацией языковых объектов, подлежащих дальнейшему лексикографированию.

5. Определение учебной лексикографии.

Первое (впрочем, нецеленаправленное) определение рассматриваемой здесь области находим в работе Л.А. Новикова, который характеризует ее как лексикографию «меньших форм и большей обучающей направленности» [32: 11]. Обтекаемость предложенного определения вызвала к жизни новую, уточненную и расширенную, трактовку: «...учебной лексикографией называется специализированная область лексикографии, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты педагогически ориентированного описания языковых единиц в словарях и других произведениях словарного типа» [24: 8]³.

6. Определение учебного словаря и выявление его конституирующих черт [24: 9].

7. Создание стимулирующей типологии лексикографических произведений.

Сотрудниками сектора было предложено две масштабных типологии словарных произведений. Первая принадлежит П.Н. Денисову и основана на таких критериях классификации, как адресация словаря (для детей, туристов, студентов подготовительных факультетов и т.д.), его внутрilingвистические характеристики (лексические, грамматические, комплексные словари; ономастические и семасиологические словари; словари активной, пассивной, общеупотребительной, специальной лексики; переводные, визуальные, аудиовизуальные словари) и экстралингвистические параметры (словари, отражающие национальное, групповое, индивидуальное, научное, быденное сознание) [9]. Автором второй, более совершенной и логически непротиворечивой типологии является В.В. Морковкин. Ученый предлагает глобальную жанрово-типологическую классификацию словарей, базирующуюся на трех основаниях — «что», «как» и «для кого» [24: 30–36]. Первое основание соотносится с языковым объектом описания и образует

² Среди иных крупных лексикографических центров Советского Союза можно назвать Институт лингвистических исследований РАН (Институт языкознания АН СССР в Ленинграде), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Научно-исследовательский институт преподавания русского языка в национальной школе и кафедру русского языка для иностранцев гуманитарных факультетов МГУ.

³ Определение было предложено в докладе, прочитанном В.В. Морковкиным на III Конгрессе МАПРЯЛ (Варшава, 23–28 августа 1976).

Русский язык в зеркале словарей

словарные жанры (орфографический, толковый, лингвострановедческий словарь, словарь синонимов, паронимов, словообразовательных гнезд, иностранных слов и мн. др.); второе – связано с характером представления языкового материала и порождает словарные типы (аспектные и полиаспектные, объяснительные и демонстрирующие, активные, пассивные и активно-пассивные и др.); наконец, третье – учитывает особенности предполагаемого пользователя словаря и обуславливает адресатное разнообразие лексикографических произведений (словари общего пользования, для школьников, биологов, французов и т.п.).

8. Разработка процедуры определения пользовательских запросов с помощью исчисления мотивов обращения предполагаемых пользователей к словарю данного типа и жанра (см. каталогизацию пользовательских запросов в [29: 145–148], [6: 4–5]).

9. Разграничение понятий «словарная система», которая есть «совокупность разных по жанру словарей, обеспечивающих разноаспектное описание определенного (в том числе и одного и того же) массива языковых единиц» [24: 47], и «словарная серия», которая представляет собой «совокупность одинаковых по жанру и характеру лексикографирования словарей, различающихся либо массивами вовлеченных в описание единиц, либо адресатом» [24: 48].

10. Обоснование идеи о принципиально гетерогенном характере словаря.

Эта весьма продуктивная лексикографическая установка воплотилась в двух конкретных задумках: во-первых, в делении словника на блоки различной речевой предназначенности (гетерогенность словника), во-вторых, в делении словаря на присловную и присловарную части (гетерогенность композиции). Первая идея обусловлена методической неравнозначностью лексического массива, вторая – наличием у заголовочных единиц собственных (индивидуальных) свойств, отражение которых рационально осуществлять непосредственно в словарной статье, и несобственных (групповых) свойств, которые могут быть вынесены в отдельную композиционную часть. Среди несобственных свойств единиц можно обозначить прежде всего регулярное словоизменение, регулярную многозначность, регулярное модификационное словообразование и стандартную лексическую реализацию сирконстантных валентностей. Обе упомянутые идеи были отчасти воплощены в «Большом универсальном словаре русского языка» [28]: первая – разделением словника на активный и пассивный, вторая – делением грамматической характеристики на присловную и присловарную.

11. Создание типологии толкований (основные и дополнительные, номинальные и реальные, объектораскрывающие и объектохарактеризующие, отражающие и установочные, сигнификативные и денотативные, аналитические, синтаксические, переводные и отсылочные) [29: 163–172].

12. Формирование процедуры отражения абсолютной ценности слова: базовые процедуры (выявление многозначности слова → определение семного состава ЛСВ → определение идеографического статуса единицы → выбор типа толкования и его предварительная формулировка) → уточнение семантизации → усиление семантизации → антропоцентрическая доводка [1].

13. Обоснование ряда новаторских категорий и процедур отражения лексической многозначности в объяснительном словаре, в частности, методов дискретизации содержания слова, двух способов реализации дистрибутивного анализа семантики слова, ступенчатой системы нумерации значений [19], режима отражения многозначности, семантического стеснения [21], присловарной семантизации регулярной многозначности [33], блочного предъявления технической и тривиально-метонимической полисемии, двойного предъявления функциональной омонимии и разошедшейся полисемии [28].

14. Создание процедуры комплексного и всестороннего отражения сочетательной ценности слова в словаре (напр., [3, 11, 30]).

15. Разработка истории и теории идеографии применительно к русскому языку [22].

16. Определение ориентиров лингвострановедческого лексикографирования: разработка понятий *лексический фон* и *фоновые семантические доли*, обоснование процедуры изъяснения лексического фона [4, 5].

17. Разработка вопросов учебной лексикостатистики, в частности, процедуры создания единого совмещенного частотного списка с опорой на данные нескольких частотных словарей [12, 15].

18. Решение проблем минимизации лексического и фразеологического состава языка в педагогических целях [10, 13, 34, 35].

19. Разработка технологии создания лексических пособий словарного типа.

Учебное пособие словарного типа определяется как «вспомогательное, или дополнительное, средство обучения, ...в котором словарное и квазисловарное описание лексических единиц сочетается с методическим механизмом, обеспечивающим учащимся возможность усвоения в рамках сформулированных целей и задач включенного в это произведение языкового материала» [17: 12]. На основе типового

проекта, разработанного В.В. Морковкиным, было создано два пособия словарного типа для учащихся средних ПТУ – «Термины металлостроения и металлообработки» (В.В. Морковкин, Л.М. Торшина и др., 1983) и «Устройство, эксплуатация и техническое обслуживание автомобиля» (З.П. Макеева, Н.А. Максимчук, 1985).

В качестве вклада научных сотрудников сектора в развитие отечественной лексикологии (прежде всего словарной) могут рассматриваться следующие теоретические новаторства.

1. Новое видение лексической системы.

С позиций словарной лексикологии лексическая система состоит из простых и непростых единиц. В качестве простых выступают прежде всего ЛСВ и слово в его симультанно-целостном прочтении. Непростые единицы распадаются, в свою очередь, на **составные** (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, эпидигматические и словообразовательные гнезда, лексико-семантические и тематические группы, лексико-семантические поля и др.) и **совмещенные** (заимствованная лексика, интернационализмы, кальки; историзмы, архаизмы, неологизмы; терминология, разговорная, книжная, официальная лексика и др.) [24: 27–29].

2. Разграничение понятий «лексическая единица» и «слово».

Акцентирование данного противопоставления вызвано тем, что в лингвистической литературе часто встречается необоснованное отождествление указанных понятий. Между тем в языке на правах простых единиц наряду со словом функционируют так называемые **квазислова** – единицы различной частеречной принадлежности, отличающиеся от слова лишь расчлененностью формы, напр., *железная дорога, мягкий знак, друг друга, Боже мой, представлять собой, едва не, от души, потому что, к счастью* и др. [24: 15–17].

3. Исчисление и классификация функций слова

(номинативная, обобщающе-познавательная, информационно-накопительная, дейктическая, эмотивная, знаковая, коммуникативная, контактная, эстетическая, синтезирующая, стилистическая, метаязыковая, конструктивная, различительная) [23].

4. Информационная трактовка лексического значения.

Если в традиционной лингвистике значение слова интерпретируется в субстанционально-реляционной плоскости (как смысл, соотношенный с объектом действительности), то в русле словарной лексикологии его трактовка имеет утилитарно-информационное преломление. Значение здесь понимается как «сопряженная с соответствующей материальной оболочкой информация, которой необходимо обладать для того,

чтобы правильно употреблять слово в собственной речи и безошибочно понимать его в речевых произведениях других» [24: 18]. Информацию, входящую в значение слова, В.В. Морковкин моделирует в виде трипостасной сущности, включающей в себя блок абсолютной ценности (семантика), блок относительной ценности (парадигматика в широком смысле слова) и блок сочетательной ценности (синтагматика). Абсолютная ценность, в свою очередь, состоит из сигнификативного значения, сигнификативного фона (в рамках которого выделяется страноведческий фон), денотативного значения, денотативного фона и денотативного представления [24: 19–21].

5. Обновленная типология лексических значений

(реальные и феноменальные; конкретные и отвлеченные; прямые и опосредованные: образные и безобразные; собственные и несобственные; номинативные и характеризующие; информационно достаточные и информационно недостаточные; предметные, признаковые, процессные, дейктические, заместительные, квантитативные, ситуационные, модальные, речепостроительные и коммуникативные; свободные и несвободные: морфологичеки, стилистически, лексемно, семантически, синтаксически, прагматически несвободные) [31].

6. Рассмотрение относительной ценности слова в словарно ориентированном ключе:

предложение процедур экономного отражения семантических, сочетаемостных, статистических и др. различий между синонимами, антонимами, паронимами [16].

7. Изучение стилистической ценности слова в лексикографическом аспекте:

выделение пяти стилистических элементов (функционально-стилевого, оценочного, хронологического, социального и территориального) и их распределение по трем уровням обобщения стилистических пластов (макрокомпонент, компонент и микрокомпонент) [2].

8. Построение теории формальной вариантности.

Ключевыми элементами данной теории являются такие понятия, как вариантообразующий элемент, т.е. переменный элемент материальной оболочки слова, вызывающий к жизни феномен вариантности, **вариантное гнездо**, представляющее собой совокупность формальных вариантов одной и той же словоформы, и нормативно-стилистическая оценка вариантных гнезд, на основании которой выделяются **нормативно-нормативные** (паритетно-нормативные и непаритетно-нормативные), **нормативно-ненормативные** (нормативно-мягконенормативные и нормативно-жестконенормативные) и **ненормативно-ненормативные гнезда** [27].

9. Рассмотрение термина как единицы с «двойным гражданством», входящей в поле логоса (определенной понятийной области знаний) и лексиса (национально специфического языка), которое во многом нивелирует небезызвестное противопоставление Л.В. Щербы энциклопедических и филологических словарей.

10. Введение и углубленное исследование категорий агнонимии и таронимии.

Агнонимы [от греч. а – «не», gnosis – «знание» и *опота*, *опута* – «имя»] представляют собой «лексические и фразеологические единицы родного языка, неизвестные, непонятные либо малопонятные многим его носителям, ср. *аграф* ‘застежка’, *каракурт* ‘паук’, *нагольный* ‘ничем не прикрытый, явный’, *обмуровать* ‘обложить камнем’ и т.п. [20: 145]. Таронимами [от греч. *taratto* – «путаю, привожу в замешательство» и *опота*, *опута* – «имя»] называются «лексические и фразеологические единицы, которые устойчиво смешиваются при производстве и/или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности» [20: 144–145]. К ядру таронимии относятся те паронимы (однокорневые и разнокорневые), которые представляют для носителей языка реальную трудность, ср. *земной* – *земельный* – *земляной*, *туристический* – *туристский*, *драматический* – *драматичный*, *делегат* – *депутат*. На периферии расположены слова, конкурирующие в сознании пользователей языка исключительно на основании их смысловой смежности, ср. *дата* – *число*, *вернисаж* – *выставка*, *шпион* – *лазутчик* – *соглядатай*, *апеллировать* – *обращаться* и др. Глубокое исследование указанных категорий осуществлено в диссертационном исследовании Г.М. Мандриковой [18].

Характеризуя подготовленные под руководством В.В. Морковкина лексикографические произведения, следует упомянуть две принципиальные целеустановки его авторов: во-первых, осознанный отказ от создания словарей по существующим «лекалам», в результате чего каждый словарный труд сектора представляет собой оригинальное как в жанрово-типологическом, так и в процедурном ключе произведение, а во-вторых, ориентацию на гештальт-лексикографию, т.е. работу в направлении от реализации общей, не вполне оформленной, задумки словаря к ее последующему теоретическому обоснованию, а не наоборот.

Сотрудниками отдела и под их руководством создано порядка 18 учебных словарей, в том числе **первый** на русском языковом материале **словарь сочетаемости** слов («Учебный словарь сочетаемости слов русского языка», 1978), **первый** словарь, содержащий **систему**

градуальных лексических минимумов русского языка («Лексические минимумы современного русского языка», 1985; «Система лексических минимумов современного русского языка», 2003), **первый комплексный частотный словарь** научной и технической лексики («Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики», 1978), **первый словарь структурных слов** русского языка («Словарь структурных слов русского языка», 1997), **первая** в мировой практике **серия толково-сочетаемых словарей терминов** («Учебный словарь сочетаемости терминов. Технология металлов и материаловедение», 1981; «Учебный словарь сочетаемости терминов. Финансы и экономика», 1988; «Учебный словарь сочетаемости общественно-политических терминов», 1989; «Учебный словарь сочетаемости терминов. Сельскохозяйственная техника», 1990; «Словарь терминов современного предпринимательства», 1995; «Комплексный учебный словарь химических терминов», 1999; «Учебный словарь. Анатомия. Толкование и сочетаемость терминов», 2004) и др.

Совершенно особое положение в ряду подготовленных в отделе произведений занимают словари синергетической природы. «Дебютным» произведением на этом поприще стал **первый комплексный словарь** «Лексическая основа русского языка» [14], в котором лексическое ядро описывается с точки зрения и его идеографического расслоения, и его синонимической, антонимической, омонимической, паронимической, фразеологической ценности, и его этимологической, ортологической и страноведческой специфики. Однако разноаспектная информация о слове, представленная в «Лексической основе», дана там распределенно, вследствие чего объемный портрет слова не явлен *de visu*, а выступает конструктом ума рефлексирующего пользователя. Новое качество лексикографической синергии достигнуто в «Большом универсальном словаре русского языка» [28], который содержит галерею интегрированных портретов наиболее важных русских слов и реализует весь спектр лексикологических решений и лексикографических процедур, выработанных сотрудниками сектора за долгие годы кропотливой работы.

Исчисляя учебные словари, созданные в стенах института, невозможно не упомянуть о практических достижениях работников отдела культуроведения, благодаря которым на свет появились такие произведения, как «Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР» М.А. Денисовой (1978), «Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь» Т.Н. Чернявской (1984), «Русские

пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь» В.П. Фелицыной, Ю.Е. Прохорова (1979), а также «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» под редакцией Ю.Е. Прохорова (2007). В настоящий момент под руководством Е.Г. Ростовской реализуется мультимедийный проект «Лингвострановедческий словарь. Россия», содержащий, помимо собственно словарного описания единиц, медиатеку и банк интерактивных заданий.

Краткий обзор накопленного в секторе знания позволяет заключить, что учебная лексикография за полвека своего существования достигла существенных результатов и стала

визитной карточкой Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Остается надеяться на то, что судьба будет благосклонна к этой молодой, но весьма перспективной дисциплине, и достойные начинания в этой области найдут не менее достойное продолжение. Только имея мощный лексикографический центр, работа которого базируется на проверенных теоретических основаниях, мы сможем рассеять иллюзию вседоступности лексикографической деятельности, выраженную в широко распространенном заблуждении о том, что каждый человек при желании и склонности к скрупулезной работе может написать словарь. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачева Г.Ф. Лексическое значение как объект словарного толкования. М., 2012.
2. Бойко Л.В. Стилистическая ценность слова в аспекте педагогической лингвистики и учебной лексикографии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
3. Брагина Н.Г. Метаязыковая функция сочетаемости русского слова в общелингвистическом и прикладном рассмотрении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Лингвострановедческий словарь: изъяснение русского слова в учебных целях // Русский язык за рубежом. 1974. № 4.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Проспект учебного лингвострановедческого словаря современного русского литературного языка // Проблемы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М., 1977.
6. Гаршин А.П., Морковкин В.В. Комплексный учебный словарь химических терминов. М., 1999.
7. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993.
8. Денисов П.Н. Основные проблемы теории лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.
9. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
10. Денисов П.Н. Принципы отбора лексики для учебных словарей // Вопросы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и Л.А. Новикова. М., 1969.
11. Денисов П.Н., Морковкин В.В., Новиков Л.А. Проспект учебного словаря сочетаемости слов русского языка. М., 1971.
12. Денисов П.Н., Морковкин В.В., Сафьян Ю.А. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. М., 1978.
13. Доло М. Методические и лингвистические аспекты минимизации русской лексики с ориентацией на определенный национальный контингент: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1990.
14. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1984.
15. Лексические минимумы современного русского языка / В.В. Морковкин, Ю.А. Сафьян, Е.М. Степанова, И.В. Дорофеева; под ред. В.В. Морковкина. М., 1985.
16. Макеева З.П. Относительная ценность слова в аспекте учебной лексикографии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
17. Максимчук Н.А. Пособия по лексике русского языка для иностранцев как объект учебной лексикографии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
18. Мандрикова Г.М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии и таронимии: Дис. ... д-ра филол. наук, 2011.
19. Морковкин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи, лексикологии и лексикографии. Виноградовские чтения. IX–X / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1981.
20. Морковкин В.В. Лексическая система как объект лексикографирования // Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития: Материалы общесоюзной конференции. Симферополь, 1992.
21. Морковкин В.В. О лексической полисемии // Русский язык за рубежом. 2009. № 4.
22. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.

Русский язык в зеркале словарей

23. Морковкин В.В. Основные функции лексических единиц // Вестник РУДН. Вопросы образования. Языки и специальность. 2007. № 1.
24. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
25. Морковкин В.В. Русская лексика в аспекте педагогической лингвистики // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы. М., 1986.
26. Морковкин В.В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сентября 2007 г. София, 2007. Т. 2.
27. Морковкин В.В., Агтня А.М. Формальные варианты слова: опыт системного рассмотрения // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М., 2007.
28. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2016.
29. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
30. Морковкин В.В. Сочетаемость свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов: Сборник научных трудов Московского педагогического института иностранных языков / Отв. ред. Г.Ю. Князева. М., 1979. Вып. 145.
31. Морковкин В.В. Типология лексических значений как объект словарной лексикологии // Русистика сегодня. 1998. № 3.
32. Новиков Л.А. Учебная лексикография и ее задачи // Вопросы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и Л.А. Новикова. М., 1969.
33. Ольховская А.И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
34. Скопина М.А. Проблема отбора лексического материала в учебной лексикографии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
35. Шахсуварова Э.М. Лингвистические и методические аспекты описания фразеологии русского языка в целях обучения иностранных учащихся на начальном этапе: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1983.

A.I. Olkhovskaya

EDUCATIONAL LEXICOGRAPHY IN PUSHKIN STATE RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

Anthropocentric lexicography, synergetic lexicography, educational lexicography, educational dictionary, dictionary lexicology.

This article is dedicated to a brief review of fifty year's work of the oldest department of Pushkin State Russian Language Institute – Department of an educational lexicography. The author refers to the enumeration and commenting of the staff's achievements in the field of the theoretical lexicography, dictionary lexicology and practical lexicography, thereby delineating the boundaries of the created in the Institute holistic concept of educational lexicography, based on the principles of anthropocentrism and synergy.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

5 июля 2016 г. в немецком городе Карлсруэ состоялся **круглый стол учителей русского языка**. Мероприятие было посвящено вопросам взаимодействия школ дополнительного образования с семьями, родительским сообществом в целях сохранения русского языка и культуры. В культурно-образовательном центре «Русский дом» собрались представители школ дополнительного образования из разных городов страны. В их числе были представители «Истока» (Франкфурт-на-Майне), «Калибри» (Дрезден) и «Апплауза» (Вупперталь). Они рассказывали о собственных методических наработках, делились опытом и обсуждали наиболее актуальные вопросы. Выступили в рамках мероприятия и представители православной русскоязычной общины Германии. Участники встречи отметили, что почти в каждом населенном пункте страны в последнее время появляются центры дополнительного образования, где детей обучают русскому языку.

По материалам портала «Русское поле» (russkoepole.de)

РАЗДЕЛ «СЛОВООБРАЗОВАНИЕ» В «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ 4.0» С ПОЗИЦИИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО- ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КЕМЕРОВСКОЙ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

Л.А. АРАЕВА
araeva@list.ru

д-р филол. наук, профессор
Кемеровского государственного
университета
Кемерово, Россия

Ключевые слова:
метаязыковые единицы
словообразования,
пропозициональная
структура, пропозиция,
пропозиционально-
фреймовое
моделирование

В статье излагается концепция пропозиционально-фреймового моделирования словообразовательных типов, словообразовательных ниш, гнезд однокоренных слов, многозначных дериватов, полимотивации, однокоренной и словообразовательно-пропозициональной синонимии.

Создание «Русской грамматики 4.0» обусловлено новой научной парадигмой в лингвистике, ориентированной на рассмотрение языковых фактов с учетом человеческого фактора. Антропоцентрическая лингвистика, не отрицая того, что было сделано в рамках структурно-системной лингвистики, стремится объяснить уже известные языковые факты. Наряду с этим обнаруживаются новые, не описанные ранее метаязыковые явления.

Словообразование, как никакая другая сфера языка, проявляет особенности механизма работы мозга. Производные единицы строятся по аналогии в границах словообразовательных типов, что позволяет легко производить и воспроизводить их, сохраняя в долговременной памяти человека.

Активное изучение деривационных процессов в русистике началось в 70-е гг. XX в. А в 1990-е гг. в связи со сменой лингвистической парадигмы оно оказалось на периферии научной мысли. Кемеровская дериватологическая школа, основоположником которой является профессор Томского государственного университета М.Н. Яценецкая, на протяжении 20 лет безвременья в словообразовании активно исследовала это явление с антропоцентрических позиций.

В развитии идей школы значительную роль сыграли ведущие ученые России, ближнего и дальнего зарубежья, принимавшие участие в международных научных конференциях «Актуальные проблемы современного словообразования», читавшие лекции в рамках международных летних лингвистических школ, которые проводились с 2004 по 2015 г.: Е.В. Красильникова, В.И. Беликов, М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, Е.М. Позднякова (Тамбов), А.Н. Баранов, Л.Г. Зубкова (Москва), В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург), К.Ф. Седов (Саратов), В.А. Маслова, Б.Ю. Норман (Белоруссия), В.И. Заика (Великий Новгород), Х. Вальтер (Германия), М.Дж. Тагаев (Киргизия), Й. Митурска-Бояновска (Польша), Л.К. Жаналина (Казахстан).

Основные направления исследования словообразования разрабатывались в Кемерово с 1982 г. на семинарах, которые проводила М.Н. Яценецкая. Несколько позже в этих семинарах принимала участие Ю.С. Азарх (Москва). Несомненное влияние на развитие этой области знания оказали встречи с Г.С. Зенковым. Члены школы

также тесно сотрудничали с Е.С. Кубряковой. В 1996 г. в Кемеровском государственном университете был открыт диссертационный совет, заместителем председателя которого 5 лет был А.Н. Тихонов. И семинары по словообразованию проводились уже с его участием.

За время существования школы было опубликовано более 1000 статей, 26 монографий, 14 сборников трудов конференций. Защищено 36 кандидатских и 6 докторских диссертаций.

Основное внимание представители школы уделяли семантическим вопросам словообразования, что не является случайным: структурные характеристики производного слова скрупулезно описаны в «Русской грамматике 80», а также в работах словообразователей в рамках структурно-системной лингвистики.

Следует отметить, что мотивированные и мотивирующие единицы находятся в отношении предикативной связанности, являя собой категорию, обнаруживающую дискурсивность работы мозга. Иными словами, семантика производного слова составляет свернутое суждение, в пределах которого мотивирующее и мотивированное, выполняя определенную актантную функцию, оказываются предикативно связанными, на что обращалось внимание в рамках структурно-системной, функциональной лингвистики [8, 18, 31].

Проникновение в глубинные структуры знаний, позволяющие выявить, как человек познает и осмысливает мир посредством языка, привело к выявлению пропозиций. Этому уделено большое внимание в работах как российских (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, В.Д. Демьянков, Е.С. Кубрякова, М.Н. Яценецкая и др.), так и зарубежных исследователей (Н.У. Лангаккер, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Н. Хомский, У.Л. Чейф и др.). При этом под термином «пропозиция» понимаются как абстрактные, так и конкретные суждения. Нам же представляется необходимым их разделение.

В 2011 г. на круглом столе, проводимом на IV Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного словообразования», было принято решение разграничить абстрактные глубинные структуры и конкретные, оязыковленные суждения, которые репрезентируются в рамках абстрактных. В связи с этим были предложены следующие термины: пропозициональные структуры и пропозиции. Первые из них понимаются как абстрактные суждения, субъекты и объекты в пределах которых предикативно связаны: *субъект – действие – объект; субъект – действие – время; субъект – действие – место; субъект – действие – средство; результат – действие – объект; место – действие – объект; место – действие – субъект;*

место – действие – время; средство – действие – объект и др. Данные структуры знаний едины для представителей современной цивилизации. Это подтверждает мысль В. фон Гумбольдта об одинаковом устройстве языков на самом абстрактном уровне, что позволяет ученому говорить о едином человеческом языке: «Формы нескольких языков могут совпасть в какой-то еще более общей форме, и к одной форме восходят, по существу, формы всех языков, если только идет речь о самых общих чертах, о связях и отношениях представлений, необходимых для обозначения понятий и для построения речи <...> В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [9: 74–75].

Пропозиции – это оязыковленные, или, как пишет Л. Вайсгербер, ословленные суждения. По сути дела, это то, что в традиционном словообразовании обозначается как лексико-словообразовательное значение (ЛСЗ).

Словообразовательный тип (СТ) в свете когнитивной парадигмы представляется необходимым рассматривать как ментально-языковую категорию, построенную по принципу естественных категорий, обоснованных Л. Витгенштейном [19]. Иными словами, показателем продуктивности СТ является наличие в его пределах ядерных и периферийных пропозиционально организованных семантических объединений производных слов, связанных между собой по фамилному признаку. Размытость границ обусловлена полимотивацией, полисемией дериватов, наличием аналогичных тематических объединений в ряде типов. Структурно-системная лингвистика, стремящаяся к четкому обоснованию мета-языковых единиц, выдвинула три критерия, значимых для определения типа: тождество частеречной принадлежности мотивирующих единиц, оформление производных с помощью одного и того же форманта и наличие обобщенного словообразовательного значения.

В пределах типа есть производные, в основе которых находятся мотивирующие различных лексико-грамматических классов, на что обратили внимание В.В. Виноградов в 1951 г. [7] и К.А. Левковская в 1954 г. [20]. Е.А. Земская в 1992 г. отметила, что критерий тождества частеречной принадлежности мотивирующих единиц нерелевантен для определения типов, объясняя свою позицию теоретическими достижениями в области множественной мотивации [12]. Анализ словообразовательных типов русского языка в работах Л.А. Араевой [2], Т.В. Ковалевой [16], А.В. Проскуриной [24],

Т.В. Жуковой [11], Е.В. Белгородцевой [5] позволил выявить следующую закономерность: типы, включающие производные в основном с множественной мотивацией (что характерно для типов с иноязычными формантами), не вошли окончательно в словообразовательную систему русского языка. Вместе с тем мотивация провоцирует появление множественной мотивации. Таким образом, критерий тождества частеречной принадлежности мотивирующих следует оставить для определения СТ, но при этом важно учитывать наличие множественной мотивации. Е.С. Кубрякова утверждает, что полимотивационные процессы проявляют особенности несколько измененного взгляда на явление действительности, что актуально для коммуникации.

Концептуальное обоснование полимотивации представлено в работах П.А. Катышева [15], С.В. Оленева [22], С.К. Соколовой [26]. Пропозиционно-фреймовый подход к данному явлению объясняет виды полимотивации, выделенные в структурно-системной лингвистике, и обосновывает полимотивацию, представленную одним и тем же мотивирующим, выполняющим разные синтаксические роли в пределах пропозиций одного фрейма. Ср.: *булочница* – женщина, которая выпекает и продает булки.

Третий критерий не значим для определения СТ, на что обратил внимание Г.С. Зенков, отметив, что одно и то же обобщенное словообразовательное значение характерно для разных типов [13]. Мы предлагаем в качестве третьего критерия указывать особенности пропозиционно-фреймовой (семантической) организации типов.

Значимо описание типов на единых семантических основаниях. Выделенные в рамках школы виды словообразовательного значения извлечены и типизированы на основании скрупулезного анализа интуитивно, но непоследовательно представленных видов ЛСЗ в «Русской грамматике 80» (см. об этом [2, 14, 16, 24]).

В свете сказанного считаем необходимым введение понятия «словообразовательная ниша» (СН). И.С. Улуканов справедливо отметил, что форманты стремятся к сочетаемости с мотивирующими разных частей речи, образуя особую метаязыковую категорию [27]. СН включают типы, находящиеся в отношении межсистемной дополнителности [28]. Они не конкурируют между собой, а взаимно обогащают существующие в их пределах фреймы на основе реализации разных пропозиций, в то время как синонимичные типы, оформленные разными формантами, вступают в пределах одних и тех же пропозиций (ЛСЗ) в

конкуренцию. В результате образуются однокоренные синонимы, которые, представляя собой кажимостное тождество, свидетельствуют о модификации пропозиционно-фреймовой организации взаимодействующих типов.

В аспекте пропозиционно-фреймового моделирования следует описывать гнезда однокоренных слов (см. работы М.А. Осадчего [23], М.С. Косыревой [17], М.Н. Образцовой [21], А.Н. Шабалиной [29], К.А. Демиденко [10]).

Многозначные дериваты являют собой дискуссионное поле в лингвистике. Далеко не все исследователи рассматривают как многозначные производные типа *телятник* – 1) помещение для телят; 2) работник, ухаживающий за телятами. Прежде всего отрицание полисемии связано с тем, что в данном случае отсутствует внутрисловная цепочечная метонимическая связь (ср.: *шелк* – 1) кокон; 2) нити из этого кокона; 3) материал из этих нитей; 4) одежда из этого материала). Пропозиционно-фреймовый подход снимает разногласия. В первом случае реализована пропозициональная структура «место – действие – объект», во втором – «субъект – действие – объект». В качестве объекта, для которого предназначено помещение, и объекта, за которым ухаживает субъект, выступает одно и то же мотивирующее *теленки*. В данном случае наблюдается радиальная метонимическая связь лексико-семантических вариантов в границах многозначного производного с мотивирующим, выступающим в качестве объекта в двух пропозициональных структурах в фрейме «животноводство». Наличие регулярной многозначности производных в пределах словообразовательного типа характеризует тип как продуктивный и регулярный (описание многозначных производных с использованием пропозиционально-фреймового подхода см. в [6]).

Пропозициональный подход позволил выявить не описанное в традиционной лингвистике метаязыковое явление, словообразовательно-пропозициональную синонимию (СПС), которое было замечено Н.Д. Арутюновой в 1961 г. при описании словообразования испанского языка [4: 64–65], но не привлекло к себе внимания лингвистов. В СПС проявляется стремление языка с помощью дискретных единиц с разных сторон, объемно представить одно и то же явление действительности, что оказывается значимым для эффективности общения. Например, производные *пчельник* – *омшаник* – *зимник* называют помещение для пчел, утепленное мхом с целью использования в зимнее время. Иными словами, в одном случае эксплицирован объект, для которого используется помещение, в другом – средство изготовления помещения, в третьем – время использования помещения.

Данный тип синонимии широко распространен как в русском литературном языке, так и в русских народных говорах, что представлено в кандидатских диссертациях А.А. Шумиловой [30] и А.И. Акимовой [1].

Словообразовательно-пропозициональная синонимия отмечена не только в русском, испанском, но также и в китайском языке. Например, в китайском языке халат называется по цвету (желтый), по субъекту, для которого он предназначен (император): 黄袍 [huángpáo] (黄 – желтый) императорский халат (во времена династии Цин одежду желтого цвета имел право носить только император); 龙袍 [lóngpáo] (龙 – император) императорский халат. В сознании современных китайцев сохраняется представление о том, что императорский халат желтого цвета, расшитый золотыми нитями.

Пропозиционально-фреймовый подход позволяет описывать на едином основании базовые комплексные единицы словообразования. Определение словообразовательной системы в «Русской грамматике 80» представлено следующим образом: «Под словообразовательной системой понимается совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии, а также совокупность словообразовательных гнезд» [25: 137]. Проще говоря, две не связанные между собой совокупности основных комплексных единиц словообразования. Между тем гнезда однокоренных слов и СТ тесно взаимосвязаны: однокоренные слова создаются в границах разных типов мутационной, модификационной и транспозиционной семантики. В основе семантики производного слова находятся пропозициональные структуры, направляющие мысль человека в ословленные пропозиции. Пропозициональная связанность однокоренных слов в пределах таких ментально-языковых категорий, как гнездо однокоренных слов и словообразовательный тип, проявляет механизм познания мира человеком. Этот же принцип семантической организации проявляется в рамках многозначного деривата, полимотивации, однокоренной и словообразовательно-пропозициональной синонимии.

Все вышеперечисленное разработано представителями Кемеровской дериватологической школы. В настоящее время в этом направлении описывается деривационная система

бесписьменного языка малочисленного коренного народа Севера – телеутов. Создан электронный пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка. Открытие на факультете филологии и журналистики Кемеровского государственного университета направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика», на котором студенты изучают английский и китайский языки, обусловило внимание преподавателей-русистов к китайскому языку. В настоящее время в курсовых и выпускных квалификационных работах студентов описываются фрагменты языковой картины мира китайцев с применением пропозиционально-фреймового метода.

Пропозициональный подход значим для описания синтаксиса. Следует отметить, что описание словообразования с синтаксических позиций представлено в работах лингвистов уже в 70-е гг. XX в. [8] (см. также работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Л.В. Сахарного, М.Н. Яценецкой и др.). В 1990-е гг. проблема описания семантики производного слова с синтаксических позиций стала особенно актуальной [3].

Таким образом, представленный в статье подход позволяет описать на единых основаниях разные разделы в «Русской грамматике 4.0». С когнитивных позиций возможно описание морфологии, лексики и фонетики. В частности, фонема в языковом сознании носителей русского языка представлена основным вариантом в сильной позиции, вариантами и вариациями в слабых позициях.

Значимость академической грамматики чрезвычайно высока. Нормативная грамматика позволит по-новому преподавать русский язык в вузах и школах. И только в этом случае когнитивная лингвистика станет востребованной и начнет стремительно развиваться. Пока же, несмотря на утверждение о произошедшей смене научной парадигмы, русский язык в школах и вузах преподается преимущественно с позиций структурно-системной лингвистики.

Представленная концепция может быть использована для создания интеллектуальных компьютерных программ, а также для возвращения речи людям, перенесшим инсульт. Первый опыт работы по возвращению речи с использованием пропозиционально-фреймовых моделей дал положительные результаты. ■

Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 14-04-00556

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова А.И. Лексическая и словообразовательная синонимия (на материале суффиксальных отсубстантивных глаголов: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.
2. Араева Л.А. Словообразовательный тип. М., 2009.

3. Араева Л.А., Евсеева И.В. Словообразование и синтаксис: типы пропозициональных структур // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4.
4. Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.
5. Белгородцева Е.В. Словообразовательный тип «глагол + -тель» (синхронно-диахронный аспект). Кемерово, 2002.
6. Булгакова О.А. Полисемия производных субстантивов (на материале кемеровских говоров). Томск, 1994.
7. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Русский язык в школе. 1951. № 2.
8. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
10. Демиденко К.А. Мотивационно-ассертивное моделирование гнезд однокоренных слов группы «Времена года» (на материале современного русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
11. Жукова Т.В. Словообразовательный тип и многозначное производное слово как системные взаимодетерминанты (на материале отыменных существительных с суффиксом *-ник*): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.
12. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
13. Зенков Г.С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.
14. Евсеева И.В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц): Дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2012.
15. Катышев П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы: Дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2005.
16. Ковалева Т.В. Производные с *-атор/-тор* в деривационной системе русского языка: когнитивный аспект. Кемерово, 2004.
17. Косырева М.С. Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного моделирования системных отношений между однокоренными словами (на материале интернациональной лексики). Кемерово, 2008.
18. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978.
19. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
20. Левковская К.А. Словообразование. М., 1954.
21. Образцова М.Н. Когнитивно-дискурсивное описание гнезда однокоренных слов (на материале пчеловодческой лексики русских народных говоров): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
22. Оленев С.В. Динамическое моделирование русской языковой личности. Кемерово, 2006.
23. Осадчий М.А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров). Кемерово, 2007.
24. Проскурина А.В. Внутренняя форма словообразовательного типа «С + ИН(а)» (на материале русских народных говоров). Кемерово, 2008.
25. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
26. Соколова С.Ю. Полимотивация деривата в аспекте влияния его структурных свойств на речемыслительную деятельность носителей русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011.
27. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
28. Фаломкина И.П. Пропозиционально-фреймовое моделирование словообразовательной ниши с формантом *-н/я/* (на материале русских народных говоров): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
29. Шабалина А.Н. Пропозиционально-фреймовая организация фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли. Кемерово, 2008.
30. Шумилова А.А. Синонимия как ментально-языковая категория (на примере лексической и словообразовательной синонимии русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009.
31. Яценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

L.A. Araeva

THE SECTION DERIVATION IN RUSSIAN GRAMMAR 4.0 FROM THE STANDPOINT OF A PROPOSITIONAL-FRAME MODELING (BASED ON KEMEROVO DERIVATOLOGICHESKOY SCHOOL EXPERIENCE)

Metalinguistic derivation unit, propositional structure, proposition, propositional-frame modeling.

The article describes the concept of propositional-frame modeling, derivational types, word-formation niches, single-root words nests, multi-valued derivatives, polimotivations, cognate and derivational-propositional synonyms.

КОММУНИКАТИВНОЕ ОПРАВДАНИЕ ГРАММАТИКИ. К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ УСЛОВНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Смыслообразование, ради которого порождается естественный вербальный факт, получает объяснение только через коммуникативное действие, посредством которого говорящий (пишущий) добивается изменений в мыслимом коммуникативном пространстве. Из субъектности любого вербального факта следует, что элементы вербального процесса сами по себе нетождественны; описываемый грамматикой язык (безличный, бессмысленный и внеакциональный) в качестве метафоры неэффективен для объяснения коммуникативного смыслообразования; говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные коммуникативные действия, а не вербальные формулы (элементы структуры «языка»). На фоне поглощения языка и грамматики коммуникацией следует признать мнемотехническую и лингводидактическую ценность грамматики.

А.В. ВДОВИЧЕНКО

anlvdo@mail.ru

д-р филол. наук,
ведущий научный сотрудник
сектора теоретического
языкознания
Института языкознания РАН,
профессор Православного
Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
Москва, Россия

Ключевые слова:
*грамматика,
коммуникация,
естественный
вербальный процесс,
мнемотехника,
лингводидактика*

Вчера и сегодня коллеги в своих выступлениях затронули различные важные аспекты грамматики. Смысл моего доклада состоит в том, чтобы в конечном счете все сказанное способствовало оправданию грамматики перед неумолимым лицом естественной коммуникации.

Почему оправдание и почему статус грамматики как будто подвергается сомнению? Разве грамматика не заслужила неприкосновенности и почтения *honoris causa*?

Здесь, с моей точки зрения, имеет место подлинный драматизм, вызванный новыми условиями существования науки о языке, которые сложились за последнее столетие, в особенности за последние полвека. Этот драматизм тем острее, что речь идет не о театральном, а о реальном сюжете.

Кратко коллизию, которую мы имеем в виду, можно выразить так: *наука о языке постепенно поглощается наукой о коммуникации*. А вместе с наукой о языке поглощается и грамматика.

Как это происходит? Каковы основания этого процесса?

Свойством и непременным атрибутом любого естественного вербального материала является *смыслообразование*.

Говорящий (пишущий) утруждает себя построением вербальной последовательности только ради того, чтобы осуществить воздействие в мыслимом коммуникативном пространстве. Вне коммуникации вербальный материал не существует в естественной форме. Вне говорящего естественного вербального материала быть не может.

Попытки установления значения слова или иного вербального элемента бесперспективны до тех пор, пока не будет констатировано конкретное действие, произведенное кем-то, где-то, в каких-то условиях, с определенными целями и пр.

Смысл сказанного – в сознании того, кто осуществил действие и кто интерпретирует данное конкретное действие, моделируя процессы

в чужом сознании на основании собственных возможностей представить это действие. Важно отметить, что смысл сказанного не имеет прямого отношения к мысли – гораздо более объемному и комплексному феномену, чем следующее за ним коммуникативное воздействие. В момент говорения (письма) размышление говорящего состоит в том, чтобы осуществить нужные говорящему (пишущему) изменения в сознании адресата. Планируемое воздействие – не то же самое, что его невербализованный внутренний процесс.

Различие между мыслью и планируемым воздействием иллюстративно представляет случай лжи, когда коммуникант, имея в сознании одно положение дел, пытается представить сознанию адресата иное, добиваясь тем самым своих целей. Зазор между мыслью и действием коммуниканта в данной ситуации особенно очевиден.

Когда же коммуникант говорит «правду», теоретическая диспозиция мысли и действия от этого не меняется: говорящий (пишущий) по-прежнему сперва параметрирует коммуникативное пространство, принимает решение, производить ли какое-то воздействие на адресата, и если да, то каким способом, а потом оказывает искомое влияние – оперирует с сознанием адресата, интерпретируя его, адресата, когнитивное состояние, изменяющееся (готовое измениться) в результате такого воздействия. Если в результате внутреннего размышления коммуникант принимает решение не действовать в данном коммуникативном пространстве вообще, то следует констатировать наличие мысли, но отсутствие какого-либо знакового процесса (коммуникации), где и локализуется смыслообразование вербального факта. Подобным образом процесс открывания двери ключом (действие) и внутреннее рассуждение о необходимости открыть дверь ключом (мысль) – не одно и то же.

Иными словами, *смыслообразование* в естественном вербальном процессе – *исключительно коммуникативный феномен*, который возникает только в процессе акционального (перформативного, «совершительного», действительного) выхода за пределы сознания в коммуникативное пространство.

Здесь, на ясно очерченной границе между внутренней мыслью и коммуникативным по природе смыслообразованием, становится заметным различие между естественным и неестественным вербальным материалом. Так, примером искусственного материала может служить высказывание *Куда ты идешь?*, взятое вне конкретной коммуникативной ситуации и ее момента. В этой вербальной последовательности нет смыслообразования, которое наступает в момент взаимодействия говорящего и адресата. В естественных условиях этот материал входит в состав

многофакторной системы координат, констатированных говорящим для совершения конкретного действия, и только в этой системе координат данный вербальный комплекс приобретает актуальность, ради которой и был произнесен. Только в этой системе вербальный комплекс становится тождественно интерпретируемым.

Подобным же образом вербальная часть уже существующего («отыгранного») коммуникативного действия, изъятая из актуальных условий совершения действия, лишается своих подлинных свойств, главное из которых – способность к смыслообразованию. Представим себе естественное высказывание, которым мы начали свое выступление и которое было понято в актуальных условиях, изъятых из этих актуальных условий: *Мне очень дорого, что в выступлениях коллег (вчера и сегодня) были в различной мере затронуты идеи, которые и я считаю важными.*

Здесь ни одно из актуальных для говорящего значений не содержится в вербальной форме. Чтобы «означить» пустые формы, говорящему и слушающему необходимы конкретно мыслимые параметры, не присутствующие в самой вербальной форме: не ясно, кому *дорого*, какие *выступления*, кто *коллеги*, по отношению к чему *вчера и сегодня* и т.д.

Поэтому интерпретация смысла сказанного по необходимости представляет собой восхождение к когнитивному состоянию того, кто произвел данное действие в многофакторной ситуации. И только такие вербальные данные – коммуникативные и акциональные – могут считаться естественными, обладающими полной реальностью.

На фоне этих естественных условий существования вербального факта следует констатировать три очень важных следствия для грамматики.

Во-первых, элементы вербального процесса сами по себе *не тождественны*, их невозможно изучать. Они не существуют вне говорящего, который дает им возможность принимать участие в смыслообразовании на его, говорящего, условиях.

Во-вторых, традиционно описываемый грамматикой язык (если воспринимать его как систему смыслопорождающего говорения) *неэффективен как метафора*. В новых теоретических условиях (когда действие становится главным объектом, и порождение смысла в вербальном факте локализуется в коммуникативной ситуации) понятие «язык» становится непригодным для моделирования естественного вербального процесса, в котором главное – исполнение личной коммуникативной задачи, коммуникативное смыслопорождение. В языке нет деятеля, нет адресата, нет тождественной закрепленной между означающим и означаемым связи (между прочим, означаемого в принципе не может быть вне индивидуального сознания, поскольку означаемое представляет собой не денотат «вещь

в себе», а некий образ или понятие, локализованное в сознании). Источником мысли, эмоции, чувства является только индивидуальное сознание. Объекты не формируются независимо от сознания, связи (причинно-следственные, пространственные, временные и пр.) не строятся сами собой. Причинность – довольно произвольное соположение двух выделенных (интересующих говорящего) объектов (явлений).

Всего этого язык не может производить сам, он принципиально на это не способен. В нем с полной очевидностью отсутствует мысль и все прочее, имеющее отношение к смыслопорождению, поскольку в нем принципиально нет личности, которая является источником любого смыслообразования.

И наконец, в-третьих, следует констатировать, что *говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные коммуникативные действия*, а не вербальные формулы (элементы структуры языка). Источником нетождественности и изменчивости вербальных клише как раз и является то обстоятельство, что коммуникант, производящий коммуникативное смыслообразование, сосредоточен на действии, а не на соблюдении единообразных правил употребления слов. Правила и коммуникативное смыслообразование в некотором смысле антагонистичны: коммуниканту необходимо добиться изменений в сознании адресата, внести что-то новое в коммуникативное пространство, а язык, существующий по правилам, «всегда говорит нам одно и то же», как всерьез утверждал Витгенштейн [3: 168]. В действительности «одно и то же» в принципе не интересует коммуниканта, который берет на себя труд что-то сказать (написать): зачем в таком случае говорить, если в результате удастся лишь произнести то, что уже сказано не один раз кем-то и где-то, в том числе им самим? Чтобы продемонстрировать знание правил? Конечно, нет. В реальности говорящий говорит не языком («одно и то же»), а добивается изменений в мыслимом коммуникативном пространстве. Он как бы строит шалаш из подручных средств, которые сами по себе его не интересуют. Осуществляемый им процесс семиозиса настолько многофакторный, что «правила употребления слов» просто растворяются в коммуникативном синтаксисе. Так, даже слово *я* в устах говорящего может означать любую из коммуникативных позиций, в том числе *ты, он, она, мы* и т.д. Коммуникант пускает в ход все, что ему доступно: вербальные клише, визуальные образы, таблицы и схемы, модуляции голоса, невербальные знаки, неожиданные фреймы, созданные объекты, измененные формы слов, новые фокусировки и прочее, лишь бы искомое воздействие было произведено. В этих условиях теоретический конструкт «язык» уже не может сохранять прежний статус

автономного «средства общения», поскольку общение осуществляется не словами, а комплексными коммуникативными действиями. Соответственно, грамматика, которая пытается навязать правила работы словесного «механизма», вместе с языком мутирует в какое-то новое состояние.

Здесь важно отметить, что грамматика (как описание правил употребления вербальных единиц) рождается из «плененности» теории инструментальной метафорой языка. Не заметив, что коммуникация (в том числе с участием вербального канала) – феномен многофакторный, теоретик со времен античности стремился навязать словам всю палитру коммуникативных смыслов, порождаемых совсем не словами.

В качестве примера приведем несколько проблем, которые упоминались вчера и сегодня. В их основании, с моей точки зрения, лежит та самая «плененность» метафорой языка.

Как мы воспринимаем речь, в которой некоторые элементы опущены?

Порождается и понимается не речь, а коммуникативное действие. Если его смысл можно воссоздать по невербальным параметрам, слова можно вообще не говорить или оставить часть из них непроизнесенными, или воссоздать по коммуникативному контексту. Говорящему и слушающему необходимо несловесное содержание действия, а не вербальный антураж. Так, в желании попросить открыть окно нет слов. Можно добиться этого, воспользовавшись в соответствующей ситуации жестом. Можно частично жестом, частично словом. Можно только словом (вербальным клише). Содержание коммуникативного действия от этого не изменится.

Различие орфографии и фонологии

Орфография служит только для моделирования вербальной части коммуникативного действия. Написание *Барысава* (белорус.) или *Борисово* (рус.) имеет исключительно инструментальное значение для воссоздания фонетического облика вербального клише (или намек на его фонетический облик, хранящийся в сознании участника лингвокультурного коллектива).

Различие письменного и бесписьменного русских языков

Условные языки в данном случае представляют различные модусы коммуникации со всеми вытекающими особенностями коммуникативных действий в их рамках.

Изменения в предметном облике элементов языка (ослабление флексий и пр.)

Говорящему глубоко безразлична номенклатура понятий, которой пользуются лингвисты.

А лингвист не отстает от говорящего ни на шаг. Если отстанет, то приходится переписывать словари и грамматики, говорить об идиолектах, индивидуальном использовании языка, языке Интернета, языке Андрея Платонова и т.д. В общем, «выкручиваться» из ситуации, созданной концепцией языка, в том числе говорить об изменениях языка.

Оппозиция узус vs норма

Норма исключительно узуальна. Понятие о ней (если кому-то оно вдруг оказалось необходимым) приурочено к данному коммуникативному действию в данных условиях. Два интернет-пользователя в чате уже создают условия, достаточные для «локальной» нормализации каких-то вербальных феноменов.

Дискурсивная обусловленность грамматики

Дискурсивные практики (в том числе с использованием вербального канала), поглощая язык, поглощают и грамматику. Дискурс – осознанная ситуация коммуникативного действия, что гораздо шире вербального «грамматического» текста и контекста.

Стилевое расщепление языка

Понятие «стиль» представляет собой одну из попыток компромисса между желанием представить язык как единообразную систему правил и невозможностью естественных коммуникативных данных в нее вписаться. Нарастающее количество расщеплений, постигающих язык в реальной, а не сконструированной на рабочем столе ситуации, переходит в качество: вдоль и поперек расщепленный язык не способен быть целостным теоретическим объектом.

Грамматика языка как единые правила дорожного движения

Пустые вербальные формы всякий раз наполняются новым содержанием в новых коммуникативных условиях. Они находятся под постоянным давлением новых коммуникативных действий и коммуникативного смыслообразования. Нет необходимости беречь старые мехи для наполнения новым вином. Если же пытаться это делать, то они рано или поздно все равно прорвутся. Сами по себе они никому не нужны. Важно содержимое.

Источник знания о русском языке от преподавателей РКИ

Преподаватели РКИ находятся на переднем рубеже сражения за грамматику, поскольку иностранным студентам, в отличие от русскоязычных носителей, грамматика русского языка действительно нужна. Правда, в большинстве

случаев речь идет о построении приблизительных корреляций между вербальным компонентом инокультурных коммуникативных действий (родных для студентов) и русских. Эти корреляции строятся на основе коммуникативной типологии, а не соответствия между элементами строевого уровня (слов, морфем и пр.). В результате возникают актуальные варианты «русской грамматики для китайцев», «русской грамматики для англичан» и пр.

Русский язык в сознании носителей или в текстах?

Поскольку русский язык как система правил неизвестен никому (а вместо него реальному носителю известна коммуникативная типология – вариативная и приуроченная к знакомым ему сферам коммуникации), следует считать русский язык, как и любой другой, конструктом, или теоретической моделью, применимой или не применимой в каких-то практиках и других теоретических моделях. Сознание носителей и производимые ими тексты дают материал для создания этого конструкта. При этом было бы преувеличением считать языком то, что в действительности знает и как в действительности действует реальный говорящий (пишущий).

Грамматика прескриптивная и описательная

Грамматика не может быть прескриптивной ввиду свободы коммуникативной деятельности. Сам факт того, что грамматические нормы бегут вслед за узусом, а тот по своей коммуникативной природе грамматику не замечает, говорит о тщетности каких бы то ни было прескрипций со стороны лингвистов. Атрибут «прескриптивная» следует, скорее, заменить на «возможная».

Множество «языков» в пределах одного языка, градация источников языка по признаку естественности

Все коммуникативные действия принципиально едины (естественны) в своих константах: действующий коммуникант, мыслимое воздействие, способ воздействия, параметры действия, интерпретация когнитивного состояния коммуниканта и пр. Неправомерное выдвигание на передний план вербальной составляющей («способ воздействия»), наделение ее собственными валентностями заставляет констатировать формально-содержательные различия вербальных элементов, и как следствие, множественность языков как систем этих элементов. Это лишь подтверждает неэффективность понятия *язык*: говорящий (пишущий) не может знать столько обособленных языков. Теоретически неэффективно давать объяснение естественного вербального процесса (в котором понимаются

Лингвистика

коммуникативные действия, а не вербальных формулы) на основе неопределенного бесконечного множества языков. Рассуждение о «множестве языков в пределах одного языка» лишь подтверждает теоретическую девальвацию самого понятия *язык*.

Язык необходим как средство конституирования нации, ее идентичности

Если язык представляет собой набор пустых несамостоятельных форм (ввиду безличности, бессмысленности и бессодержательности) и если эту пустоту способно заполнить только индивидуальное сознание – источник смыслов, содержания, значения, эмоций, ценностей (которое параметрирует коммуникативное пространство, определяет адресатов, создает объекты, формирует классы и виды, вводит критерии назначения множеств, строит связи, фокусирует внимание и пр.), приписывание нации некоей идентичности на основании пустых форм не вполне корректно. «Носители русского языка» настолько различны между собой, насколько отличны значения единообразного по форме *я* в актуальной коммуникации: ни один словарь русского языка, как ни странно, не даст подлинного значения для этого фонетического комплекса, абсолютно пустого и бессмысленного самого по себе. Рассуждения о единстве нации на основании «общего языка» обыкновенно используются в практической риторике политиков для воздействия на наивное сознание.

Комплексность (полиmodalность) использования языка

Скорее, нужно говорить о комплексных (полиmodalных, многофакторных) коммуникативных действиях (практиках коммуникативного семиозиса), из которых исследователи пытаются выделить автономный вербальный механизм (инструмент), называя его языком. С первых опытов осмысления вербального процесса этот инструмент признается существующим по умолчанию. Однако для объяснения смыслообразования (главного и основного атрибута коммуникативного действия, производимого с использованием вербального канала) пустой внесубъектный «язык» теряет свою эффективность в современных теоретических условиях.

Итак, главные симптомы драматической коллизии, о которой я говорил, состоят в том, что:

- элементы вербального процесса сами по себе нетождественны,
- описываемый грамматикой язык в качестве метафоры неэффективен для объяснения смыслообразования,
- говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные *коммуникативные*

действия, а не вербальные формулы (элементы структуры языка).

Эти теоретические позиции стали постепенно проникать в теорию естественного вербального процесса после того, как в XX в. на горизонте лингвистики возник новый объект, гораздо более целостный и определенный, чем слово, – коммуникативное действие. Этот факт уже повлек и влечет за собой столько последствий, что грамматика не может оставаться в своем прежнем статусе.

Первые попытки описать коммуникативное действие были слишком словесные, или слишком языковые, слишком грамматичные. Остин пытался определить, какие конкретные глаголы и фразы являются перформативами («совершительными высказываниями»), а какие не являются, и даже составить список перформативных глаголов [4: 66, 82]. Потом оказалось, что все высказывания в их естественном состоянии являются действиями [5: 152]. Более того, совершительными оказываются и невербальные коммуникативные действия. И при этом любые действия, независимо от канала, всегда являются комплексными, помещенными в конкретные условия совершения, исходящими из личного когнитивного состояния, благодаря которым с языком приходится расставаться как с неэффективным теоретическим конструктом [1: 379]. Это размывает границы грамматики, построенной на априорном признании целостности и единообразия словесного механизма. Этот механизм никто не знает и не нуждается в нем. Он никого не интересует сам по себе. Он не имеет дела с подлинным смыслообразованием. Наоборот, сосредоточенность коммуниканта на исполнении коммуникативных задач, а не на самих вербальных клише, является главным фактором постоянной нестабильности грамматики (и словаря). Оперативный арсенал говорящего (пишущего) составляет типологическое знание вербальных клише в ситуациях коммуникативного действия, или типология коммуникативных синтагм, которые усваиваются ребенком при овладении родным языком и затем нарастают по мере расширения коммуникативного опыта в различных сферах. В ходе интеракций порождаются и интерпретируются не обобщенные грамматические сущности, а конкретные помысленные данным говорящим (пишущим) и данным адресатом значения; производятся и понимаются не грамматикализованные в сознании коммуникантов вербальные комплексы, а личные коммуникативные действия (которые можно реализовать зачастую и без слов, или другими словами, на других языках, в условиях смешения языков, комбинирования каналов коммуникации и пр.).

Что же делать в этих условиях с грамматикой любого языка? Как вписать это понятие в коммуникативную и одновременно акциональную (а другой в принципе не может быть) модель естественного вербального процесса? Какое место отвести грамматике в описании этого процесса?

По-видимому, в общей модели естественной вербальной коммуникации, в условиях поглощения языка коммуникацией, у грамматики не остается прежней роли первого плана.

Зато – и в этом состоит *оправдание грамматики* – создание грамматического описания имеет исключительно важное *утилитарное* значение. По сути она исполняет незаменимую роль «переходника», упрощая для носителя переход с привычной для него коммуникативной типологии на другую, чуждую или неизвестную ему доподлинно. В построении корреляций между вербальными элементами соответствующих коммуникативных действий реализуется подлинная *лингводидактическая* и *мнемотехническая* ценность грамматики. Можно изобретать любые схемы систематизации вербального материала, лишь бы они были практически оправданы. Чем больше мнемотехнических схем для систематизации и овладения чуждой коммуникативной типологией в проекции на свою, тем лучше. Чем больше объем коммуникативно-типологических единиц, усваиваемых на занятиях чуждой грамматикой, тем лучше. Этим, собственно, и заняты преподаватели РКИ, по необходимости коллекционирующие, детализирующие и уточняющие коммуникативные (не просто словесные) контексты и вербальные действия в них.

Кроме того, для грамматики всегда остается ничем не заменимая роль в глубоко условной, но культурно значимой *практике письма* на родном языке. Чтобы не писать по-русски весьма логичные с точки зрения фонетики [варота], [сат], [акно] и в нужном месте ставить запятые, необходимо усвоить комплекс русских грамматических правил. Если известны условности, эти правила существенно облегчают восхождение от письменного текста к первичной естественной форме авторского действия – устному произнесению слов в составе коммуникативной (дискурсивной) синтагмы.

Важно отметить, что никакой онтологической ценности в грамматике нет. Если уж говорить о ценности, то вся аксиология и деонтология локализована в свободном личном коммуникативном действии, источник которого (индивидуальное сознание) в принципе невербален.

Признание лингодидактической и мнемотехнической сущности грамматики устанавливает необходимые *пределы условности* ее восприятия как инструмента лингвистического описания. Напротив, забвение условного статуса

грамматики (или онтологизация языка, понимаемого как грамматика и словарь автономно и безусловно) приводит к вольным или невольным попыткам мнемотехнической схемы (грамматики) узурпировать приоритет естественного коммуникативного процесса, дать некорректную трактовку аутентичной коммуникации.

Так происходит в случае интерпретации статуса текстов, составляющих корпус Септуагинты и Нового Завета [2]. Очевидно, что в формировании доминирующей на сегодняшний день тенденции рассматривать грекоязычный библейский текст как семитизированный и ненормализованный главную роль сыграла «языковая», антично-соссюрианская точка отсчета (она же структурно-грамматическая парадигма описания вербального факта).

Базовые позиции *структурно-грамматического подхода*, выступающие в библейских лингвистических исследованиях как априорные данности, можно обобщить как мыслимые во взаимосвязи нижеуказанных позиций: 1) предметность («телесность») понимания феноменов вербальной коммуникации, 2) логический и количественный принцип анализа ее феноменов, 3) системность предметного элемента вербальной коммуникации. В существующих рассуждениях о лингвистической природе текстов «новозаветного койнэ» данные позиции, интегрированные в существующую описательную схему, в обобщенном виде проявляют себя следующим образом.

Предметность понимания материала следует из очевидного факта: естественный коммуникативный процесс представляется интерпретатору в виде написанных и/или произносимых «слов», составляющих тексты. Из очевидного и несомненного объекта следует естественная ориентированность процедуры описания на вербальную составляющую текста (предметный элемент). Здесь логико-количественный принцип требует искать и находить именно в словах, их частях и их комбинациях кванты естественного вербального процесса (или монады элементарного смысла, единицы измерения общей словесной суммы). Поскольку, согласно требованиям этой описательной модели, в самой вербальной предметности содержится смысл, воспринимаемый всеми говорящими (пишущими) в конкретном сообществе, данный констатируемый набор единиц не может не представляться исследователю упорядоченной системой, правильно работающим механизмом смысловыражения, соссюровским «языком». Этот язык оказывается в случае библейских текстов испорченным, малограмотным, деформированным, а его авторы – людьми с Востока, попытавшимися написать на языке, которого не знали.

Между тем для сторонника коммуникативной модели реальный процесс порождения и восприятия вербальных действий (в том числе в письменных текстах) однозначно указывает на необходимость выйти за пределы вербальной «телесности», вербальной системности и существующего «точного» метода описания вербальных фактов, построенного на античном принципе «знак—значение». В естественной коммуникации слова никогда не произносятся (не пишутся) вне мыслимых ситуаций их употребления (коммуникативных синтагм). Вербальные элементы неразрывно связаны с мыслимыми обстоятельствами их произнесения (написания) и не могут быть интерпретированы вне индивидуально мыслимых условий говорения (написания). Более того, в естественной ситуации говорения (письма) «говорятся» и понимаются не слова, а личные комплексные коммуникативные действия. Вербальные элементы не обладают тождеством вне мыслимой ситуации коммуникативного действия, не могут иметь собственных значений и смыслов вне говорящего, который является единственным обладателем мысли и единственным источником смыслообразования. Поскольку тексты

не пишут сами себя, а также их не пишет «язык», интерпретация любого актуального высказывания представляет собой восхождение к индивидуальным когнитивным процессам автора высказывания, совершившего данное коммуникативное действие, или предпринимаемую интерпретатором попытку отождествить себя с автором, действующим посредством высказывания, на основании всех имеющихся у интерпретатора когнитивных возможностей и способностей. Единицы безличного «языка», нетождественные и бессмысленные вне говорящего (т.е. традиционный материал античной и соссюрианской лингвистики), дают недостаточно твердую почву для адекватного моделирования реального процесса устной или письменной вербальной коммуникации.

Применение коммуникативной (дискурсивной) модели к грекоязычным библейским текстам позволяет констатировать, что для представителей грекоговорящей иудейской диаспоры они были вполне традиционными, архаизирующими, нормативными, подобно литургическим церковнославянским текстам для представителей современного сообщества православных верующих. ■

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00560 «Лингвистические практики религиозных сообществ: эллинистический иудаизм, раннее христианство, русскоязычное православие»

ЛИТЕРАТУРА

1. Вдовиченко А.В. Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008.
2. Вдовиченко А.В. Концепция Ф. де Соссюра в интерпретации специфики новозаветного текста // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2012. Вып. 30.
3. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М., 1994. Ч. 2.
4. Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. В.П. Руднева. М., 1999.
5. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.

A.V. Vdovichenko

COMMUNICATIVE JUSTIFICATION OF GRAMMAR. TO THE PROBLEM OF LIMITS OF CONDITIONALITY IN GRAMMATICAL DESCRIPTION

Grammar, communication, natural verbal process, mnemonic, language didactics.

Sense-generation (which is *causa finalis* of any natural verbal fact) can be explained only by the concept of communicative action which speaker (writer) performs to obtain changes in imaginable communicative space. The consequences of subjectivity of any verbal fact are the following: elements of verbal process are not identical in themselves; the impersonal and senseless language described by grammar is not effective as a metaphor for explaining communicative sense-generation; speaker (writer) produces and understands actual communicative actions, but not verbal formulas (elements of structure of “language”). While language and grammar are absorbed by communication, it is necessary to recognize the mnemonic and language didactic value of grammar.

ПРОБЛЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ 4.0»

В.А. МАСЛОВА
mvavit@tut.by
 д-р филол. наук,
 профессор
 Витебского
 государственного
 университета
 Витебск, Белоруссия

Ключевые слова:
*интегративный подход,
 лингвоконцептология,
 лингвокультурный
 концепт, культурная
 информация*

Обсуждаемые сейчас подходы к построению будущей грамматики позволяют заключить, что она должна соответствовать новым веяниям в науке – содержать междисциплинарное осмысление языка. Не вызывает сомнений тот факт, что в следующей грамматике должно быть несколько частей: прескриптивная, служащая научной основой для составления учебников по современному русскому языку, дескриптивная, материалом которой является весь корпус русского языка, включая разговорный язык, многочисленные региолекты, язык интернет-пространства; коммуникативная, где значение приобретает знание культуры, с которой теснейшим образом связан язык. В статье предлагается описание языка сквозь призму концептов.

При всем глубочайшем уважении к «Грамматике-60», «Грамматике-70», «Грамматике-80» и их авторам следует подчеркнуть, что данные издания носят прескриптивный характер. Однако владение языком – это не только знание норм и правил, хотя и оно необходимо.

Как известно, язык меняется в пространстве и времени, меняются условия его функционирования, но, главное, меняются сами теоретические подходы к его описанию. Еще в середине прошлого века Э. Сепир писал: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец поняли, что... нравятся им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [2: 237–238]. А.А. Леонтьев в конце XX в. (в 1995 г.) на международной конференции «Лингвистика на исходе века» произнес «надгробное слово» «чистой» лингвистике. Но, к сожалению, с того времени в этой области знания мало что изменилось: новые направления с трудом пробивают себе дорогу. Существующие академические грамматики представляют собой набор теоретических сведений, которые в основном уточняют и объясняют системные отношения внутри отдельных ярусов языка. И здесь есть свои достижения, свои современные идеи, несмотря на которые традиционная лингвистика зашла в тупик в системно-структурном описании и анализе языковых фактов.

Где же выход из этого тупика? Согласно теореме К. Геделя о неполноте, никакая наука не может развиваться без привлечения результатов других наук. Так случилось и с лингвистикой. Можно констатировать, что в современной лингвистике успешно реализуется принцип дополнительности, открытый Н. Бором: разработано несколько интегративных подходов, способных творчески синтезировать новейшие результаты теоретических поисков в разных областях науки о человеке, культуре и его языке. К таким подходам можно отнести синергетический, триангуляционный подходы, подход с позиции теории тотальности.

Даже в традиционной лингвистике на современном этапе ее развития наибольшую актуальность приобретают направления с междисциплинарным осмыслением явлений. Примером могут служить психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвоконцептология и др. Поэтому, думается, очередная грамматика должна соответствовать новым веяниям в науке – содержать и междисциплинарное осмысление языка.

Не вызывает сомнений тот факт, что в следующей грамматике должно быть представлено более полное описание русского языка, нежели в предыдущих. И дело не в конкретных уточнениях сведений (расширяются функции предлогов, ослабляется роль флексий и т.д.), новая грамматика не может быть однородной, в ней предполагается наличие нескольких частей.

1. Прескриптивная часть, которая должна отражать современный уровень языка и основываться на более широкой референтной группе его носителей; именно она является научной основой для составления учебников по современному русскому языку.

2. Дескриптивная часть, материалом которой является весь корпус русского языка, включая разговорный язык, многочисленные региолекты, язык интернет-пространства и язык газеты.

3. Коммуникативная часть. Сейчас ученые даже отмечают новые условия существования лингвистики, которая поглощается наукой о коммуникации. В данной части непременно должны найти отражение коммуникативные аспекты языка, но именно в коммуникации особое значение приобретает знание культуры, с которой теснейшим образом связан язык, потому что культура включена в язык, так как «вся она смоделирована в тексте» [3: 107]. Язык и культура взаимосвязаны не только в коммуникативных процессах, но и в онтогенезе (формировании языковых способностей) и филогенезе. Данная часть грамматики призвана помочь осознать и по возможности объяснить грамматические формы, типичные для русской культуры. Однако вводить факты культуры в описание языка нужно осторожно, ибо это две различные семиотические системы. Можно обнаружить их кардинальные отличия: в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, а в культуре ценится элитарность, она не способна самоорганизовываться, в отличие от языка.

Идея взаимосвязи языка и культуры породила немало продуктивных идей и даже целых направлений. Остановимся лишь на двух из них.

Первый путь – введение культурных знаний в язык на каждом его уровне (ярусе). Здесь встает вопрос, к какой части языкового знака

прикрепляется культурная информация, которая делает данный знак культурно маркированным. Будучи солидарными с В.Н. Телия, мы полагаем, что культурная информация прикрепляется к внутренней форме языкового знака. В.Н. Телия назвала эту привязку «культурной коннотацией».

Мы считаем, что наиболее культурноносные слова, если они являются именами абстрактных понятий, содержат культурную информацию в сигнификате; если же они называют реальные объекты мира (*дом, хлеб*), то культурная информация наслаивается на денотат. Так происходит в лексике и фразеологии, в текстах все гораздо сложнее: при изучении «культурных текстов» (обрядов, ритуалов, обычаев) следует искать их непосредственный, прямой смысл (внутреннюю форму), т.е. делать заключение о вторичном, духовном значении по материальным проявлениям.

При поуровневом введении культуры в языковую единицу нужно понимать, что наиболее легко ввести культурные знания в описание лексики и фразеологии. При этом следует использовать существующие словари, авторы которых уже ввели культурную информацию: «Большой фразеологический словарь» под редакцией В.Н. Телия, «Русское культурное пространство» под редакцией В.В. Красных и др. Например, при фразеологизме *прийти к шапочному разбору* нужно дать не только его значение – ‘прийти к самому концу чего-то важного’, но и объяснить, откуда здесь появилась отрицательная оценка. Ведь *опоздать* – это не всегда плохо, например, опоздать на самолет, который не долетел до точки назначения. Неодобрительная оценка появилась благодаря русской православной традиции: мужчины должны входить в храм с непокрытой головой, поэтому шапки они оставляли у входа в церковь, а после службы каждый забирал свой головной убор. Прийти к концу службы, т.е. к разбору шапок – грех. На этой культурной информации и основана негативная оценка данного фразеологизма.

Хотя синтаксис, по словам Н.Ю. Шведовой, пронизан лексикой, разместить культурную информацию здесь гораздо сложнее. Классические работы русских синтаксистов дают основание посмотреть на синтаксическую структуру сквозь призму культуры. Дело в том, что различия между разными языками носят неслучайный и существенный характер, что обусловлено не только структурой языка, но часто культурой народа. Наиболее важными в языковом отражении мира являются не логические категории, а категории наивного отражения мира, репрезентированные в языке. Они основаны на национальном опыте, традициях, т.е. культуре.

Например, обилие императивных конструкций, которые предпочтительны для русских настолько, что бытуют даже в этикетных формах (*Здраствуйте!*) и в ситуациях, где императив не нужен: «*Скажите, пожалуйста...*» вместо более вежливой «*Вы не могли бы мне сказать...*». Особенность императивных высказываний состоит в том, что кроме сообщения они служат также средством побуждения к действию, которое должен выполнить адресат. Побудительная модальность таких высказываний является частью «волевого» языка русских.

Конечно же, объяснить, как именно каждое явление синтаксиса связано с культурой, — пока неразрешимая проблема: препятствием в этом служат и человеческий фактор (нежелание синтаксистов традиционного направления привлекать данные культуры), и объективные причины (недостаточная исследованность проблемы). Еще одна сложность заключается в неоднозначном понимании языка в этносоциальных процессах: одни лингвисты рассматривают его как «основное условие» этнокультурного развития, другие — как «результат» этого развития, третьи — в качестве «носителя смыслов», четвертые — как «способ самовыражения биосоциальной природы человека» и т.д.

Теперь уже трудно понять, как повлияла культура на формирование той или иной конструкции, например, в XVIII в., однако сравнительно новые явления, формирующиеся на наших глазах, неплохо бы воспринимать в контексте культуры, так как грамматика — средство выражения лексической семантики (А.Л. Шарадин), хотя традиционное учение разделяет лексическое и грамматическое значения. Слово всегда представлено в той или иной грамматической форме. Это и рост инфинитивных и пассивных конструкций, и парцелляция — рваный синтаксис, рост детерминантов и ситуантов, и бессоюзие, которое вышло в текст, и отдельные явления пунктуации. Парцелляция, казалось бы, должна разрывать, дробить мысль, но часто она делает ее более цельной. Особо можно говорить о знаках препинания. Не случайно И. Бабель сказал: «Ни одно железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя».

Существуют и старые синтаксические явления, которые требуют культурной интерпретации, например, сочетаемость, порядок слов. В какой мере порядок слов отражает особенности видения мира тем или иным народом? В. Вундт считал, что последовательность «прилагательное + существительное» (в английском, немецком, русском языках) свидетельствует об особом выделении признаков по сравнению с последовательностью «существительное +

прилагательное» (во французском языке). Конечно, прямые аналогии с культурой здесь проводить не стоит, так как в данном случае работают прежде всего структурные особенности языков, но следует задуматься, почему призрачность так важна для русской лингвокультуры, хотя в постпозиции у прилагательного возникают предикативные признаки, а это закон, лежащий в основе объяснения и понимания мира. Что это, недоверие русских логике?

Еще А. Вежицкая писала, что в русском безличном предложении звучат русская безыходность и покорность судьбе [1]. А. Мустайки говорил о «стихийных» конструкциях типа *Ветром унесло лодку*, число которых растет в русском языке. Но в финском и японском их еще больше, поэтому прямую связь с культурой установить трудно.

Культурой можно объяснить и ряд нюансов в морфологии, например, необъяснимое с точки зрения здравого смысла деление существительных типа *труп, покойник, утопленник* по категориям одушевленности/неодушевленности. С точки зрения лингвокультуры это более-менее понятно: *покойник, утопленник* — живые в народном сознании, они могут прийти в дом, поэтому для них ставят воду (водку) и хлеб, чего не скажешь о *трупe*.

Союзы и предлоги также могут быть рассмотрены с культурной позиции: *У нас будет жить моя теща, но я с ней в хороших отношениях*. Только в русской культуре здесь уместен противительный союз *но* (см. многочисленные анекдоты о теще: *Сема! Где твоя теща? — На кладбище. — Везет тебе! — Ничего не везет, ограду покрасит и вернется*).

Второй путь, позволяющий включить культуру в язык, — это путь описания языка через совокупность концептов. Концепты активно исследуются лингвоконцептологией, которая начала развиваться лишь на рубеже XX–XXI вв. Это интегративная область лингвистики, в основе которой лежат прежде всего лингвокультурология и когнитивная лингвистика, а в отдельных случаях используются и наработки ряда других наук: лингвострановедения, социолингвистики, этнолингвистики, энопсихолингвистики, межкультурной коммуникации и др.

Важнейшим понятием лингвоконцептологии является концепт. На сегодняшний день в лингвистике сосуществует ряд терминов: «концепт», «культурный концепт», «лингвокультурный концепт», «национально-культурный концепт», «базовый концепт», «фундаментальный концепт», «национально маркированный концепт» и др. Мы предлагаем использовать термин «лингвокультурный концепт», под которым понимаем лингвоментальное

образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий в себя значение, культурные коннотации, понятие и образ, связанные с именем концепта.

Мы выделяем пять групп лингвокультурных концептов:

- 1) универсальные философские концепты (*время, пространство, количество, причина* и др.);
- 2) социокультурные концепты-категории (*труд, семья, богатство*);
- 3) национальные концепты (*авось, воля, правда* и др.);
- 4) этические концепты (*добро и зло, честь, истина* и др.);
- 5) духовно-религиозные концепты (*Бог, Спаситель, Христос, агнел-хранитель* и др.).

Концептосфера народа шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Как считает Д.С. Лихачев, чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа.

И концепты, и концептосфера – сущности ментальные, ненаблюдаемые. Современные

научные данные подтверждают реальность существования концептосферы и концептов. Думается, что концепты в концептосфере достаточно упорядочены. По своим признакам они вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Следовательно, концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов конкретного народа, с помощью построения и анализа которой можно выявить национальную специфику концептуализации различных явлений сознанием русского человека посредством языка. Такой способ описания языка может существенно дополнить традиционные сведения в будущей грамматике.

Таким образом, описать функционирование языка без обращения к этнической культуре невозможно, да и не нужно. Ведь язык – базовый элемент национальной культуры, он выполняет и этногенерирующую, и этноконсолидирующую, и культуросозидающую и др. функции. Поэтому для описания языка «как он есть» необходима не только нормативная грамматика, но и дескриптивная, и коммуникативная грамматика, рассматривающие язык как феномен культуры и этногенерирующий фактор. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Язык, культура, познание. М., 1996.
2. Сепир Э. Положение лингвистики как науки / Пер. с англ. // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. II.
3. Тарасов Е.Ф. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык – культура – этнос. М., 1994.

V.A. Maslova

THE PROBLEM OF CULTURAL INFORMATION POSITION IN RUSSIAN GRAMMAR 4.0

Integrative approach, linguoconceptology, linguocultural concept, cultural information.

The discussed approaches to the construction of the future Grammar suggest that it must correspond with the new trends in science – it must involve an interdisciplinary understanding of the language. There is no doubt that the following Grammar edition has to be made up of several parts. The first part is the prescriptive part which performs the theoretical basis for the compilation of textbooks on the modern Russian language. The second part is the descriptive grammar part, the data for which is the entire corpus of the Russian language, including the colloquial stratum, numerous regional variants, and the language of the Internet. The third part should be communicative with the main focus on knowledge of the culture as it is closely linked to the language. The article proposes the description of the language through the prism of concepts.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Педагоги из казанского Института экономики, управления и права при поддержке фонда «Русский мир» подготовили методическое пособие «Русский язык как иностранный. Методика преподавания русского языка для преподавателей франкоговорящих стран Африки». Помимо русского, издание включает в себя английский и французский варианты текста.

По материалам портала russkiyimir.ru

ЛЮБИТЬ ЛИ КНИГУ – ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ? ВЗГЛЯД И НЕЧТО

Н.Д. БУРВИКОВА
schturval@yandex.ru
 д-р филол. наук,
 профессор
 Москва, Россия

В.Г. КОСТОМАРОВ
kostomarov_v_g@mail.ru
 д-р филол. наук, профессор,
 академик Российской академии
 образования,
 президент
 Государственного института
 русского языка им. А.С. Пушкина
 Москва, Россия

Ключевые слова:
 размышляющий ум,
 вербальные
 и невербальные
 интеллекты,
 мультимедийные средства,
 коммуникативный
 фрагмент, чтение

В статье рассматривается влияние чтения на развитие мыслительной деятельности человека. Анализируется соотношение письменного и мультимедийного текста, дается историческая ретроспектива роли письменного текста в формировании интеллекта в российском обществе.

Приобщать ли к обработанному умом, чувствами и трудом поэтов, писателей, ученых книжному языку современное поколение, привыкающее (а чем моложе – даже уже и привыкшее) к новым синтезирующим формам опредмечивания слова? Может ли соучастие чувств заменить размышляющий ум?

Существуют два типа интеллекта – вербальный, функционирующий в словесно-логической форме с опорой на знания и невербальный – с опорой на зрительные образы и пространственные представления. Новые синтезирующие формы опредмечивания слова вроде бы гармонируют с невербальным интеллектом. И тем не менее еще со времени крестовых походов слепых и глухонемых учили читать. Казалось бы – слепой опирается на звуки, глухонемой – на зрительные образы, тут не до книжности. А вот поди ж ты – учили, специальные азбуки составляли.

Пока мы не смиримся с деятельностным характером языка, пока мы не перестанем отождествлять структуру языка и языковую способность, пока мы не признаем главенствующую роль языковой памяти в общении, мы обречены делать неверные выводы как теоретического, так и практического характера, имеющие прямое отношение к

письменным текстам, преподаванию литературы, преподаванию языка.

Разностилевой русский язык может стать объектом успешного овладения только через чтение. А чтение развивает мыслительную деятельность. Похвала Фамусова Чацкому – «что говорит, и говорит, как пишет» – прямое тому подтверждение.

Русское сознание исторически является лингвоцентрическим. Художественная литература (и не только художественная) до сих пор служит непререкаемым образцом правильности языкового выражения. Только объективный научный анализ поможет воспринять и органически ввести в сознание опасности и преимущества информационно-коммуникативной эпохи, своевременно осмыслить целесообразность и возможности сохранения достигнутого предками, совершенствовать имеющиеся формы опредмечивания текстов без изменений истинной сути.

Сконцентрировав в себе ум, чувства, труд поколений, книжный язык стал эталоном языковой правильности. Пусть картинки легче воспринимаются и быстрее понимаются, но в памяти-то остается лишь обозначенное словами. Станут ли новые синтезирующие формы опредмечивания слова базой для создания чего-то равноценного книжному языку?

Становление книжного языка сопрягается с ростом словаря, обогащением лексико-семантических связей отдельных слов и целых их классов; разветвляется синонимия, перестраивается и усложняется синтаксис, вырабатываются формы передачи собственными словесными конструкциями того, что в живом общении опирается на жестикуляцию. А не то ли происходит с начавшим читать человеком? Приобщение к чтению расширяет словарный запас, выводит в активное употребление правильные синтаксические конструкции, поддерживает орфографические навыки наконец.

Теоретики массовой коммуникации утверждают, что телезритель вовлекается в изображаемое на экране соучастием всех чувств, а не посредством размышляющего ума. Действуя массивно на все органы чувств, кино, видео, телевизор создают эффект вовлеченности в то, что происходит на экране, а не заставляют домысливать, как это делает книга, вербально компенсирующая отсутствие культурной обстановки. В ходе чтения возникает глубокое и прочное знание без отвлечения на дисплейные детали. Простодушные детей дошкольного возраста безоговорочно требуют разглядывания книг с картинками. Здесь обход фазы умственного направления логичен: ведь при чтении письменного текста надо опираться на личный опыт – у детей его нет. Но когда личный опыт

появляется, то чтение фокусирует внимание, не позволяя ему рассеиваться.

Выше мы говорили о том, что функционирование вербального интеллекта осуществляется в словесно-логической форме с опорой на знания. В противоположность вербальному невербальный интеллект базируется на наглядно-действенном мышлении с опорой на зрительные образы и пространственные представления. Можно объяснить разницу этих двух типов интеллекта разнополушарными возможностями (такое объяснение по сути своей апеллирует к «черному ящику»). Можно искать вне склонности каждого из интеллектов к пониманию соответственно словесно-логического или наглядно-действенного некоторую неполноценность, представляя идеалом вербально-невербальный интеллект. Давайте возьмем фонвизинского Митрофанушку. Типичный невербальный интеллект.

Митрофан (*подает ему книгу*). Вот, грамматика.

Правдин (*взяв книгу*). Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна...

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь? Котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему ж?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Это не значит, что Митрофанушка, став взрослым, не сможет адекватно действовать в какой-либо житейской ситуации. Сможет лучше многих, но абстрактными понятиями ему овладеть много труднее – он к ним физиологически не расположен.

Так уж сложилось, что у нас в России обучение было направлено не на формирование интеллекта типа Митрофанушки, а на формирование вербального интеллекта. Потом появились новаторы, которые проповедовали наглядность. Это было и в методике преподавания иностранных языков (только ленивый не обругал переводно-грамматический метод). Когда появились аудиовизуальные методики, они были расчитаны на прирожденных митрофанушек. Прямой метод, метод погружения, интенсивные методы – все они на формирование вербального интеллекта не работали. Принцип наглядности тоже поспешили объявить панацеей и продолжают считать обязательным для всех.

А вот пример вербального интеллекта – Чичиков. Задуманная им авантюра безусловно носит словесный характер, да и многие прочие его действия подтверждают принадлежность Чичикова к интеллекту первого типа.

Когда в перестроечный период в российскую школу были направлены красочные с картинками учебники иностранных языков без грамматических обобщений и таблиц, тогда еще привыкшие к обобщениям школьники были ими недовольны (отличники недовольны, троечникам картинки были удобны). Сейчас вроде бы догадались совмещать обобщение и наглядность. И в РКИ тоже.

В связи с тем, что человечеству угрожает гиподинамия, медицинскими кругами ведется пропаганда движения. Но не наблюдается ли в последнее время в связи с бумом мультимедийности гиподинамия тех частей мозга, которые привыкли поддерживать рабочую форму с помощью чтения? Вот даже старшеклассники начинают это понимать.

Увиденное по телевизору забывается буквально через час. А прочитанное остается с нами на многие годы. Книги дарят бесценные сокровища, а ТВ замещает их пустотой. Читая, мы учимся мыслить, а телевизор парализует нашу волю.

Ученик 11-го класса

Читающий фокусируется на тексте, не отвлекаясь на слух и цветовосприятие. Получается некоторая экономия сил и прямое достижение цели – получение информации. И осмыслению этой информации тоже ничего не мешает, не отвлекает. Мультимедийные средства, направленные на сообщение информации, размывают – и это неизбежно – возможную фокусировку.

Вернемся к грибоедовским героям. Не любя Чацкого, Фамусов тем не менее дает самую высокую оценку коммуникативным умениям несостоявшегося ухажера своей дочери: *Что говорит! и говорит, как пишет!* (А. Грибоедов. Горе от ума).

Говорить, как писать, может не каждый. Говорить, как писать, но без бумажки в состоянии тот, кто в своей жизни много прочитал и читает. Говорить, как писать – владеть разностильем языка. Тот, кто говорит, как пишет, не задумывается о сочетаемости одного слова с другим. Правильность воспроизводится автоматически, опираясь на резервы словесной памяти.

Полвека назад психолингвисты упорно искали механизмы речи. То, что они нашли, частично опиралось на речевую патологию. Ответ на вопрос, как же человек продуцирует речь, был не очень определенным, хотя методисты иностранных языков (в том числе и РКИ) по

инерции цитируют некоторые работы. Ответ на вопрос, как же человек порождает речь, искали и в исследованиях детской речи. Хотя... опять отсутствие какой-либо определенности. Никак не получалось напрямую соотнести языковую систему и результаты. А ларчик открывался просто – это доказала работа Б.М. Гаспарова «Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования» [1]. Вслед за Гумбольдом Б.М. Гаспаров считает язык не изделием, но деятельностью, не феноменом, не единой сущностью, но броуновским движением частиц опыта говорящих. Б.М. Гаспаров говорит о языке как о разговорных кусках языкового опыта, как о цитации из конгломерата языковой памяти человека. Человек говорящий пользуется языком, но не осознает это свое умение. Именно неосознанное умение является альтернативой традиционному лингвистическому описанию. «В опыте говорящего субъекта каждая словоформа оказывается погруженной и растворенной в своей собственной, только ей свойственной среде потенциальных употреблений» [1: 86]. И далее – «основой владения языком, обеспечивающей говорящим успешное обращение к ним, признается не языковая рефлексия, но языковая память» [1: 117]. И в самом деле, чем ломать копыя относительно непривычности гаспаровской теории, лучше не смешивать языковую рефлексия лингвиста и практику говорения. Неужели носитель русского языка (подчеркиваем – носитель), желая сказать, что он доволен своим отдыхом, лихорадочно вспоминает, как образуется творительный падеж? Примем теорию Б.М. Гаспарова, поскольку она заряжена основательный объяснительной силой. В соответствии с этой теорией в памяти говорящего и пишущего хранятся отрезки речи разной длины (чаще всего сочетание двух – четырех словоформ). Эти отрезки – коммуникативные фрагменты – являются стационарными частицами языкового опыта говорящего.

Короче, хочешь хорошо говорить и писать – читай. Чтение даст несравнимо больше коммуникативных фрагментов – ведь в книгах реализованы различные социальные сферы, в каждой звучит разнообразие языка. А как чтение важно для изучающего русский язык иностранца!

Чтение увлекает читателя в атмосферу интертекстуальности. Вот примеры. По легенде, Пушкин и его друзья-лицеисты, провожая в поход русских солдат, вступивших в борьбу с войсками Наполеона, прочитали над аркой, под которой проходили войска, торжественные строки, адресованные русской армии.

Тебя, текуща ныне к бою,
Врата победы не вместят.

Когда Александр I возвратился в Петербург с победой (изрядно прибавив в весе), он какими-то своими действиями вызвал нелюбовь лицестов и они адресовали ему слова: *Тебя врата победы не вместят*, из-за чего произошло серьезное разбирательство. Было или не было так на самом деле, неизвестно, но быть могло. Лицейсты воспитывались в атмосфере интертекстуальности, создаваемой книгами. Соблазна заменить книгу экраном у них не было.

Теперь немного о сочетаниях слов, которые в дореволюционное время были известны всем слоям русского общества. Это слова Священного Писания. Именно цитаты из Писания применительно к тем или иным жизненным ситуациям положили начало действиям словесной игры, аналогичным описанным выше проказам лицестов. С уважением русские люди по примеру проповеди священников соотносили слова Священного Писания с тем или иным событием. Такой обычай был в дореволюционное время и даже в советские времена массового атеизма. Так, писатель Андрей Битов вспоминает, что Евангелие ему удалось прочитать впервые в двадцатисемилетнем возрасте, но он его уже каким-то образом знал через чтение классической литературы. Вот так и уживались в Советском Союзе Вечное Слово с безбожными большевистскими лозунгами. Спасибо книгам!

За последние десятилетия катастрофически упал интерес детей к чтению. Нынешние дети не могут противостоять красочным кадрам, мелькающим на экране, сменяющим друг друга непредсказуемым образом. Нынешнему поколению становится все труднее полноценно воспринимать информацию, не поддерживаемую звуком, музыкой, пением, изображением, цветом, движением. Картинки легче воспринимаются и быстрее понимаются, но в памяти остается лишь обозначенное словами.

Привычка к восприятию информации в вербально-изобразительной форме с частой сменой кадров и крайне лаконичной языковой составляющей укорачивает нормальный срок восприятия информации. Но краткость и яркость восприятия мешают ее поверить разумом, по-настоящему «переварить». По имеющимся данным, уже целое

поколение молодых людей испытывает неспособность к настоящему чтению, полагая и обычные неспециальные и специальные книжные, и даже газетные тексты неодолимо трудными, неприятными, занудными. Тут недалеко и до утраты способности к профессиональному обучению.

Разные формы общения имеют свои преимущества и недостатки. Да, письменный текст не передает интонацию, тон, тембр, модуляции голоса, ударения. Именно поэтому он позволяет сконцентрировать внимание на содержании преподносимого знания. Почему до сих пор для получения информации в целях формирования знания целесообразно отдавать предпочтение главенству письменной формы? Потому что чтение требует постоянного напряжения разума и воображения, скептической оценки прочитанного.

Письменный текст обладает удивительной способностью по-новому взглянуть на описываемые предметы. Цвет и музыка, которых так много сегодня на экранах гаджетов, тоже могут сопровождать первое видение человека, но не осмысляются привычным для нашего мозга образом. И тогда информация видеоряда утекает, как песок между пальцами. В общении с хорошей книгой так не бывает. Многозвучие и многоцветие мешают концентрации внимания. Многозвучие и многоцветие дисплея – слишком извилистые пути к формированию знания. Не настало ли поэтому время осознанно практиковать разделение разных видов общения и разных форм получения одного и того же текста? Не паниковать от того, что дети не хотят читать, а наметить границы, в которых полезнее и эффективнее в качестве источника информации использовать книги, кино, телевидение, видео. Задача учебно-педагогическая – сделать все возможное для того, чтобы наряду с мультимедийными способами получения информации новые поколения любили бы книгу и умели бы ей пользоваться.

Еще раз подчеркнем, что яркую и самобытную русскую культуру во многом создала русская книга, которая оказывала и оказывает влияние на литературные процессы во многих странах. Об этом часто говорили и продолжают говорить наши иностранные коллеги. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

N.D. Burvikova, V.G. Kostomarov

TO LOVE A BOOK THAT IS THE SOURCE OF KNOWLEDGE?

Inquisitive mind, verbal and non-verbal intellect, multimedia, communicative fragment, reading.

In this article the impact of reading on a person's cognitive ability is reviewed.

The balance of written and multimedia texts is analyzed.

НОВЫЕ МЕДИА: ЯЗЫК СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Л.Н. СААКЯН

LNSaakyan@pushkin.institute

канд. филол. наук,

доцент

Государственного института

русского языка

им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

Ключевые слова:
*новые медиа,
социальные сети,
средства массовой
коммуникации,
дисплейный текст,
твитт-репортаж*

Статья посвящена особенностям функционирования языка в средствах массовой коммуникации, а именно – в Интернете. Автор обращает особое внимание на новый жанр твитт-репортажа, рассматривает специфику интернет-неологизмов, мемов и дисплейного текста в целом.

Язык новых медиа начинает осмысляться как лингвистическая проблема отнюдь не сразу по рождении Интернета, а только где-то с начала XXI в., т.е. после того, как Сеть – сама вся порождение цивилизации – становится фактором культуры.

Остановимся на следующих вопросах.

1. Чем отличаются «новые медиа» от классических? Как изменилось наполнение понятия? Средства массовой информации или... коммуникации – социальные сети, блоги, твитты, чаты?

2. Как форма и средства доставки информации влияют на язык?

Если до Интернета **медиа** (англ. media) – это совокупность всех СМИ (печатных изданий, теле- и радиопередач), то сейчас это скорее СМК – средство массовой коммуникации: массмедиа активно вовлекают свою потребительскую аудиторию в коммуникацию, точнее – в псевдокоммуникацию, поскольку в этом «общении» на первый план выходит отнюдь не информирование, а воздействие, персуазивность. Более того, если вплоть до конца XX в. СМИ предоставляли нам информацию во всех трех ее ипостасях (*как факт, как событие и как процесс*), каждая из которых имеет, кроме содержания, свою особую языковую форму, то сегодня акцент смещается на событие, что легко прослеживается на примере заголовков. В советских газетах типичной была номинативная конструкция (*Путь побед; Город и деревня; Актеры в цехе*). Сегодня заголовки тяготеют к вербоцентричности. (*Прокурора посадили на семь лет; На полигоне подорвался подросток; В Хакасии сгорели 4 тысячи голов скота; Отставного офицера ВМФ обвинили в шпионаже в пользу Украины (Lenta.ru)*). Глаголы в таких конструкциях, как правило, имеют форму прошедшего времени СВ, т.е. обозначают действие, результат которого актуален для настоящего. И если событие лично, социально, многомерно, нелинейно, то факт одномерен, а процесс растянут во времени, и поэтому такая подача информации с точки зрения медиановости наименее актуальна.

Бытует мнение, что интернет-СМИ – это те же СМИ, но на другом носителе. Это не так. **Средство** доставки информации определяет **метод**, а тот, в свою очередь, – **стратегию коммуникации и язык**, и эта связка (средство > метод > стратегия коммуникации > язык) актуальна и в новых СМИ. Классическая структура новостей (если определять ее по ван Дейку) – краткое содержание (т.е. заглавие и лид) – главное событие – фон – в интернет-СМИ трансформируется: устраняется первая часть, а в заголовок сразу выносятся главное событие. Это делается с определенной целью: так, например, 44% посетителей новостного агрегатора Google News читают только заголовки и не кликают далее по теме [11]. Особо отмечается способность СМИ формировать в сознании адресата единственно возможную картину мира – медиакартину [1, 9]. По мнению П.Б. Паршина, «подавляющее число людей информацию о том, что происходит в мире и даже

в их собственных странах и регионах, если не городах, получают исключительно из СМИ, живописуемый мир которых отнюдь не тождествен действительности» [9: 25].

Новые медиа сменили свою роль основного информатора обществу и транслятора «воли власти» на **развлекательную и воздействующую (персуазивную)**. В данной статье нас интересуют медиа применительно к новым видам массовой коммуникации, а значит – к новым видам текстов, именно – применительно к гипертексту или, в терминологии В.Г. Костомарова, «дисплейным текстам» [6]. Как уже отмечалось выше, **новые средства и технологии рожают новые формы и методы трансляции информации, что, в свою очередь, ведет к появлению новых языковых и неязыковых форм коммуникации**. Формой бытования сетевых медиа является дисплейный текст, обладающий особыми дифференциальными признаками. Назовем основные:

- нелинейность (разветвленность, отсутствие начала и конца),
- мультимедийность (поликодовость),
- интерактивность (прямая связь с читателем, воздействие читателя на структуру текста).

Перечисленные особенности дисплейных текстов позволяют судить об уникальности интернет-СМИ, которые сегодня совмещают в себе функции **трансляторов и аккумуляторов информации**, другими словами, являются каналом передачи и одновременно «хранилищем» информации, библиотекой (см. об этом в другом аспекте пишет Н.И. Клушина и др. [5]). Кроме того, новые СМИ стали просто **коммуникативной средой**, в которой происходит активное общение.

Как влияют новые формы и методы трансляции информации на язык, и каковы последствия такого влияния?

Блоговый твитт-репортаж как инновационная форма вещания?

Разберем как пример новой формы проникновения «любительских» видов журналистики в структуру массовой коммуникации так называемый **блоговый твитт-репортаж** – яркий образец событийного жанра с «эффектом присутствия».

В последнее время в блогах радиостанций (новостные радиостанции «Говорит Москва», «Эхо Москвы» и др.) обнаруживается оригинальная форма трансляции информации – твитт-репортаж, который может рассматриваться как разновидность жанра репортажа с определенными устойчивыми характеристиками-отличиями, в том числе следующими.

1. Эпатажность тематики.
2. Эпатажность языка, который отличается, как правило, обценной лексикой и простым синтаксисом – средство (ограничение сообщения до 40 знаков!) диктует форму.
3. Наличие «авторских отступлений» с высокой степенью оценочности.
4. Высочайшая скорость информирования (что позволяет вести «живой» диалог с радиоведущим и даже спорить со слушателями, высказывающимися в данный момент в эфире на заданную тему).
5. Все особенности гипертекста: нелинейность, мультимедийность и интерактивность.

Тематическая палитра блогового твитт-репортажа следующая: политические акции, митинги, судебные заседания, пресс-конференции. Перечисленные выше характеристики присущи твитт-репортажу не только как любительскому жанру (непрофессиональное авторство), но и в исполнении журналиста-профессионала. Из-под пера последнего может выйти самый настоящий репортаж, как в прессе, только с поправкой на выбранное средство (твитт) и отсутствие корректуры: опечатки и пропуски «лишних» слов, домысливаемых, впрочем, из контекста. Но даже в этом случае присутствуют «авторские отступления» от освещаемой темы и сюжета, придающие репортажу личностный характер. Нелинейность твитт-репортажа может выражаться среди прочего фрагментарностью, непоследовательностью изложения и поздним включением в освещаемые события, к примеру, с момента, когда «репортер», что называется, «поймал сеть», или перемежаться вставками о других информационных поводах. (Яркий пример профессионального твитт-репортажа – «Допрос Романа Абрамовича в лондонском суде. Твитт-репортаж Российского агентства правовой и судебной информации из Высокого суда Лондона» см. garpisnews.ru/international_publication/).

Твитт-репортаж может отличаться от традиционного репортажа своей вольной и непредсказуемой композицией: к примеру, как уже было сказано, репортаж может вестись с середины, поскольку момент включения журналиста в событие не всегда совпадает с реальным началом последнего. Такой жанр становится одной из самых продуктивных нетрадиционных форм размещения **событийных** информационных материалов в Сети и выступает своеобразной модификацией классического жанра газетного репортажа. Специфика нового вида заключается не столько в форме представления материала,

сколько в особенностях его продвижения в массовую аудиторию. С одной стороны, твитт-репортажи уместнее соотносить с репортажами прессы, а с другой – при озвучивании твиттов радиоведущим – с радиийными или телевизионными разновидностями этого жанра.

Появление нового жанра печатных СМИ?

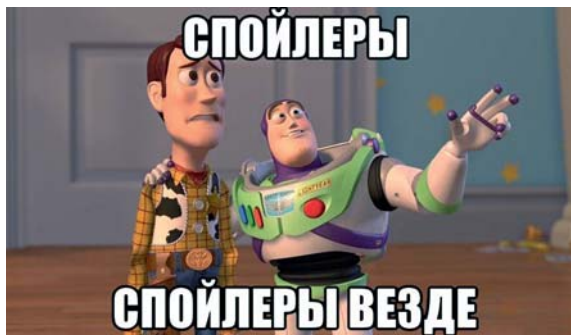
Еще один пример «нового жанра» СМИ: размещение темы в социальных сетях («Фейсбуке», «Вконтакте») и стимулирование ее обсуждения. Затем данный «пост» ложится в основу публикации – на сайте или/и в газете. В.Л. Писанов предполагает, что это некий симбиоз а) социологического исследования, б) журналистского расследования и в) обращения к экспертному сообществу. Но может ли такой жанр заменить полноценное журналистское расследование или ответственное мнение эксперта, действительно ли это такой плодотворный «симбиоз» или все-таки простая подмена реальных действий легким и безответственным чириканьем в социальных сетях?

Социальные сети охватили все стороны нашей жизни – уже создан виртуальный, а точнее – просто параллельный мир: социальные сети глобальные, по интересам, по профессиям, для трудоустройства, поиска партнера без ограничений, путешествующих, анимэшников, геймеров, жаждущих познать непознаваемое и т.д. (social-networking.ru/soccat).

Однако, как и в реальном мире, в социальных сетях также встречаются люди, заботящиеся о родном языке и ценящие все многообразие его функциональных возможностей; есть и те, кто использует язык лишь как средство общения, а значит, ставят прагматизм и удобство на первое место, как и «альтернативщики» – играющие в язык и с языком, создавая различные жаргоны (попытка культивирования особой субкультуры со своим языком – языком падонкафф).

Дает ли Интернет больше возможностей для достижения прагматического эффекта? Очевидно, что соединение языковых средств с медийными значительно усиливает общий эффект воздействия: тексты новых медиа предстают перед аудиторией в медиапотоке и могут быть дополнены комментариями, иллюстративным оформлением и т.д. Таким образом, можно назвать основные составные части дисплейного текста.

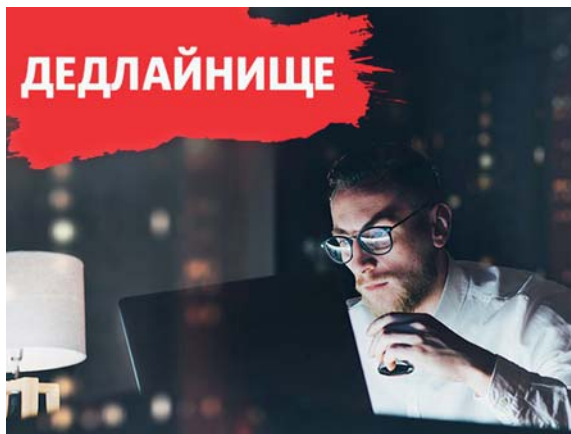
1. Буквенный текст.
2. Аудиотекст.
3. Видеоряд.
4. Мемы.
5. Эмотиконы.
6. Гиперссылки.
7. Схемы и символы.

8. Рисунки.
9. Хештеги.
10. Фоловеры, «друзья», посетители.
11. Креолизованный текст.
12. Комбинации без текста вообще.

Важно отметить, что «язык» в дисплейном тексте рассматривается в метафорическом плане – как «язык кино» или «язык музыки». Новые средства коммуникации подразумевают использование богатейшей палитры семиотических знаков. Да и сам текст в Интернете многомерен: возьмем, например, прием зачеркнувания – когда зачеркнутые слова видны и соседствуют с обычными словами. Благодаря этому появляется возможность графически передавать, как работает наше сознание: говорю одно, а думаю порой противоположное! Благодаря Интернету активизировались промежуточные языковые формы: к английским словам прибавляются русские окончания, формируя новые слова (*кёрлингвый, дедлайнице, не спойлери!*, *шоурумик*), фразы-мемы сопрягают картинку и реплику в посте на форуме, придавая им новый дополнительный смысл, усиление.

Русский интернет-жаргон отличается тем, что его исходной языковой основой является английская компьютерная терминология, преобразованная по законам русской жаргонной лексики. В ее формировании задействованы два

основных способа русского словопроизводства: морфемный и семантический. При морфемном образовании используются в основном русские производящие основы (*вис, висюк, дикарка, крякалка, виндюк, винтарь, долбило, крутило, кулек* и т.п.), редко – английские (*чатиться, твитнуть, запостить* и т.п.).

При семантическом словообразовании совершается перевод английского слова и семантическая деривация в его сфере (*кишки, клоп, бублик* и др.). Однако выделяется несколько приемов образования жаргонных интернет-терминов, заключающихся в своего рода ложно-этимологическом преобразовании английского слова и сближении его с близким по звучанию разговорным русским, часто непристойного содержания (*нафигатор* из *навигатор, дисплюй* из *дисплей* и т.д.). Основой для ложноэтимологического преобразования английского слова чаще выступает не звуковая, а графическая его форма (*автогад* из *Auto Cad, васик* из *Basic, девица* из *device; но бедный* из *bad*) [8].

Все языковые явления в Сети можно связать, соглашаясь с Бранко Тошовичем, с тремя основными ситуациями.

- Появлением новых понятий, процессов, предметов, требующих номинации – каузативные.
- Стремлением к экономии или избыточности – утилитарные.
- Ориентацией на эффект – перлокутивные [12].

Надо отметить, что это деление весьма условно, так как все три ситуации взаимодополняемы.

Все жаргонные интернет-термины можно включить в первый блок.

Во второй блок мы относим такое интересное явление, как **дефисные сращения** и **голофразис** – некое подобие инкорпорации, когда новое слово-понятие создается путем слияния целого предложения или его компонентов. Дефисные сращения из языка немецкой философии, где они создавались для обозначения сложных абстрактных понятий, не имеющих своих слов-носителей в языке, со временем перекочевали в журналистику, массовую литературу и в интернет-тексты, где на первый план выходит их игровая функция как с целью привлечения внимания и завоевания расположения, так и простого развлечения, а временами и антикооперации, т.е. троллинга. Голофрастические сращения постепенно проникают и в другие речевые жанры, они были взяты на вооружение представителями «иронической поэзии», а также наблюдаются во многих других поэтических текстах: *Американский бар, набитый, как трамвай / Где-извините-я-не-говорю по-русски* (Н. Искренко); *Лес*

*заблудительный, одной-нельзя-ходительный*¹» (К. Чуковский. От двух до пяти).

Этот знак – дефис – прекрасно вписался в современную философию дисплейного текста именно своей незавершенностью, неопределенностью: с одной стороны, он объединяет части понятия, но это еще далеко не слово, с другой стороны, такой дефисный комплекс несет единое значение, однако сам дефис в этом комплексе, наоборот, разъединяет слова. Дефис таит в себе эту мерцающую неопределенность.

Перечислим наиболее часто встречающиеся модели дефисных сочетаний.

1. Существительное (И.п.) + предложно-падежная форма существительного: вечер-безотдыха (О. Юрьев), забота о *всех-спасенье* (М. Степанова).

2. Сочетание частицы и существительного: *как-бы-реформы* (газет.).

3. Сложное сочетание: *Заезжий-на-Час-Ездок* (Е. Клюев) (А что между нами стало, *Заезжий-на-Час-Ездок*, потом, в тесноте вокзала? – Любовь как короткий вздох).

Как вариант сложного сочетания – целая фраза, оформленная дефисной конструкцией, что должно маркировать ее частую повторяемость (избитость) в определенном интернет-сообществе: – Она разразилась скандалом на тему: *эти-проклятые-самцы-меня-тут-же-восхотят, а я не секс-объект*, а превеликий индивидуй и даже имею право налево.

Отдельный случай: *по улицам ходят миллионы красивых-двадцати-с-небольшим-летних (двадцатилетние+двадцать с небольшим)*; (аллюзия к Маяковскому).

4. Эвфемизм или (смотря как трактовать) намек на прецедентное имя: *Жена летчика Ярошенко попросила помощи у сами-знаете-кого (не хочется лишний раз произносить эту фамилию)*.

Как видим, языковая игра – это не всегда «сотрудничество, вовлечение в творческую кооперацию». Хотя, безусловно, прав Бодрийяр, когда говорит о вездесущности игры в человеческом мире: «Игровое везде и повсюду, оно определяет даже выбор марки стирального порошка в супермаркете [3: 274].

Наконец, к третьему блоку – с перлокутивной целевой установкой «ориентация на эффект» – можно отнести языковые новшества чатов. **Чат** – неофициальная часть Интернета, здесь минимум корректности, максимум экспрессии, минимум ответственности и взвешенности выражений,

¹ И.С. Улуканов трактует подобные явления как обнаружение потенциалов словообразовательной системы более глубокого уровня, чем уровень словообразовательных моделей [13: 44].

и все направлено на получение максимального перлокутивного эффекта. Часто практикуются смайлики и эмодзи, особая форма оценочных предикатов: *афтор жжот – выпей йаду; в мемориз – ацтой; зачот – незачот; мидаль – тема сисег нераскрыта; валялся пацстулам – нисмишно; пазитиф – ужос* – так называемые эрратизмы, игры с орфографией, протест, эпатажная выразительность, стремление к оригинальности любой ценой [7].

Можно говорить о формировании «устно-письменной» формы коммуникации (уже не речи, еще не языка). Исследователи (Г.Н. Трофимова, М.Г. Шилихина и др.) пишут о процессах фонетизации письма, его ориентации на устность: делаются попытки передать на письме все особенности устной речи – эмоции, произношение, интенсивность тона, т.е. имеет место структурная перестройка книжно-письменной речи.

Отметим, что Интернет является очень ценным инструментом для наблюдения неологизмов. Для языка важно не только создать новое, но прежде всего **устойчиво использовать вновь созданные лексические единицы**. Игорь-Северин создал тысячи неологизмов (*безгрезде, чернобровье, лесофея, ветропросвист, лилиба-тистовая* и т.д.), но язык не принял ни одного из придуманных поэтом слов.

Нельзя пройти мимо взрывообразного распространения в Интернете модных дериватов *вкусняшка, стройняшка, нежняшка, умняшка* и др. Разберемся с этим феноменом.

Как отмечает О.И. Северская, мы наблюдаем двойную русско-японскую корневую систему: связь с языковой культурой японских аниме (*ня* – японское звукоподражание мяуканию кошки, отсюда *няшка* – милое создание, *няшно* – мило и т.п.). В итоге *няня* переросло в *мимими*, т.е. *миломиломило*. *Кавай* – это тоже что-то милое, маленькое, обожаемое, прелестное.

С одной стороны, исследуемый материал может свидетельствовать об активизации словообразовательной модели, никогда не терявшей продуктивности: *вкусн(ый) + -яшк- + а = вкусняшка*, точно так же образуются от *стройн(ый), нежн(ый), умн(ый)* с помощью суффикса *-яшк-* в его уменьшительно-ласкательном значении существительные *стройняшка, нежняшка, умняшка*. С другой стороны, обращает на себя внимание то, что все дериваты в контексте могут приобретать оценочное значение ‘нечто хорошее, приятное’ при ослаблении основного лексического значения, связанного с корнем, в отличие от других, образованных по той же модели. И это значение связано именно с квазиморфемой *-няшк-*, омонимичной корню слова *няшка*, признанного в 2011 г. экспертами

проекта «Слово года» одним из символов минувшего десятилетия. Можно предположить, что в данном случае имеет место переразложение основы: *вкус-няшка, строй-няшка, нежняшка* (здесь можно говорить о закономерном чередовании согласных в корне перед сонорным, как и в словах *неж-н-ый* и *неж-н-ость*, произошедших от *нег-а*), *ум-няшка*. В результате такого переразложения образуются сложные слова, вторая часть которых несет значение признака, предцизируемого объекту, названному первой основой: грубо говоря, *вкус, строй, нега, ум* становятся *няшными*, или *кавайными*. Это позволяет заключить, что речь нужно вести, скорее, не о новом пике продуктивности одного из словообразовательных формантов, а о «новом фасоне» морфемной структуры ставших «модными» слов [10: 302–312].

Мемами² могут считаться как слова, так и изображения. Иначе говоря, это любые высказывания, картинки, видео или звукоряды, которые имеют значение и устойчиво распространяются во Всемирной паутине. Мемы можно разделить по структуре и содержанию:

- Двусоставные мемы (текст+картинка): двухчастное высказывание, состоящее из завязки и панчлайна. Высказывание семантически связано с картинкой, чаще всего текст расположен на самой картинке; картинка задает сюжет, а надписи раскрывают его. К двусоставным мемам относятся демотиваторы, многочисленные шаблоны вроде звездного неба, обиженного школьника и т.д.
- Персонажные мемы (К+Т): тут визуальная часть выполняет функцию вербальной, то есть представляет собой либо завязку, либо панчлайн. Один из персонажей – чернокожий ребенок, напоминающий читателю о том, какие преимущества есть у читателя в отличие от бедного африканского ребенка.
- «Гифы» (GIF): анимированная картинка, рисунок без текста, фиксирующий, как правило, эмоциональную реакцию

² Мем (англ. meme) – некая единица культурной информации. Мемом может считаться любая идея, символ, манера поведения или образ действия при условии вирусного распространения в Сети, а также передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т.д. Концепция мема и сам термин были предложены эволюционным биологом Ричардом Докинзом в 1976 г. в книге «Эгоистичный ген». Докинз предложил идею о том, что вся культурная информация состоит из базовых единиц – мемов, точно так же, как биологическая информация состоит из генов; и так же, как гены, мемы подвержены естественному отбору, мутации и искусственной селекции.

широкого спектра (вот почему так популярны гифы, демонстрирующие так называемый «фейспалм», к примеру, ‘человек, прикрывший лицо рукой в приступе разочарования, стыда или смущения’) и потому чаще всего используемая в комментариях. При этом гифы описывают культурный уровень самих авторов: много Голливуда, спорта и зарисовок из жизни домашних животных.

- По аналогии с синтаксическими фразеологизмами можно выделить **синтаксические мемы (Т)**: использование типовых синтаксических конструкций с разной лексической наполняемостью, например: «Я Х, я ничего не хочу решать, я хочу Y». Оригинальной версией конкретно этого мема была фраза: «Я девочка, я не хочу ничего решать, я хочу платье» – впоследствии темой этого высказывания становятся самые разные субъекты. Помимо различного лексического наполнения, вариативным может быть также визуальное сопровождение (картинка).

Подведем промежуточный итог исследования. Можно утверждать, что гипертекстовый дискурс увеличивает энтропию сюжетных ходов, однако при этом культивирует фрагментарность и смешение жанров и стилей (высокого и низкого). На первый взгляд может показаться, что язык освобождается от штампов (от официальных советских – да), сбрасывает оковы строгой нормированности, вырывается на просторы свободной импровизации и языковой игры. Однако тут же обнаруживается, что новые средства доставки информации диктуют и новые формы клишированности и речевых штампов. Более того, мы из физического мира, где главным *modus vivendi* было деяние, постепенно переходим в метафизический мир дисплейных текстов, где основным условием существования уже становится *бла-бла-бла-говорение*. Изменились и функция, и форма

бытования языка: диглоссия прошлых веков превратилась в устно-письменный язык этой новой среды обитания человека. И как уже неоднократно бывало в истории цивилизации, усложнение технологий (Интернета) привело к упрощению визуального ряда – картинка побеждает текст.

Средства массовых коммуникаций дают возможность почти мгновенно распространять и внедрять, «вводить в моду» и «выводить из моды» неологизмы, яркие образования «на злобу дня» или примеры языковой игры, которые становятся популярными у пользователей Сети.

Функционирование языка в интернет-пространстве сопровождается разного рода «усилительными» возможностями дисплейного текста, которые могут или актуализировать смыслы, выраженные языковыми средствами, или, напротив, вступать в противоречие с ними, порождая новые сложные смыслы. Несомненно, что все эти процессы закономерны, однако законы, по которым действует дисплейный текст, отличаются от законов книжного текста. Важны не только сопутствующие элементы, массовость и скорость распространения, но и заложенный перлокутивный эффект. Вероятно, соответствие этого задуманного эффекта ожиданию аудитории и порождает успех или неуспех вводимого в оборот неологизма/мема/эвфемизма и т.д. Однако это «ожидание» также считывается из дисплейного текста, уже существующие в конкретном интернет-дискурсе эмодзи/гифы/мемы предполагают определенное развитие событий или реакцию вступающего в интернет-коммуникацию пользователя. Т.е. интернет-коммуникация, с одной стороны, становится более свободной и спонтанной, а с другой стороны, именно обширный выбор доступных средств усиления эмотивной и эмоциональной составляющей делает ее более прогнозируемой в прагматическом плане. Языковые закономерности этого прогнозируемого дискурса – вопрос дальнейших исследований. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И.В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
2. Барышева С.Ф. Фонетические заимствования в интернет-коммуникации // *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Francens-Universitdt Graz.2016.pdf.
3. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
4. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ / Сост. В.В. Петрова. М., 1989.
5. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
6. Косомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении. М., 2014.
7. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М., 2013.
8. Николаев Г.А. Актуальные процессы в современном русском словообразовании: конфиксация / Г. А. Николаев, Н. Г. Николаева // *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ*. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Русский текст и русский дискурс сегодня / Под ред. В.П. Казакова, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. СПб., 2003.

9. Паршин П.Б. Глобальное информационное общество и мировая политика. М., 2009.
10. Северская О.И. «Няшки» сквозь интернет-призму редеривации // *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil*. Graz: Institut fuer Slawistik der Karl-Francens-Universität Graz. 2016.
11. Смирнова Н.И. Гипертекстовое представление события (на материале российских интернет-изданий) // *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil*. Graz. 2016.
12. Тошович Бранко. Стилистика в Интернете, Интернет в стилистике // *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil*. Graz: Institut fuer Slawistik der Karl-Francens-Universität Graz. 2016.
13. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // *Вопросы языкознания*. 1984. № 1.

L.N. Saakyan

NEW MEDIA: THE LANGUAGE OF THE MASS MEDIA AND SOCIAL NETWORKS

New media, social networks, communication media, display text, twit story.

The article focuses on the particularities of the mass media language with the special attention paid to the internet. The author particularly describes the new genre of a twit story and considers the characteristics of the internet neologisms and mems and the display text.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

5 июля 2016 г. в рамках XVII заседания Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству в МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся **Форум ректоров вузов России и Китая**, проходивший под председательством вице-премьера РФ О.Ю. Голодец и вице-премьера Госсовета КНР Лю Яньдун. В ходе обсуждения был затронут широкий круг вопросов российско-китайского взаимодействия в научной и образовательной сферах, в том числе участие китайских вузов в новом глобальном рейтинге, а также осуществление академических обменов, развитие системы молодежных интеллектуальных состязаний.

Россия и Китай являются сегодня стратегическими партнерами в разных сферах, в том числе и в образовании. На данный момент в России обучаются 25 тыс. китайских студентов, а в Китае – 17 тыс. российских, не считая студентов, приехавших в рамках краткосрочных программ, и обе стороны намерены расширить сотрудничество. В дальнейшем планируется взаимное увеличение числа студентов до 100 тыс.

В работе форума приняли участие более 400 делегатов, среди которых были ректоры 90 российских и 80 китайских университетов.

Одной из ключевых тем форума стала разработка совместного международного рейтинга вузов. По словам ректора МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко, сегодня рейтинги вузов – это один из ключевых инструментов принятия решений в области высшего образования и создания имиджа вуза и страны в целом. Новый глобальный рейтинг университетов будет учитывать качество образования, роль университета в своей стране, в регионе и то, как работодатели оценивают выпускников вуза. В нем могут участвовать университеты разных стран; подать заявку на участие можно с сентября 2016 г.

Всего на форуме было подписано 15 соглашений между вузами и научно-образовательными организациями России и КНР. Важным событием стало подписание председателем Совета Пекинского университета Чжу Шанлу и ректором МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничим Декларации о создании Ассоциации университетов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Кроме того, были подписаны соглашения между профильными образовательными учреждениями России и Китая, касающиеся сотрудничества во всевозможных сферах деятельности и определяющие стратегию долгосрочного российско-китайского научно-образовательного сотрудничества. Среди них: медицинские и технические науки, языкознание, государственное управление, педагогическое образование, сельское хозяйство и транспорт.

По материалам портала Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина (pushkin.institute)

ЛЕКСИКА РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

СУЙ ТАО

china20089@hotmail.com

аспирант

Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Пекин, Китай

Ключевые слова:
*лексика русского
языка, лексика
китайского языка,
общеупотребительные
слова, жаргонизмы,
специальная
и профессиональная
лексика*

В данной статье сопоставляются лексические системы русского и китайского языков на основании сферы употребления слов. Автор описывает общеупотребительную, специальную и профессиональную лексику обоих языков, а также уделяет особое внимание жаргонизмам. Приводя примеры употребления различных слов и словосочетаний, автор доказывает, что лексические системы русского и китайского языков имеют сходство в отношении сфер употребления языковых единиц.

Все без исключения слова, которые употребляются в том или ином языке, входят в его словарный состав. Но при этом в любом языке существует широкий круг слов, который объединяет все «корневые» слова, а также дает языку «базу для образования новых слов» [5]. Такие слова обычно имеют определенные и устойчивые значения, являющиеся общими для всех носителей языка, и не изменяются в течение длительных периодов времени. В основной словарный фонд входят лексемы, обозначающие жизненно и социально важные понятия, действия, свойства: *вода, земля, человек, отец, мать, работать, идти, видеть, слышать, большой, добрый, хороший, злой, белый, светло, темно, быстро* и др. В языкознании данный круг слов принято называть общеупотребительной лексикой языка.

К общеупотребительной лексике относятся и местоимения, и числительные, а также большая часть служебных слов – предлогов, союзов и частиц. Конечно, общеупотребительная лексика может пополняться словами, которые ранее имели ограниченную (диалектную или профессиональную) сферу употребления, а кроме того, некоторые общеупотребительные слова с течением времени могут выходить из общего оборота, сужать сферу своего употребления.

Стоит отметить, что слова основного словарного фонда относятся к нейтральной лексике, а это значит, что их можно использовать в любом жанре речи (устная и письменная речь, проза и стихи и т.д.) и в любом контексте.

В китайском языке также существуют общеупотребительные слова, которые условно можно разделить на следующие группы.

1. Природные явления: 天tian (небо), 地di (земля), 风feng (ветер), 云yun (облако), 水shui (вода), 火huo (огонь), 雷lei (гроза), 电dian (молния) и др.

2. Бытовые реалии: 米mi (рис), 灯deng (лампа), 菜cai (овощ), 布bu (ткань), 刀dao (нож), 笔bi (ручка), 车che (машина), 船chuan (судно) и др.

3. Части человеческого тела: 心xin (сердце), 头tou (голова), 手shou (рука), 脚jiao (нога), 牙ya (зубы), 血xue (кровь), 口kou (рот) и др.

4. Родственные отношения: 爷爷ye ye (дедушка), 奶奶nai nai (бабушка), 爸爸ba ba (папа), 妈妈ma ma (мама), 哥哥ge ge (старший брат), 弟弟di di (младший брат) и др.

5. Действия: 走zou (ходить), 想xiang (думать), 写xie (писать), 喜欢xi huan (нравиться), 学习xue xi (учиться) и др.

6. Свойства или состояния человека и предмета: 大 da (большой), 小 xiao (маленький), 好 hao (хорошо), 坏 huai (плохо), 甜 tian (сладкий), 苦 ku (горький), 美丽 mei li (красивый), 快乐 kuai le (веселый) и др.

7. Местоимения: 我 wo (я), 你 ni (ты) и др.

8. Числительные: 一 yi (один), 十 shi (десять), 千 qian (тысяча) и др.

Слова, употребляемые людьми тех или иных профессий, входят в профессиональную и специальную лексику. Например, термином *настыл* в металлургии обозначают остатки застывшего металла в ковше, но рабочие называют эти остатки *козлом* (следовательно, *настыл* – официальный термин, *козел* – профессионализм); *вогнутый шлифовальник* (специальный термин) оптики называют также *чашкой* (профессионализм); *наждачная бумага* – это официальное, терминологическое название, а *шкурка* – профессионализм (rusolimp.kopeisk.ru/leksik).

Специальная терминология, как правило, полностью покрывает специальную область науки или техники. Таким образом, все без исключения основные понятия сферы получают терминологическое наименование. Рассуждая о профессионализмах и специальных терминах, академик В.Г. Костомаров отмечает: «Здесь действует тенденция, с одной стороны, к устранению дублетов и многозначных терминов, а с другой – к установлению строгих границ каждого термина и четких отношений его с остальными единицами, образующими данную терминологическую систему» [2].

Поскольку профессионализмы появляются в устной речи людей, занятых одной определенной профессией, они редко образуют систему, а значит, являются менее регулярными, чем специальная лексика. Для некоторых объектов и понятий имеются профессиональные наименования, а для других их нет. «Значение профессионализма, возникающее обычно на базе метафорического переосмысления слова или оборота, нередко пересекается со значениями других профессионализмов», – пишет В.Г. Костомаров [2]. В отличие от специальных терминов, профессионализмы более экспрессивны.

В китайском языке, как и в русском, существуют профессиональная и специальная лексика, например, торговые профессионализмы: 旺季 wang ji (сезон оживления), 淡季 dan ji (мертвый сезон), 高档 gao dang (высокосортный), 盘货 pan huo (переучет товара), 紧俏商品 jin qiao shang pin (дефицит); транспортные профессионализмы: 客车 ke che (пассажирский поезд), 超载 (chao zai) (перегрузка), 航班 hang ban (рейс), 晚点吨位 duo wei (тоннаж); театральные профессионализмы: 台步 tai bu (сценическая походка),

圆场 yuan chang (сделать круг по сцене), 亮相 liang xiang (поза для выявления духовного облика действующего лица), 老生 lao sheng (амплуа актера, исполняющего роли стариков и пожилых людей) и др.

В китайском языке также существует специальная лексика, например, философские термины: 存在 cun zai (существование), 意识 yi shi (сознание), 辩证法 bian zheng fa (диалектика), 机械唯物论 ji xie wei wu lun (механический материализм); экономические термины: 商品 shang pin (товар), 资本 zi ben (капитал), 商品经济 shang pin jing ji (товарное хозяйство); литературные и художественные термины: 主题 zhu ti (мотив), 题材 ti cai (тема), 形象 xing xiang (образ), 情节 qing jie (сюжет), 旋律 xuan lu (мелодия), 构图 gou tu (композиция) и др.

Слова, употребление которых свойственно людям, образующим обособленные социальные группы, составляют лексику жаргонную. Так, в жаргоне офеней – бродячих торговцев, существовавших в России XIX в., – были слова *мелех* (молоко), *сары* (деньги), *зетить* (говорить) и др. В жаргоне бурсаков – учащихся бурс – были слова *сбондить* (украсть), *жучить* (строго взыскивать), *рождество* (лицо) и др. [4]. Кроме того, сохраняется и постоянно обновляется лексика молодежного жаргона.

Жаргонная лексика имеет узкую сферу употребления: ее используют в основном среди «своих», т.е. в общении с людьми того же социального круга, что и говорящий. В художественных произведениях жаргонные слова могут служить для речевой характеристики персонажей, употребляться в целях стилизации.

Современная литературная речь, особенно в устно-разговорной ее разновидности, испытывает значительное влияние социальных жаргонов. «Лексика, которая раньше была уделом замкнутой человеческой среды – уголовников, мафиози, проституток, наркоманов и др., с 90-х гг. XX в. начала звучать из уст носителей литературного языка» [3], нередко жаргонные слова попадают в прессу, звучат с экрана телевизора. Таковы, например, слова *стольник* «сто рублей», *баксы* «доллары», *врубиться* «начать понимать что-либо», *достать* «надоест», утомить разговорами, просьбами и т.п., *кайф* «удовольствие», *тащиться* «возбуждаться, испытывать приятное чувство от чего-либо».

Приведем следующие примеры из прессы: «Правда, это будет не те качки, что в 1990-х устраивали *разборки*, а любимая в народе группа с лидером во главе...» (Московский комсомолец, 2015, № 26) «Бриллианты Зыкиной, особняк Пороховщикова... Так ли уж неизбежны некрасивые *разборки* вокруг звездного наследства?» (Труд, 2015, № 057). «Всероссийская

ночная музейная *тусовка* уже приносит свои плоды. И плоды эти – все более легкомысленное отношение к музеям как таковым, музейным раритетам, памятникам и в целом – к исторической памяти народа» (Суть времени, 2013, № 30).

В китайском языке также существует жаргонная лексика. Например, раньше лоточки имели свои жаргонные цифры для того, чтобы посторонние не знали конъюнктуру: 平头 *ping tou* (жарг.) – 一 *yi* (в литературном языке – один), 空工 *kong gong* (жарг.) – 二 *er* (два), 横川 *heng chuan* (жарг.) – 三 *san* (три), 侧目 *ce mu* (жарг.) – 四 *si* (четыре), 缺丑 *que chou*

(жарг.) – 五 *wu* (пять), 断大 *duan da* (жарг.) – 六 *liu* (шесть), 皂底 *zao di* (жарг.) – 七 *qi* (семь) и т.д.; жаргон в криминальной среде: 胡子 *hu zi* (жарг.) – 土匪 *tu fei* (разбойник), 佛爷 *fo ye* (жарг.) – 窃贼 *qie zei* (вор), 吊参 *diao chen* (жарг.) – 绑架 *bang jia* (похищение), 八叉 *ba cha* (жарг.) – 父亲 *fu qing* (отец).

Таким образом, через сопоставление конкретных примеров общеупотребительной, профессиональной и специальной, а также жаргонной лексики русского и китайского языков сделаем вывод: в лексике русского и китайского языков существует определенное сходство с точки зрения сферы ее употребления. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. I.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
3. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М., 1996.
6. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под. ред. Е.А. Земской. М., 1996.
7. 现代汉语, 黄伯荣 廖序东 主编, 2011.
8. 现代汉语, 黄伯荣 李炜 主编, 2012.
9. 现代汉语, 商务印书馆, 北京. 2013.

T. Sui

VOCABULARY RUSSIAN AND CHINESE IN TERMS OF ITS SCOPE OF USE

The vocabulary of the Russian language, the vocabulary of the Chinese language, common words, jargon, and special professional vocabulary.

This article compares the lexical system of Russian and Chinese languages based on the scope of the use of words. The author describes the common, special and professional vocabulary in both languages and focuses on jargon. Citing examples of the use of different words and phrases, the author argues that the lexical systems of Russian and Chinese languages are similar in regard to the scope of language units.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Летом 2016 г. иностранные студенты изучали русский язык в Туле. На этот раз программой «Русский язык на родине Льва Толстого» Тульского государственного педагогического университета воспользовались полтора десятка человек. Среди них — четырнадцать итальянских студентов и еще одна аргентинская студентка. В ходе интенсивных занятий и общения с носителями русского они повысили свой уровень владения языком. Кроме того, молодые люди смогли больше узнать об истории и культуре нашей страны и региона. Для участников стажировки была намечена большая экскурсионная программа: поездки в музей-заповедник Льва Толстого «Ясная Поляна», интерактивное занятие в русской избе в музее «Тульские древности» и посещение мастер-класса по изготовлению тульского пряника.

По материалам портала russskiymir.ru

ПОНЯТИЕ ЭЛОКУЦИИ В АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОГОСА ОБРАЗА РИТОРА

Ю.Ю. КАБАНКОВА

Julia.Kabankova@mail.ru

аспирант

Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:

*образ ратора,
риторический
логос, элокуция,
индивидуальный стиль,
лексико-синтаксические
речестилевые средства*

В статье описывается формальная составляющая логоса образа ратора – средства и приемы словесного воплощения идейного содержания риторического произведения, обозначаемые термином *элокуция*. Автор затрагивает такие аспекты, как культура речи, нормы языка и ведения речи, функциональные стили, качество речи, и рассматривает понятие индивидуального стиля ратора, характеризуя значимость лексических и синтаксических речестилевых средств для достижения эффективности речи и повышения влиятельности образа ратора.

Данная статья посвящена исследованию речевой деятельности языковой личности в риторическом аспекте. «Современная риторика, – пишет Ю.В. Рождественский, – рассматривает отношения людей через речь. Она устанавливает: а) условия, в которых возможна речь (этос), б) направленность содержания изобретения в зависимости от вида речи (пафос), в) уместные средства языкового выражения применительно к условиям и направленности содержания (логос)» [9: 99].

В.И. Аннушкин указывает на то, что этос, пафос и логос рассматриваются как базовые качества языковой личности, претендующей на ответственное право участвовать в убеждающей речи [2: 311–312]. Триада этос–пафос–логос определяет одну из основных категорий риторической науки – понятие *образа ратора*. Средства и приемы словесного воплощения идейного содержания риторического произведения, обозначаемые термином *элокуция*, представляют собой составляющую *логоса образа ратора*.

Сочетание языковых и речевых элементов, образующих форму риторического высказывания, мы определяем понятием *слог речи* ратора. Устойчивый способ выражения замысла с помощью определенных характерных словесных средств и приемов будем называть *стилем речи* ратора. Задачей минимум для ратора является такое построение слога речи, чтобы аудитория правильно поняла, какую мысль он хочет до нее донести. Для этого ратору необходимо прежде всего владеть культурой речи, знать и соблюдать общепринятые нормы языка – орфоэпические, морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические, стилистические и т.д., которые обычно изучаются в рамках общего курса русского языка, и нормы ведения речи, являющиеся, в частности, предметом риторики.

Соблюдение норм ведения речи предполагает в зависимости от условий этоса воплощение ратором своего замысла в рамках уместного *регистра речи*¹ (соответствующего традиционно выделяемым в классических риториках и языкознании высокому, нейтральному или

¹ Регистр речи – совокупность выразительных средств языка, указывающих на оценку говорящим уровня значимости предмета речи по отношению к общественной норме: как возвышенного и санкционирующего общественную норму, общепринятого и соответствующего общественной норме или частного и занимающего положение ниже общественной нормы [4: 253].

среднему и разговорному или низкому стилям речи) и *функционального стиля*, выбор которого из сложившейся в языке системы функциональных стилей непосредственно связан с видом речи, ее фактурой и определяется поводом, местом, временем речи, ее целью и идейным содержанием.

Традиционно выделяют официально-деловой (документально-деловой), научный (научно-технический), общественно-политический (публицистический), художественный (художественно-литературный) и разговорный (разговорно-бытовой) функциональные стили. В последние годы появляются исследования, в которых как особый функциональный стиль науки рассматривается духовная речь [8: 495]. Каждый из функциональных стилей имеет свою специфику, свои закономерности отбора и употребления языкового материала.

Сложность содержания риторического произведения и целевая установка на создание влиятельной речи в заданных условиях подразумевают помимо следования общепринятым языковым и речевым нормам возможность применения ритором особых словесных форм и выразительных средств языка, уместных в аудитории, которая может предъявлять риторю, его замыслу и речи те или иные этические, интеллектуальные и эстетические требования.

Требования, предъявляемые к хорошей речи и качеству стиля, интересовали исследователей начиная с античных времен (Цицерон); теория качеств речи активно разрабатывалась в русских классических риториках (Зеленецкий, Кошанский, Ломоносов, Мерзляков), эти разработки нашли свое продолжение в трудах современных ученых-риторов (Аннушкин, Волков) и лингвистов (Головин и др.), для которых в настоящее время актуальным является изучение «коммуникативных качеств речи».

В.И. Аннушкин выделяет две группы терминов, называющих качества речи: 1) классические термины, сохранившиеся в современных работах: ясность, правильность, чистота, точность, уместность, логичность, красота, образность, простота, краткость и т.д.; и вышедшие из употребления: плавность, приличие, живость, гармония, благозвучие; 2) современные термины, выводимые из определений риторики как науки о речи: эффективность, влиятельность (понятие введено Ю.В. Рождественским), целесообразность, гармоничность, воздействие, коммуникативность и другие [3: 188–200].

В формировании образа ратора наряду с владением общей культурой речи определяющее значение имеют характерные особенности используемых только данным ритором методов и средств словесного воплощения замысла:

выражения главной идеи, развертывания аргументации, создания речевых эмоций, которые представляют собой индивидуальный стиль речи данного ратора. Каждый влиятельный ритор, как правило, обладает своим индивидуальным стилем. Более того, ритор, отличающийся ярко выраженными качествами лидера, обычно выступает как создатель стиля, предлагая новые идеи и новые формы их воплощения. Всякий лидер утверждает свой новый стиль, а новизна – главное отличие риторики от «правильности» грамматики и «привлекательности» стилистики [10: 7].

Для индивидуального стиля может быть характерным как следование нормам языка и речи, так и отступление от данных норм, обусловленное замыслом и его творческой реализацией. Индивидуальный стиль ратора прежде всего проявляется в отборе лексических средств, которые составляют основу содержания речи, в синтаксических особенностях построения текста риторического произведения, использовании тропов и фигур речи. Выбор и сочетание в речи языковых средств свидетельствуют об интеллектуальном ресурсе ратора и уровне его эстетической культуры.

Лексический аспект

Слово является главной стилистической единицей, характеризующей образ ратора. Условия ведения речи, контекст речевой ситуации, коммуникативная задача ратора, его эстетический вкус определяют выбор соответствующих лексических средств из огромного многообразия словарного состава русского языка. Лексическими средствами ритор прежде всего добивается таких качеств речи, как точность, выразительность (красота) и уместность, проявляет свое отношение к предмету речи (реализация категории модальности), достигает образности раскрытия замысла.

Для наиболее точной передачи сообщаемой аудитории информации ритор оперирует лексическими средствами литературного языка, входящими в ряды синонимов, многозначных слов, паронимов, антонимов; обращается к лексике исконной и заимствованной, общеупотребительной и закрепленной в функционально-стилевом отношении – разговорной и книжной: научной, официально-деловой, публицистической, религиозной, – обеспечивая уместность использования отбираемого языкового материала.

Модальность речи выражается в использовании нейтральной или эмоционально-окрашенной (экспрессивной) лексики – разговорной и книжной, а также в употреблении эвфемизмов – слов нейтральных по смыслу и эмоциональной нагрузке, заменяющих слова, которые

ритор считает неуместными, неприличными или табуированными по моральным, политическим, религиозным или иным соображениям.

Создание образности речи и ее выразительности происходит благодаря употреблению тропов — слов в несобственном, переносном значении, которые могут придавать высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску и решать задачу эстетизации (украшения) речи. Однако принципиальная значимость тропов состоит в том, что они представляют собой форму образного осмысления ритором окружающей действительности и являются важнейшими средствами творческого выражения новых идей и раскрытия смыслов.

Необходимо отметить, что наряду с использованием средств литературного языка для создания индивидуального стиля риторы, следуя своему замыслу и творческому вдохновению, иногда обращаются к таким группам лексики русского национального языка, как диалектизмы, профессионализмы, техницизмы, жаргонизмы и т.д., а также к иностранным словам и варваризмам. Однако использовать данную лексику ритору нужно крайне осознанно, уместно и со вкусом и только в тех случаях, когда это является целесообразным, уместным и органичным. Такого рода стилизация может украшать речь, придавать ей определенный колорит, делать более экспрессивной, запоминающейся и тем самым служить усилению образа ритора. Обратный эффект достигается необдуманным и неуместным употреблением подобной лексики, что характеризует ритора как человека, не вполне овладевшего нормами русского литературного языка, влечет за собой негативную оценку его речи аудиторией и лишает образ ритора влиятельности.

Синтаксический аспект

Приемы организации текста риторического высказывания представляют собой еще одну составляющую образа ритора и отражают отношение ритора к содержанию высказывания, а также его замысел о том, как должен выстраиваться словесный ракурс представления аудитории предмета речи. В основе построения текста лежит его логико-грамматическая структура, которая в условиях конкретной речевой ситуации определенным образом преобразуется, «приспосабливаясь» к выражению заданных смыслов.

Смысловые отношения элементов текста, определяемые речевой задачей, представляют собой коммуникативное или актуальное членение. Актуальное членение риторического произведения заключается в том, что в одной части высказывания — *теме* — ритор сообщает то, что уже известно аудитории (или вполне очевидно, или вытекает из предшествующего контекста),

а в другой — *реме* — представляет новое содержание. Актуальное членение строится как в рамках высказывания в целом, так и в отдельных фразах, предложениях и словосочетаниях, при этом все уровни связаны между собой общим смыслом высказывания.

Ритор создает «словесную ткань» речи, раскрывая свою мысль, проясняя и уточняя ее средствами *амплификации* (лат. *amplificatio* «расширение»), которая представляет собой «развертывание содержания фрагмента текста путем его дополнения за счет новых слов, включенных в состав предложения, или за счет новых предложений, объединенных с положением смысловой связью» [4: 292]. Синтаксически амплификация выражается как в смысловой, так и в формальной связи элементов текста. Смысловая связь характеризуется повторами и воспроизведением смыслообразующих слов и речевых конструкций предыдущей части текста в последующей с добавлением новых слов, фраз или предложений; формальная связь осуществляется посредством союзов, союзных слов, междометий, частиц, вводных слов и оборотов и т.п.

В процессе создания текста речи и его преобразования, чтобы привлечь внимание аудитории на новое содержание и выразить свое отношение к его значимости, ритор использует различные приемы словесного оформления мысли, в частности, *риторические фигуры*.

Фигуры выделения — это определенные приемы выстраивания в тексте слов, словосочетаний и других элементов, представляющие собой такие «конструктивные схемы содержания, посредством которых сопоставляются или подчеркиваются те или иные стороны мысли» [4: 271]. Приведем основные способы формирования фигур выделения, следуя классификации риторических фигур, созданной А.А. Волковым и основанной на традициях классической риторики.

1. Добавления, полные или частичные повторы: *эпитет, синонимия, градация, экзергазия, реприза, восхождение, сочетание, анафора, эпифора, окружение, присоединение, интерпретация, заполнение, многосоюзие, бессоюзие* и др.

2. Сокращения и значимые нарушения смысловой и грамматической связи: *эллипсис, силлipsis, анаколупф, эналлага (подстановка), ирония, апозиопея (удержание)*.

3. Перестановки и трансформации: *метабола, антиметабола, хиазм*.

4. Распределение элементов фразы: *разделение (энумерация), соответствие, антанаклаза (возвращение с разделением), эпимона (эпифонема)*.

5. Определения и сравнения: *определение, сравнение, перифраз, этимология, антитеза, парадиастола (различение), оксюморон*.

Еще одна группа риторических фигур – это *фигуры диалогизма*, которые используются ритором «для создания диалогического эффекта в монологической речи»: *диалог, предупреждение, ответствование, сообщение, заимствование, цитата, аллюзия, риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение* [4: 271–289]. Предполагая ту или иную возможную реакцию на содержание своего высказывания, ритор посредством фигур диалогизма формирует нужное ему отношение аудитории, укрепляя согласие сторонников или ослабляя несогласие оппонентов.

Важную роль в восприятии образа ратора играет то, насколько четко ритор формулирует свои мысли и как организует речь для произнесения. Наиболее эффективной для понимания и оценки аудиторией мыслей ратора считается речь, разделенная *на периоды*. Период составляет одно или несколько взаимосвязанных предложений, которые ясно выражают законченную мысль. Периоды характеризуются ритмической организацией и интонационной завершенностью. Одно простое или сложное предложение формирует *простой* период, два или более предложений – *сложный* период. Виды сложных периодов весьма разнообразны и различаются по внутреннему смыслу и типу связи его частей; в частности, выделяют *каузальный, условный, сравнительный,*

изъяснительный, относительный и другие виды периодов.

Части сложного периода – это *протасис*, который соответствует теме и бывает интонационно оформлен *повышением* тона, и *аподосис*, который соответствует реме и связан с *понижением* тона. В свою очередь, части сложного периода состоят из *колонов (членов периода)* – самостоятельных смысловых элементов, синтаксически выражающихся или простым предложением, или главным предложением, или придаточным предложением, – и *вставных конструкций* – придаточных предложений или оборотов, дополняющих основное значение частей и колонов.

Различные способы деления речи на периоды и построения внутри периодов используются ритором для достижения того или иного необходимого ему эффекта восприятия речи аудиторией. Так, например, выстраивание речи в виде последовательности равных по объему периодов может приводить к монотонности речи и вызывать ослабление внимания и понимания. Напротив, асимметричность сложных периодов с точки зрения объемов протасиса и аподосиса или чередования простых и сложных периодов ведут к неравномерности речи, тем самым могут усиливать внимание аудитории и, соответственно, улучшать понимание речи. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннушкин В.И. История русской риторики: Хрестоматия. М., 2002.
2. Аннушкин В.И. Логос. Пафос. Этос // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2012.
3. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс для студентов филологических факультетов. М., 2004.
4. Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2013.
5. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988.
6. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2008.
8. Прохвятилова О.А. Речевая организация православной проповеди и молитвы: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
9. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М., 2005.
10. Рождественский Ю.В. О термине «риторика» // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1995. №1.
11. Рождественский Ю.В. Теория риторики: Учебное пособие. М., 2004.
12. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка // Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

Y.Y. Kabankova

ELOCUTION ASPECT OF RHETORICAL LOGOS: RHETORICIAN'S IMAGE STUDIES

Rhetorician's image, rhetorical logos, elocution, individual style, lexical and syntactic stylistics.

We aim to study the elocution as a formal aspect of logos by reviewing the ways of speech intent verbalization. In this study, we touch upon standards of speech and language, functional style types and speech efficiency requirements. We consider rhetorician's individual speaking style based on lexical and syntactic stylistics techniques as a tool for strengthening the rhetorician's image and speech effectiveness.

НАЦИОНАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ЧИСЛАМИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ЦУН ЯПИН

cuyaping@sdu.edu.cn

профессор

Института

иностранных языков

Шаньдунского университета

Цзинань, Китай

Ключевые слова:

национально-эмоциональные ассоциации, национальная культура, культурно-языковая функция, слова-числа, китайский язык, русский язык

Слова-числа не только являются одним из важных средств для описания мира и человеческой жизни, но и выполняют культурно-языковую функцию для передачи эмоций человека. В национальной культуре числа становятся особыми символическими знаками, вызывающими у носителей языка сходные или различные эмоциональные ассоциации, отражают богатую национальную культуру и оказывают большое влияние на жизнь народов разных стран.

В языковой картине мира слова, обозначающие числа, в качестве особого лингвокультурного явления имеют и основное семантическое значение, и коннотативное, т.е. фоновое значение, вызывающее у человека разнообразные ассоциации и эмоции. Коннотативное значение чисел не связано напрямую с их буквальным значением и стилистической приметой, а основывается на скрытых национально-культурных компонентах, возникает при определенных условиях воображения, через цифровой мост между предметом А и предметом Б, в сопровождении сильного чувства и отчетливого отношения к жизни человека [6: 34].

В русском и китайском языках почти каждое слово-число содержит в себе богатый национально-культурный смысл, отражающий эволюцию философии, эстетики, религии, обычая, верований и познания миров традиционной культуры одной нации. В длительном историческом развитии происхождение чисел тесно связывается с древней таинственной философией. Когда-то русский народ под влиянием греческой и христианской культуры образовал таинственные представления о числах, считал некоторые из них волшебными, символизирующими счастье или беду, и сообщал этим числам определенные эмоциональные коннотации. В цифровой культуре русский народ преклоняется перед нечетными числами, в его понятии нечетные числа являются счастливыми, а четные — бесовскими числами, имеющими прямые связи с чертом [2: 14]. Любимые у русских числа *три* и *семь* несут в себе определенные культурные коды. Число *три* означает могучую силу природы, выражает триединство времени и трехмерность пространства. В представлении предков нынешних россиян земля была плоская и держалась на *трех* китах, которые плавали в безбрежном всемирном океане. Эти киты считались основой основ, опорой мироздания. Символично и число *семь*. Оно считается священным и ему приписывается мистическое свойство приносить людям счастье [1: 238]. *Два* по русскому поверью связано с чертом, является источником беды в мире. Такое традиционное понятие о числах отражается во многих устойчивых словосочетаниях и выражениях, таких, как *Бог любит троицу; Без троицы дом не строится; три кита; Быть на седьмом небе; семь пядей во лбу; Семеро одного не ждут; Черта с два* и т.д.

Знания народа Китая о функциях чисел связаны не только с жизненной потребностью в ведении счета, но и с мифическими

представлениями и древней таинственной философией (т.е. гаданием, примитивным мышлением, колдовством и др.) [4: 104]. В китайской культуре числа отличаются волшебными значениями, яркой выразительностью. С древних времен китайская философия о числах представляла и представляет квинтэссенцию китайской традиционной культуры, почти в каждом числе содержатся особые культурные элементы, имеющие национальную значимость. Например, число *цзю* (*девять*) является самым большим положительным, считается представителем неба или небосвода, который состоит из девяти небесных сфер. В китайском языке *цзю* (*девять*) созвучно со словом *цзю* (долгий, долготелые), в связи с этим китайцы называют небо *цзю тьянь*, *цзю чун*, *цзю сяо* (*девять* небес), а самую высокую и самую удаленную от земли *девятую* небесную сферу – *цзю чун тьянь* (*девятым* небом), символизирующим предел благополучия и счастья. В китайской пророческой книге «И-Цзин» («Книга перемен», или «Каноны перемен» – один из старейших классических текстов Китая, представляющий собой мантическую, то есть гадательную систему) число *лю* (*шесть*) является символом удачи. *Лю* представляет шесть направлений трехмерного пространства (вперед-назад, вверх-вниз и вправо-влево), выражает гармонию времени и пространства. Помимо этого, слово-число *лю* (*шесть*) в китайском языке созвучно со словом *лю* (благополучие, удачная карьера), поэтому *лю* (*шесть*) символизирует благополучие, спокойствие и удачу. *Ба* (*восемь*) считается самым любимым и счастливым числом, означающим совершенство, богатство и счастье. Оно имеет тесную связь с древнекитайской философией – буддизмом и даосизмом. Например, в буддийской школе имеются *Ба цзисян*, или *Ба бао* (*Восемь драгоценностей*, или *восемь* эмблем славы, или *восемь* символов счастья – благой зонтик, золотые рыбки, драгоценная ваза, лотос, белая раковина, бесконечный узел, стяг победы, колесо дхармы), каждый из этих предметов несет в себе глубокий философский смысл и свое собственное символическое значение. В даосском предании действуют *ба сянь* (*восемь* Бессмертных), каждый из них в земной жизни показывает свое чудесное волшебство. В древнем Китае существовало 8 символов, называемых *ба гуа* (*восемь* триграмм – комплекс символических знаков для гадания). Эти триграммы, представляющие собой 8 главных явлений природы (Небо, Земля, Огонь, Вода, Гора, Озеро, Гром, Ветер), символизируют китайские пространственные представления. А для предсказания судьбы человека чаще употребляется гороскоп, так называемый *ба цзы* (*восемь*

иероглифов – год, месяц, день и час рождения человека), обозначенный в восьми знаках десятичного и двенадцатеричного циклов. Кроме этого, звучание слова-числа *ба* (*восемь*) сходно со словом *фа* (богатство). А число *сы* (*четыре*) имеет особое символическое значение для китайцев и считается приносящим несчастье и неудачу, так как по-китайски слово-число *сы* (*четыре*) и слово *сы* (смерть) звучат одинаково.

С точки зрения прагматики эмоциональные ассоциации чисел отражают психологические переживания человека, желание защитить себя от нечистой силы и выпросить счастье у бога. Между людьми, выросшими в разной национальной культуре, существует общее, потому что все они стремятся к лучшему и надеются избежать беды в жизни. Но под влиянием национальной культуры между ними неизбежно имеются расхождения в выражении своих желаний и надежд.

В русском и китайском языках слово-число *три* имеет теснейшую связь с религией и философией. Известная во всем мире идея триединства является основой многих древних философских, религиозных учений и мифических преданий. Дух *триединства* проявляет себя везде и во всем [5]. *Три* – популярное число в русской культуре, особенно в произведениях устного народного творчества число *три* встречается едва ли не в каждой сказке: *было у старика три сына...*, *три девицы под окном...*, *три богатыря земли русской*, *трехголовый дракон*, *герой должен решить три задачи*, *ехать три дня и три ночи*, *в тридевятином царстве*, *в тридесятом государстве* и т.д. То же наблюдается в русских устойчивых выражениях: *плакать в три ручья*, *заблудиться в трех соснах*, *согнуться в три погибели*, *наврать с три короба* и др. У русского народа имеются такие обычаи, как *трижды стучать по дереву*, *трижды плевать через левое плечо*, *троекратный поцелуй* и др.

В древнекитайской философии подчеркивается *триединство* Неба, Земли и Человека. Такая концепция отражается в строении и значении китайского иероглифа *ван* (*государь*). Иероглиф 王 – *ван* (*государь*) состоит из трех горизонтальных черт и пересекающей их вертикали. Верхняя горизонтальная черта символизирует небо, нижняя – землю, средняя – человека, который от имени неба управляет землей, а вертикальная черта символизирует *дао* (путь – это основополагающее понятие китайской философской мысли, указывает на духовный путь, которым необходимо сознательно идти). В китайской литературе число *сань* (*три*) появляется не так часто, как в русской, но считается совершенным и многократным,

что находит отражение в фразеологизмах и поговорах, напр.: *бин дун сань чы, фэй и жи чжи хань* (Все это имеет свои глубокие корни), *и эр цзай, цзай эр сань* (снова и снова (букв. – и еще три раза), *и вэнь сань бу чжи* (на каждый вопрос – три «не знаю»), *ши бу гуо сань* (не больше трех раз). В китайской традиции имеется обычай *бан цяо сань гэн* (удары в колотушку в третью ночную стражу – время с 11 часов до 1 часа ночи) и *бай сань син* (поклоняться трем звездным богам – Фу-син (богу богатства), Лу-син (богу служебного положения), Шоу-син (богу долголетия) и др.

Числа *один (и)* и *десять (ши)* вызывают у русских и китайцев особое чувство и сходную положительную и активную ассоциацию. Для народов двух стран число *один* является не только начальным числом в счетной системе, но источником всех дел, всех веществ и всех чисел, оно представляет единичность и целостность на свете, символизирует благополучие и счастье в жизни. В современном русском языке есть немало выражений со словом-числом *один*. Например, *одно целое, все до одного, одному богу известно, один в поле не воин, семеро одного не ждут* и т.д. В Китае число *и (один)* тесно связывается с основной китайской примитивной философией «Тай-цзи» (великий предел – это идея предельного состояния бытия), в которой считается, что вселенная как единое целое основывается на *одном*, в связи с этим возникают такие выражения, как *и ци хэ чэн* (закончить/сделать / *одним* духом), *и цу цзи цзю* (*одним* шагом сделать – быстро и легко добиться успеха), *вань сы и шэн* (*один* шанс из десяти тысяч остаться живым), *и нуо цянь цзинь* (*один* договор дороже тысячи золотых (ср. русское *уговор дороже денег*), *и ван эр чжи* (с *одного* взгляда понять), *и синь бу ке эр юн* (За двумя зайцами погонишься, ни *одного* не поймашь) и т.д. Русский и китайский народы считают число *десять (ши)* символом совершенства, гармонии, законченности и представителем целостности вселенной. В России и Китае принята десятичная система исчисления. Исходя из основ десятичной системы и привычки считать и исчислять, число *десять (ши)* казалось самым большим и конечным. Отсюда возникло много выражений и в русском, и в китайском языках. Например, в русском: *попасть в десятку, через десятые руки...* а в китайском: *ши нянь хань чуан* (*десять* лет у холодного окна – долго и упорно учиться), *ши нянь цзю ву юй* (из *десяти* лет девять лет не встречаться – крайне редко), *ши фа ши чжун* (из *десяти* раз ни одного промаха – метко стрелять), *ши вань ва цянь ли* (за тридевять земель) и др.

Слова-числа *семь (ци)* и *девять (цзю)* в русском и китайском языках считаются магическими, но их коннотативное значение может вызвать неодинаковые эмоциональные ассоциации у народов двух стран. В представлении русского народа *семь* – это самое священное, самое счастливое, самое лучшее число. Оно считается предельным числом, представляет рай, небесное царство, которое помещалось на *седьмом* небе. *Семь* как особый культурный символ появляется в фольклоре, сказках и народных обычаях, что отражает стремление русского народа к счастью. А в китайской традиционной культуре и народных обычаях число *ци (семь)* имеет отношение к смерти человека, служит магическим действием на воскрешение человека, поэтому оно связывается со смертью, бедствиями и несчастьем. В соответствии со своими обычаями китайцы соблюдают *семь* периодов траура по умершему в течение *семи* седмицевок, т.е. 49 дней после смерти. Число *девять* у русского народа не вызывает положительных ассоциаций, потому что это число связывается с днем траура. По преданию русского народа через *девять* дней после смерти душа покидает тело человека, в сороковой день уходит в царство небесное. А для китайцев *цзю (девять)* знаменует господство и безграничную власть китайского императора, а также долговечность неба и земли. Древние китайцы разделили Поднебесную на *цзю чжоу (девять)* географических областей и называли древний Китай *цзю чжоу*. Китайские императоры благоговели перед числом *девять* и считали, что их власть ниспослана богами, живущими на *девяти*м небе. В результате этого как в китайских мифах и преданиях, древнем императорском и дворцовом бытии, так и в традиционной культуре и философии число *девять* насыщено священным и символическим значением [3: 149].

В русском и китайском языках некоторые слова-числа (*тринадцать, четыре* и др.) могут вызвать негативные ассоциации, считаются «несчастливыми». Из-за этого люди стараются так или иначе избегать таких чисел. «Несчастливые» числа у каждой нации свои. Россия, как и все европейские страны, рассматривает *тринадцать* как число несчастливое, приносящее неудачу и беду. Существует выражение *Тринадцать за стол не садись – не то быть беде*. В русском языке *тринадцать* называют чертовой дюжиной. Совпадение *тринадцатого* числа с пятницей принято считать «черной пятницей», то есть крайне несчастливым днем недели.

А в китайской традиционной культуре число *ши сань (тринадцать)* считается счастливым. Древние архитектурные башни построены высотой в тринадцать этажей, под Пекином

находится известный во всем мире *ши саньлин* (*тринадцать* захоронений императоров династии Мин). Во многих религиозных учениях часто употребляется число *тринадцать*. Число *четыре* для русского народа имеет значение единства, символизирует порядок пространства и земли, представляет *четыре* времени года, *четыре* стороны света и *четыре* стихии природы, в русском языке есть такое выражение: *идти на все четыре стороны*. А для китайцев число *сы* (*четыре*) хотя число четное, но нелюбимое, предвещает неблагоприятие в делах и напрасные усилия в бесперспективном деле. Это поверье связано с тем, что в китайском языке слово-число *сы* (*четыре*) по произношению созвучно со словом *смерть*, поэтому многие китайцы отказываются от числа *сы* (*четыре*) в своей жизни, не выбирают номер *сы* (*четыре*) для своего телефона, не устраивают свадьбу четвертого числа и т.д. Число *тридцать три* имеет для русского народа достаточно большое

значение, потому что *тридцать три* года называют возрастом Христа, это важный жизненный рубеж. А для китайцев особым значением обладает число *сань ши* (*тридцать*), так как по учению Конфуция именно *сань ши* (*тридцать лет*) – особый возраст. В китайском языке широко распространяется такой фразеологизм: *сань ши эр ли* (в *тридцать лет* стать самостоятельным, т.е. в *тридцать лет* человек должен найти себя в жизни).

Слова-числа в русском и китайском языках служат не только знаками для осуществления арифметических действий, определяющих количество предметов или лиц, но и особыми символами, выражающими богатые национально-культурные коннотативные значения и вызывающие у носителей языка сходные или различные эмоциональные ассоциации. Они формируют особую цифровую культуру с национальным колоритом и оказывают большое влияние на жизнь человека разных стран. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурау И.Я. Загадки мира цифр и чисел. Донецк, 1996.
2. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси. СПб., 2000.
3. Лю Гуанчжуй. Культура и обычаи русского и китайского языков. Пекин, 1999.
4. Лю Сюочунь. Тайственный язык Китая. Пекин, 1999.
5. Цифра «три» – магическая. narod.ru.
6. Цун Япин. Цифровая культура в китайской и русской нациях // Русский язык в Китае. 2006. № 2.

Cong Yaping

NATIONAL-EMOTIONAL ASSOCIATIONS RELATING NUMBERS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

National-emotional associations, national culture, the cultural-linguistic function, words and numbers, in Russian and Chinese languages.

The article is devoted to the study of national-emotional associations relating numbers in Russian and Chinese languages. Words and numbers not only are important means to describe the world and human life, but also carry the cultural-linguistic function to convey one's emotions. For each nation and its own culture, numbers are special symbolic signs which can arouse native speakers' similar or different emotional associations, reflect rich national cultures and have a great influence on the lives of the people from different countries.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

16–23 июля 2016 г. в Университете г. Пула (Хорватия) под эгидой фонда «Русский мир», Хорватской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, МАПРЯЛ, Комитета Государственной Думы РФ по культуре прошла II Международная конференция «Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI в.», целью которой стало содействие теоретическим и прикладным исследованиям в области русского языка и шире – современной славянской филологии. На конференцию собрались ученые из почти двух десятков стран – из России и СНГ, стран Балтии, Европы, США, Израиля и Австралии.

По материалам портала russskiymir.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНЫХ МИРОВ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ РКИ

Э.Г. АЗИМОВ

EGAzimov@pushkin.institute
д-р пед. наук, профессор
кафедры методики
преподавания РКИ
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

В.А. ЖИЛЬЦОВ

VAJiltsov@pushkin.institute
аспирант
кафедры методики
преподавания РКИ
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:
*дистанционное обучение,
РКИ, информационно-
коммуникационные
технологии, трехмерная
образовательная
среда, интерактивные
образовательные
ресурсы, виртуальные
миры, ТАКОС*

В статье рассмотрены основные особенности организации дистанционного обучения посредством трехмерной коммуникативной образовательной среды, описаны возможности интерактивных образовательных ресурсов в преподавании РКИ.

Активное использование компьютерных технологий рассматривается в качестве одной из наиболее важных новаций в современной теории и практике преподавания РКИ. Л.В. Московкин и Г.Н. Шамонина в книге «Иновации в обучении русскому языку как иностранному» дают определение «инноваций» как педагогических новшеств, форм, методов работы, технологий обучения, не используемых в массовой практике. Они требуют новых подходов к организации образовательных процессов. Применение инновационных технологий обеспечивает произвольное и эффективное овладение иностранным языком. В качестве инноваций рассматривается использование таких технологий, как экскурсионная, театральная, проблемная, проектная, этнокультурная, компьютерная [6]. Под «педагогической инноватикой» понимается учение о создании педагогических новшеств, их оценке и освоении педагогическим сообществом, использовании и применении на практике [8]. Таким образом, инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы.

Главная виртуальная локация в ТАКОС

Зал виртуальной библиотеки ТАКОС

Отличительными признаками инновационных технологий являются изменение характера деятельности, создание условий для более полной реализации личностного потенциала. Новые методы и технологии, к которым относят, например, творческие, компьютерные, проектные и др., не заменяют полностью традиционные, но с их помощью можно повысить интерес учащихся к языку, сделать обучение более эффективным, интересным, актуальным и разнообразным. Тем не менее В.Г. Тарева и Н.Д. Гальскова считают, что сегодня, несмотря на понимание необходимости внедрения инноваций, только малая часть преподавателей иностранных языков ориентируется на инновационные технологии и методы. Инновации необходимо внедрить в образовательную деятельность, и это должно обеспечить качественный рост эффективности не только образовательного процесса, но и его результатов.

Исследователи выделяют несколько наиболее актуальных педагогических инноваций в методике преподавания языков: современные информационные и коммуникационные технологии, развивающее обучение, дифференцированное обучение, проектное обучение, программированное обучение, модульное обучение, дистанционное обучение [7].

Компьютерные средства обучения (КСО) иностранным языкам помогают достигнуть оптимального соотношения эвристического и алгоритмического в данном процессе, в решении проблемы индивидуализации и дифференциации обучения [1, 4]. При этом необходимо помнить, что стратегической целью обучения РКИ является формирование вторичной языковой личности,

т.е. такого уровня владения языком, который сопоставим с владением языком его носителем (языковой личностью) с точки зрения возможностей в процессе общения отражать средствами языка окружающую действительность и достигать определенных коммуникативных целей. В структуре вторичной языковой личности можно выделить различные уровни:

а) вербально-семантический (знание системы языка и умение ею пользоваться в различных ситуациях общения);

б) когнитивный (знание понятий, идей, представлений, складывающихся в картину мира);

в) прагматический (возможность реализовать свои цели в процессе речевой деятельности) [2: 45].

Компьютерные технологии обучения, как правило, относят к инновационным технологиям, хотя чисто техническое использование компьютеров в рамках привычных методов обучения уже нельзя считать инновационным. Среди инновационных технологий, которые должны найти свое место в практике преподавания РКИ, следует назвать новые реализации компьютерных технологий – виртуальные миры.

Виртуальные миры – это мультиплеерные трехмерные пространства, нахождение в которых не подчинено какой-либо заранее заданной цели. Они предоставляют пользователю различные возможности: общение, творчество, путешествие и т.д. Особенностью виртуального мира является возможность выбора для себя любого внешнего вида (аватара), голосового общения и общения в чате, выбора или даже создания особой среды общения [3]. Виртуальные миры в первую очередь используются в компьютерных играх, а также для обучения иностранным языкам. Еще в 1980-е гг. создавались курсы иностранных языков, ставящие задачу погружения в виртуальную языковую среду. Технически это осуществлялось с помощью лазерных видеодисков [9].

В настоящее время появились новые компьютерные инструменты и программы для создания виртуальных миров. В мировой педагогической практике технологии Web 3D, с помощью которых создаются так называемые виртуальные миры, используются достаточно широко, однако их потенциал еще недостаточно изучен. Собственными образовательными симуляторами обладают некоторые институты Европы и Америки: Ратгерский университет (США, Нью-Джерси), Тулейнский университет (США, Луизиана), Университет Цинциннати (США, Огайо), Университет Новой Англии (Австралия), Университет искусств в Цюрихе и др. Похожие технологии были реализованы Гарвардским и Оксфордским университетами, Институтом Сервантеса и Институтом Гете. Значительное число вузов пользуется услугами проекта Second Life – трехмерного

виртуального мира с элементами социальной сети, который насчитывает свыше 1 млн активных пользователей. Ряд университетов, включая Гарвардский и Оксфордский, используют Second Life для обучения языкам.

В различных учебных заведениях ведутся работы по применению технологий виртуальных миров в образовании. В 2005 г. LanguageLab разработала, например, виртуальный мир English city. Основная цель этого проекта – обучение английскому языку, ежедневная практика с преподавателями колледжей и университетов Англии и Австралии, общение со студентами со всего мира.

Однако нельзя не признать, что при обучении языкам при помощи данных технологий ощущается огромная нехватка реальной коммуникативной среды либо ее электронного аналога для обеспечения общения на иностранном языке, хотя количество электронных средств коммуникации, ориентированных на обеспечение межличностного и межкультурного общения, постоянно растет. Так, для организации дистанционного обучения возможно использование комплекса различных продуктов: Skype, электронная почта, вебинары, профессиональные социальные сети, электронные образовательные ресурсы, виртуальные и информационно-образовательные среды [1, 4]. Многие из этих ресурсов успешно реализованы в проекте Института Пушкина «Образование на русском».

Коммуникативная среда, ориентированная на организацию общения на изучаемом языке, становится решающим фактором для развития и функционирования вторичной языковой личности, а вступление в адекватный коммуникативный контакт с носителями иностранного языка является важной целью обучающегося. Большую роль в этом играют различные средства наглядности, которые поддерживаются современными телекоммуникационными средствами. По мнению А.Н. Богомолова, с дидактической точки зрения видеовариант общения с помощью телекоммуникационных средств мало отличается от традиционных вариантов проведения занятий по языку, так как участники процесса видят и слышат друг друга на экранах мониторов компьютера [4: 184]. Данное суждение представляется верным прежде всего тогда, когда речь идет о коммуникации в рамках дистанционного образовательного процесса в виде дистанционных лекций и вебинаров. Правда, число возникающих коммуникативных ситуаций в данном случае довольно ограничено. В реальной жизни коммуникативные ситуации складываются спонтанно и требуют широкого спектра коммуникативных компетенций, необходимых для адекватной

Павильон для презентации образовательных интернет-ресурсов Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

Пользователь пишет письмо курирующему тьютору

реакции на происходящее. Таким образом, каждое из вышеназванных технических решений реализует лишь отдельный фрагмент реальной коммуникативной среды, который хотя и предоставляет возможность моделировать общение с носителями языка, тем не менее обладает известной степенью ограниченности и не позволяет осуществить реальное коммуникативное взаимодействие с собеседником. Это в определенной степени касается и использования в обучении языкам даже такого популярного средства телекоммуникации, как Skype.

С нашей точки зрения, перспективным является разработка самостоятельного модуля виртуального симулятора реальной коммуникативной среды средствами трехмерной графики и компьютерных технологий. Целесообразна также параллельная интеграция в симулятор дополнительных образовательных интернет-ресурсов, позволяющих использовать различные средства для обучения РКИ (словари, презентации, справочники, тренажеры и др.). Таковой является особая разновидность компьютерного симулятора, организованного по принципу трехмерной активно-коммуникативной образовательной среды (ТАКОС). Данное понятие было предложено для классификации коммуникативно-направленных образовательных ресурсов, созданных на базе платформы Opensim и посвященных обучению иностранным языкам. Симулятор представляет

Пользователь рассматривает материалы интерактивной презентации

Пользователь знакомится с видеоматериалами, используя виртуальный проигрыватель

собой клиент-серверное веб-приложение. Принцип ТАКОС – это обеспечение общения в русскоязычной среде на основе интегрированного образовательного материала. Участниками общения могут быть различные персонажи – условные, выдуманные и реальные. ТАКОС имеет особый инструментарий, позволяющий любому пользователю создавать персонажи и обеспечивать их коммуникативное взаимодействие.

ТАКОС представляет собой трехмерное виртуальное пространство, моделирующее реальную или вымышленную местность (город, аэропорт, гостиницу, аудиторию и т.д.), которая служит декорацией для организации симуляций коммуникативных ситуаций либо же является пассивной площадкой для совместной учебной и творческой деятельности студентов и преподавателей. Каждый участник ТАКОС представлен в виде модифицируемого персонажа (аватара), которому можно придать любую внешность. Пользователи могут сохранить свою анонимность, что бывает полезным для преодоления

психологического барьера при вступлении в процесс общения, либо же, наоборот, полностью выразить свою индивидуальность. Пользователи имеют возможность свободно перемещаться по всему виртуальному пространству, общаться друг с другом, устраивать различные мероприятия, разыгрывать сценические постановки, слушать и читать лекции, изучать различные обучающие материалы (электронные тексты, аудио, видео, фото), участвовать в киберквестах.

Киберквест – это особый вид организации занятий в симуляторе, когда пользователь стремится к достижению игровых целей, которые, тем не менее, требуют от него попутного изучения учебных материалов, правильных решения тестов, верных ответов на поставленные вопросы.

Общение осуществляется посредством графического чата или с использованием внутренней голосовой связи. Это дает возможность реализовать речевое общение как форму взаимодействия двух и более людей посредством языка и обмениваться информацией, в том числе аффективно-оценочного характера. Иными словами, в ТАКОС речевое общение становится максимально интерактивным и подразумевает совместную практическую деятельность, особенно, когда речь идет о групповой работе над проектным заданием. Широко применяется и метод виртуальной дискуссии, также представляющей собой вид учебной деятельности, развиваемый в русле лично-ориентированного подхода, который предполагает организацию совместного обсуждения какой-то проблемы, выяснение и сопоставление различных точек зрения, поиск, нахождение правильного решения и др., проходящих в дистанционной форме.

ТАКОС обладает свойствами социальной сети со всеми присущими ей функциями, например, создание круга друзей, объединение участников в рабочие группы, добавление новых данных профиля участников, размещение дополнительной информации, приглашение перейти по ссылке на новые ресурсы и т.д.

Данная система использует технологии трехмерного Интернета. Как и в обычном Интернете, материал здесь организован по принципу гиперссылок, но, в отличие от него, здесь гиперссылки могут быть визуализированы в виде трехмерных объектов (книги, картины, элементы мебели, статуи, баннеры и т.д.). Каждая из гиперссылок может выполнять определенные заданные функции. Книга на столе может оказаться входом в хранилище учебных материалов на стороннем сайте, а через портрет или фото на стене можно задать вопрос тому или иному персонажу, вступить с ним в контакт.

Преподаватель, ведущий обучение в системе ТАКОС, оснащен довольно большим арсеналом

специальных образовательных инструментов, которые позволяют ему вступать в коммуникацию, демонстрировать учебный материал и проводить практические занятия. Виртуальная доска для презентаций может быть размещена в любом удобном месте виртуального пространства, она служит для показа слайдов, созданных в программе MS Power Point, либо обычных изображений, карт и таблиц в формате .jpg и .png. Различные изображения (фото, картинки, рисунки) легко импортируются в симулятор и позволяют моделировать внешнюю среду, в которой проходит общение. Трехмерная визуализация помогает участникам быстро сориентироваться в обстановке и приступить к выполнению заданий. Возможность встраивания браузера в изображения трехмерных объектов позволяет демонстрировать страницы сайтов с нужным для обучения материалом, в том числе и видео с YouTube.

Таким образом, ТАКОС – это целый комплекс образовательных ресурсов, организованных вокруг виртуального симулятора.

Существует несколько инструментов для создания тестов и игровых заданий, например, с помощью определенной гиперссылки открывается меню с вопросом и вариантами ответа на него. Виды тестовых заданий, представленных здесь, весьма разнообразны: тестовые задания закрытого типа (множественный выбор, альтернативный выбор), тестовые задания открытого типа (свободное изложение). Имеется также инструмент создания тестов типа «Покажите на картинке», когда в меню возникает задание и испытуемый должен курсором установить соответствие на предлагаемой картинке. В среде симулятора ТАКОС возможна организация учебного процесса для любых уровней владения языком, от порогового до продвинутого, хотя для достижения того или иного уровня необходимы особые методические решения. Все зависит от используемых методов и материалов для обучения.

Известно, что при вступлении в иноязычную коммуникацию серьезной проблемой является преодоление психологического барьера. С помощью занятий в симуляторе иностранный студент получает возможность общаться с носителями языка, но при этом оказывается защищен от чувства неловкости, скованности в случае речевых и коммуникативных ошибок и неудач, в том числе и благодаря тому что общение осуществляет виртуальный персонаж. Это помогает несколько дистанцировать реальную личность от виртуальной среды, что значительно ослабляет эффект психологического неудобства и приносит элемент положительной мотивации в процесс обучения русскому языку. Во время занятий пользователь, используя различные средства коммуникации, может, например, завести дружественные

Фрагмент киберквеста

связи со своими сверстниками в России, общаться на интересующие его темы, задавать вопросы. Это позволяет считать, что переход к реальной и аутентичной коммуникации на русском языке может быть облегчен с помощью подобных средств электронной коммуникации.

Развитие методики преподавания РКИ с использованием виртуального симулятора коммуникативной среды проходит в русле теории геймификации – применения игровых технологий в образовательном процессе. На занятиях в ТАКОС студенты имеют возможность развивать все виды речевой деятельности (чтение, говорение, письмо, аудирование) в условиях, приближенных к реальным, с участием реальных коммуникантов, с разнообразием психологических и эмоциональных характеристик, присущих живому собеседнику. Участие условных персонажей – роботов допускается в основном в роли «инструктора» или «проводника», функция которого ограничена объяснением сути заданий, либо выполнением функции гида.

Итак, применение технологий виртуальных миров (трехмерного пространства) имеет следующие преимущества:

- погружение в языковую среду при изучении иностранных языков;
- приобретение опыта коммуникативного взаимодействия с людьми, имеющими разный уровень знаний языка;
- моделирование самых разных ситуаций общения, возможность их повторения с определенными трансформациями;
- возможность записи и последующего анализа речевого поведения учащегося.

Следует отметить, что система позволяет обеспечить различные способы взаимодействия групп пользователей, например, преподаватель и студенты, иностранец и носители языка, иностранные туристы в России и др.

Несмотря на всю привлекательность использования виртуальных миров для формирования коммуникативной компетенции,

необходимо выделить некоторые сложные аспекты организации учебного процесса. Во-первых, использование аватаров имеет определенные ограничения, они не в состоянии отразить паралингвистические средства общения, воссоздать реальные ситуации общения, передать эмоциональное отношение к происходящему. Во-вторых, остается нерешенным до конца вопрос, как переносить сформированные коммуникативные умения из виртуального мира в реальные ситуации общения с их эвристичностью, непредсказуемостью, как контролировать процесс изучения языка, исправлять ошибки в речи. В-третьих, как показывает опыт развития коммуникативной методики, использование стандартных фраз, стандартных ситуаций, чаще всего лишенных творческих самостоятельных моментов, не всегда позволяет успешно общаться в реальных условиях коммуникации. Стандартизация всего разнообразия ситуаций и строгое программирование высказываний имеет свои ограничения. Л.Л. Вохмина следующим образом характеризует упрощенное понимание коммуникативной методики обучения: «Многие и стали общаться, но самым элементарным образом на основе стандартных фраз, стандартных ситуаций...

Необоснованно большое место заняли стандартные ситуации общения с клишированной речью, процесс порождения которой имеет иную психологическую природу по сравнению с обычной (а значит, творческой) речью. Наметились явная тенденция вообще к стандартизации всего разнообразия ситуаций и строгому программированию высказываний в этих ситуациях («Как дать совет», «Как рассказать о планах на будущее» — типичные примеры содержания обучения)» [5]. Не до конца решенной остается также проблема соотношения определенной программы обучения, того или иного учебника с материалами виртуальной образовательной среды, которая рассчитана на самостоятельное и свободное изучение языка.

В Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина уже функционирует проект «ТАКОС», который используется для организации тренировок в речевом общении, а также методических экспериментов с целью поиска эффективного соотношения аудиторной и внеаудиторной работы. Разработка программного обеспечения для организации трехмерных коммуникативных образовательных сред проводится параллельно с исследованием возможностей подобного рода систем в дистанционном обучении РКИ. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как иностранного. М., 2012.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
3. Белозеров С.А. Аватар-опосредованная деятельность и виртуальные миры // Дистанционное и виртуальное обучение. 2014. № 4.
4. Богомолов А.Н. Виртуальная среда обучения русскому языку как иностранному: Лингвокультурологический аспект. М., 2008.
5. Вохмина Л.Л. К вопросу о современном состоянии коммуникативно-деятельностного подхода при изучении русского языка как иностранного // Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (14 января 2015 г.). СПб., 2015. Вып. II.
6. Московкин Л.В., Шамонина Г.Н. Инновации в обучении русскому языку как иностранному. Варна, 2013.
7. Тарева В.Г., Гальскова Н.Д. Инновации в обучении языку и культуре: pro et contra // Иностранные языки в школе. 2013. № 10.
8. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика. М., 2005.
9. Gale N. Montevideo: an anecdotal history of interactive videodisc // CALICO Journal. 1983. № 1.

E.G. Azimov, V.A. Jiltsov

USING VIRTUALSIMULATION OFCOMMUNICATIVE ENVIRONMENT FOR DISTANCE TEACHING RFL

Distance learning, distance education system, Opensim technology, three-dimensional communicative learning environment, interactive learning resources, TAKOS.

The article describes the main features of distance learning through the three-dimensional active-communicative learning environment, and considers the possibilities of interactive educational resources in the teaching of Russian as a foreign language.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РКИ В ИТАЛЬЯНСКИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

ЛАРА БЕНЕДЖАМО

larisabene@gmail.com

аспирант

Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Малье, Италия

Ключевые слова:

*русский язык как
иностранный, российско-
итальянские отношения,
русский язык в Италии,
преподавание русского
языка в школах,
диалог культур*

Статья посвящена проблеме обучения РКИ в итальянских общеобразовательных школах. Автором проанализированы политические, социальные и экономические отношения, сложившиеся между Италией и Россией за последнее столетие, являющиеся существенными предпосылками для изучения русского языка в настоящее время. Выделены благоприятные условия, способствовавшие распространению обучения русскому языку в школах Италии, описывается учебно-методический аспект преподавания РКИ на современном этапе. Также отмечается тенденция в улучшении учебного материала по РКИ на основании возрастающего интереса к изучению и преподаванию русского языка в Италии.

К концу XX в., после распада СССР и соответствующих социально-культурных преобразований, произошедших в ходе перестройки, значение русского языка в мире резко возросло в связи с двумя факторами. С одной стороны, со второй половины 1980-х гг. началась трудовая миграция, поскольку все возрастающее количество носителей русского языка стало выезжать за границу и вести торговлю с западноевропейскими странами. С другой стороны, с середины 1990-х гг. увеличился поток туристов, въезжающих в зарубежные страны.

В наши дни русский язык относится к числу мировых языков, будучи языком общения в странах СНГ и одним из официальных языков таких крупнейших международных организаций, как ООН, ЮНЕСКО, ФАО, ВТО [1]. Русский язык уже давно используется в мировом пространстве как контактный язык в сфере бизнеса и туризма. Именно поэтому стал усиливаться интерес к русскому и, следовательно, к его изучению и преподаванию во многих странах мира. Этот процесс отмечается и в Италии, где изучение и преподавание русского языка имеет многолетние традиции.

Интерес, проявляемый в Италии к русскому языку, связан с тесными отношениями, которые складывались между двумя странами в течение многих лет. Сегодня эти отношения динамично развиваются и укрепляются. Ярким подтверждением тому могут служить многочисленные контракты и соглашения в политической, торгово-экономической, научной и культурной сферах. Особо знаменательным оказался 2011 г., объявленный Годом итальянского языка и культуры в России и русского языка и культуры в Италии, в течение которого в обеих странах проходили выставки, концерты, лекции, театральные постановки, а также были открыты новые научные и культурные центры [4].

На сегодняшний день Россия и Италия тесно сотрудничают в области туризма. После распада Советского Союза все больше и больше россиян стали приезжать на отдых в Италию, знакомиться с художественными

и историческими достопримечательностями страны. По случаю межправительственного соглашения, способствующего росту туризма и расширения торговых контактов между двумя странами, 2014 г. был объявлен Годом туризма Италия–Россия [9].

В последнее время большое внимание уделяется также культурному сотрудничеству, о чем свидетельствует «Договор о сотрудничестве в области культуры и образования», подписанный еще в 1998 г. в Москве и вступивший в силу в 2000 г., который заложил основы дальнейшего соглашения по расширению изучения итальянского языка в России и русского языка в Италии, проведению ежегодного обмена студентами и преподавателями между школами и университетами и предоставлению государственных стипендий итальянским и российским студентам [8].

Перечисленные выше события, способствовавшие расширению двусторонних связей между Италией и Россией, подтверждают существующий интерес, проявляемый в Италии к изучению и преподаванию РКИ. До середины XX столетия русский язык в Италии изучался лишь в вузах на филологических факультетах. Здесь большинство студентов выбирали русский или для того, чтобы иметь возможность познакомиться с русской литературой в оригинале, или чтобы овладеть языком в целях общения. В наши дни русский язык все чаще изучают в связи с профессиональной деятельностью, а также с развитием сотрудничества между двумя странами на разных уровнях и в различных областях. В связи с этим русский язык стал изучаться и на нефилологических факультетах. Число студентов в этих учебных заведениях увеличивается с каждым годом. Например, в 2015 г. количество учащихся, выбравших русский язык, в ведущих университетах страны достигло 300 чел. (в 2005 г. их было лишь 50 [3]).

В школах также возрос интерес к русскому языку. К примеру, можно отметить деятельность языковых курсов, субботних школ, учебно-образовательных центров для билингвов. Здесь учатся как взрослые, так и дети из двуязычных семей и подростки, которые хотят получить второе образование на русском для того, чтобы общаться на своем родном языке. Эти центры были открыты по инициативе активных русских соотечественников в Италии. Их цель – компенсировать отсутствие образовательной программы по развитию родного языка у русскоязычных детей. Образование в этих центрах построено на индивидуальном подходе и принципе развивающего дифференцированного обучения. Таких школ в Италии немало (субботние школы «Гармония» в Милане, «Русская школа Азбука» в Турине, «Русская школа Парус» в Парме, курсы

для взрослых в учебно-образовательном центре «Академия» в Милане, русская школа и лицей им. Л.Н. Толстого при ассоциации «Русский дом» в Милане) [6].

Та же тенденция отмечается и в государственных школах, где после последней реформы системы образования русский язык изучается не только как третий, но и как второй иностранный язык [3].

За последние 10 лет в Италии проводились различные реформы системы образования, которые привели к появлению следующих учебных циклов.

Первая ступень (I ciclo) включает в себя:

- детский сад (*scuola dell'infanzia*) для учащихся от 3 до 5 лет (3 года обучения – обучение не обязательно);
- начальная школа (*scuola primaria*) для учащихся от 6 до 11 лет (5 лет обучения – обучение обязательно);
- средняя школа первой ступени (*scuola secondaria di primo grado*) для учащихся от 11 до 14 лет (3 года обучения – обучение обязательно).

Вторая ступень (II ciclo) включает в себя среднее образование второй ступени (*scuola secondaria di secondo grado*) для учащихся от 14 до 18 лет (5 лет обучения). Здесь выделяются разного типа лицеи и технические, творческие и профессиональные училища [11: 6–62].

В средне-высших школах (*scuola secondaria di secondo grado*)¹ обычно изучаются два или три иностранных языка. Первый из них – английский. Вторым и третьим обычно являются языки стран, входящих в ЕС, т.е. французский, немецкий или испанский. В последние годы в качестве второго или третьего языка наряду с китайским изучается и русский. На данный момент русский язык изучается как второй или третий иностранный язык в более чем 20 средне-высших школах. С 2010 г. большинство из них входит в «Государственную сеть школьных учреждений Италии и России», учрежденную договором Минобрнауки Италии от 20 апреля 2010 г. в ходе встречи директоров средне-высших школ, желающих внести в свою образовательную программу изучение РКИ и способствовать осуществлению обмена студентами и преподавателями между Россией и Италией. Договор был подписан благодаря интенсивной деятельности преподавателей лингвистического лицея Генуи «Грация Деледда». Это объединение школ является организацией, не зависящей от Минобрнауки Италии, и представляет собой совместный проект, осуществляемый в дополнение к уже достигнутым соглашениям по развитию

¹ Здесь и далее *scuola secondaria di secondo grado* переводится как «средне-высшая школа».

связей между школами Италии и России². На данный момент в это объединение входят 25 учебных заведений, в основном лингвистические лицеи, технические и профессиональные училища по направлениям «Туризм» и «Экономика». Можно, например, указать лингвистические лицеи «Грация Деледда» в Генуе, «Джованни да Сан Джованни» в Ареццо, техническое училище «Галилео Галилей» в Таранто и пр. В этих школах уже много лет преподают РКИ [5].

Согласно государственным образовательным стандартам Минобрнауки Италии, в лингвистических лицеях второй и третий языки, в том числе и русский, изучаются по три часа в неделю в первые два года обучения и по четыре часа в последующие три года, а в технических и профессиональных училищах – по три часа в неделю начиная с третьего года обучения. В конце 5-летнего обучения предусматривается достижение уровня В1 (пороговый уровень) по стандартам документа Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком».

Программа изучения русского языка в названных выше школах различается в зависимости от профиля учебного заведения. В лингвистических лицеях она предусматривает развитие как языковой, так и социокультурной компетенции. В результате обучения учащиеся понимают русскую речь на знакомые темы из разных сфер общения; могут составить устное и письменное сообщение при описании события и обосновании своего мнения; могут общаться на иностранном языке адекватно ситуации и контексту общения. Обучение ведется на изучаемом языке, также используется межкультурный подход с целью показать не только различия, но и сходства двух культур.

В профессиональных училищах изучение русского в качестве второго или третьего языка проводится в соответствии с направлением учебного заведения (язык в сфере туризма или экономики). Следовательно, в конце 5-летнего обучения школьники умеют разрабатывать проекты и представлять услуги в области туризма, они способны составить деловые документы, в том числе и отчеты

о своих профессиональных действиях, использовать современные технические средства коммуникации во Всемирной информационной сети для общения с другими участниками совместных проектов, использовать информационные системы предприятий для осуществления обмена и обработки информации среди членов рабочей группы.

Как лингвистические лицеи, так и профессиональные училища активно сотрудничают с учебными заведениями России. Между ними регулярно проводится обмен студентами и преподавателями. Школьники ежегодно принимают участие в различных зарубежных мероприятиях, в том числе и в олимпиаде по русскому языку в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

Преподаватели РКИ в Италии в большинстве своем являются высококвалифицированными специалистами, имеющими опыт преподавания языка. Преподаватель русского языка в средне-высших школах в Италии должен иметь, во-первых, вторую университетскую степень (*Laurea Specialistica*) по специальности «Иностранные языки и литература», во-вторых, нужно успешно сдать экзамены по русской литературе. Соблюдение этих условий является необходимым для допуска к установленным Министерством образования Италии конкурсным экзаменам на преподавательские места. Для сдачи конкурсных экзаменов уровень знания русского языка должен соответствовать уровню С1 по стандартам Совета Европы. Конкурсные экзамены включают в себя три этапа, где проверяют уровень владения языком и социокультурной компетенцией [10].

Обучение РКИ в большинстве средне-высших школ в Италии осуществляется по учебным материалам, изданным в России и отражающим современный русский язык и современную жизнь страны. При этом стоит отметить большой интерес, проявляемый итальянскими учителями к разработке национально ориентированных учебных пособий для школьников, владеющих итальянским языком. Целью этих учебников является не только повышение уровня практического владения языком, но и формирование межкультурной компетенции. Одним из первых учебных пособий по чтению и развитию речи стало издание «Россия – Италия: Диалог культур», вышедшее в 2011 г. и предназначенное для итальянских студентов гуманитарных факультетов. Однако оно может быть использовано и в школах. Пособие подготовлено авторским коллективом итальянских преподавателей РКИ и сотрудников Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина и издано при поддержке фонда «Русский мир». Оно состоит из двух частей и содержит материалы, соответствующие уровням владения русским языком А1–С1. Материалы учебника призваны показать историческую, культурную и духовную близость

² Среди проектов по развитию сотрудничества между итальянскими и российскими школами можем упомянуть *Rete Progetto Russia*, разработанный в Таранто в 2002 г., *Rete De Dia Eica Sa*, разработанный в Чивидале дель Фриули в 2004 г., *Progetto Italia-Russia*, разработанный в 2005 г. при поддержке Главного управления международных дел Минобрнауки Италии и, наконец, культурный договор между Италией и Россией 2008 г., подписанный в Бари. Здесь же упоминаем уже существующее двустороннее соглашение по способствованию развитию преподавания итальянского языка в России и русского языка в Италии, подписанное в Риме в 2003 г. министром образования Российской Федерации и министром образования Итальянской Республики.

Италии и России. К текстам прилагаются вопросы и задания, побуждающие учащихся к диалогическому общению и монологической речи [2].

Недавно для университетов и лингвистических лицеев Италии было выпущено еще одно учебное пособие по русской культуре и страноведению России для университетов и лингвистических лицеев под названием «Мир тесен». Оно было представлено на XIII конгрессе МАПРЯЛ в сентябре 2015 г. в Гранаде (Испания). Пособие разработано итальянскими и российскими преподавателями. Учебный материал включает в себя две части, необходимые для достижения уровня В1. Пособие не только развивает языковую и коммуникативную компетенции, но главным образом расширяет знания о России, способствуя межкультурному диалогу. Отбор авторами текстов соответствует важнейшим целям обучения: научить учащихся воспринимать изучаемый ими иностранный язык как другой, а не чужой, со своей историей, представлениями о мире и системой ценностей и, соответственно, сформировать языковую личность, уважающую традиции и культуру других народов [3].

Помимо этого сегодня благодаря образовательному portalу Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина «Образование на русском» у итальянских школьников появилась возможность учить русский язык не только в школах, но и дома. Portal предлагает мультимедийный учебный материал по нескольким разделам, направленным на расширение словарного запаса, ознакомление с русской историей и культурой, совершенствование навыков понимания текстов: сказок, стихов и др. как в устной, так и в письменной форме. Задания представлены в основном в игровой форме для успешного восприятия интерактивного материала [5].

Указанные достижения в разработке национально ориентированных пособий свидетельствуют о начавшейся работе над улучшением методического и учебного материала по обучению РКИ в школах и позволяют сделать вывод о необходимости продолжения работы, направленной на совершенствование уже используемых и создание новых учебных пособий, которые отвечали бы требованиям возрастающего числа студентов, желающих изучать русский язык. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Роль русского языка в современном мире: состояние и перспективы // Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира: Сборник материалов Международной конференции 24–26 ноября 2010 г. М., 2011.
2. Бончани Д. и др. Россия – Италия: диалог культур. Пособие по чтению и развитию речи для итальянских студентов-гуманитариев / Д. Бончани, Р. Романьоли, Ю.В. Николаева, С.Л. Нистратова, Е.Г. Ростова. М., 2011.
3. Бончани Д., Романьоли Р., Смыкунова Н.В. Мир тесен: Учебное пособие по русской культуре и страноведению России для университетов и лингвистических лицеев // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.): В 15 т. СПб., 2015.
4. Зюнова Т.В. Российско-итальянские отношения: история и современность // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1.
5. Portal «Образование на русском». rus4chld.pushkininstitute.ru.
6. Сайт Итальянского института в Москве. iicmosca.esteri.it.
7. Сайт Ассоциации российских и русскоязычных соотечественников (АРС). rosinka.info.
8. Сайт Ассоциации итальянских русистов (АИР). air.cliro.unibo.it.
9. Сайт Итало-российской торговой палаты (ИРТП). ccir.it.
10. Сайт Министерства образования и науки Италии. archivio.pubblica.istruzione.it.
11. Calvino R.S. Organizzazione e legislazione scolastica dopo la Buona Scuola. Santarcangelo (Italia), 2015.

Lara Benegiamo

CHARACTERISTICS OF LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE IN ITALIAN SCHOOLS: HISTORY AND CURRENT STATUS

Russian as a foreign language, Russian-Italian relationships, the Russian language in Italy, the teaching of the Russian language in schools, dialogue of cultures.

This article is devoted to the learning of Russian as a foreign language in Italian schools. The author analyses political, social and economic relationships between Italy and Russia in the last century, and shows how they represent an essential prerequisite for the study of the Russian language at the present time. The author highlights the favorable conditions that contributed to the spread of the teaching of the Russian language in Italian schools, and describes educational and methodical aspects of the teaching of Russian as a foreign language at the present time. It should also be noted that there is a trend towards the improvement of educational material on the basis of steadily increasing interest in the study and teaching of the Russian language.

ОБРАЗ РАССКАЗЧИКА В ПОВЕСТИ И.А. ГОНЧАРОВА «СЧАСТЛИВАЯ ОШИБКА»

И.А. БАЛАШОВА
birin5@mail.ru
д-р филол. наук,
профессор
Южного федерального
университета
Ростов-на-Дону, Россия

В.В. РЕЦОВ
goustking@yandex.ru
учитель
русского языка и литературы
МБОУ СОШ №1
Аксайского района
Аксай, Россия

Ключевые слова:
*светская повесть,
романтизм, образ
автора, образ
рассказчика,
авторская ирония*

В статье через обращение к образу рассказчика рассматривается дискуссионный вопрос о жанровом своеобразии ранней повести И.А. Гончарова «Счастливая ошибка». Многие элементы этого произведения (образы автора и рассказчика, авторская ирония, поэтика пейзажа, специфика изображения поэта, восприятие искусства как жизнеутверждающего природного начала) восходят к произведениям классиков русского романтизма А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова. Творческое усвоение начинающим писателем традиций русской романтической литературы свидетельствует о становлении его как автора, формировавшегося под воздействием эстетики романтизма, принципы которой были им усвоены и развиты.

Повесть «Счастливая ошибка» была написана для рукописного альманаха «Лунные ночи» (1839 г.), бывшего одним из домашних журналов семейства Майковых. При этом, по признанию ряда исследователей, она «менее всего была «домашним» произведением» и знаменовала собой «наступление нового этапа в творческом развитии» писателя» [9, 17]. Повесть «уже обнаруживает замечательный талант» [8: 645] и ориентацию И.А. Гончарова «на современную ему «большую» литературу», а именно на жанр «светской повести, мимо которого «в той или иной мере» не прошел «ни один заметный писатель 30-х гг.» [8: 645].

Отличие «Счастливой ошибки» от жанровой традиции светских повестей 1830-х гг. всегда было в центре внимания исследователей. В советском литературоведении ученые, отмечавшие следование Гончарова А.С. Пушкину [15: 123], Н.В. Гоголю, А.С. Грибоедову,

объясняли своеобразие повести ее антиромантической направленностью и наличием в ней реалистического принципа «обусловленности человека средой» [13; 16: 309; 17: 42].

В связи с таким подходом произведение трактовалось как «литературная пародия». Поэтому в поле зрения исследователей, обсуждавших проблему литературных влияний, которые были актуальны для начинающего автора, оказались повести А. Бестужева-Марлинского и Н.Н. Веревкина (А. Рахманного) [3: 157; 9: 196]. Восприятие повести писателя как «антиромантической» не преодолено и сегодня. По-прежнему утверждается, что Гончаров вел борьбу с романтической традицией, и его ирония связана с «переходом от романтизма к реализму» [18: 27]. Однако в ряде работ, уходящих от исчерпавшей себя методологии, осмыслены особенности жанра произведения Гончарова. Они обращаются вновь к особо значимым для писателя традициям Гоголя и Грибоедова, выводящим его повесть за пределы светской и наделяющим ее «жанровыми признаками новеллы» [1: 23].

Эти важные для Гончарова традиции обозначены в эскизах произведения. Они стали камертоном при создании образа повествователя, выработке его иронического и возвышенного стиля, развитии сюжета, в котором рассказчик предстает действующим лицом.

Начиная произведение обращением к читателю, Гончаров напоминает о доверительном тоне рассказчика «Петербургских повестей». Однако Гоголь для автора нового произведения – также создатель образа лирического героя поэмы «Мертвые души». В образе своего повествователя Гончаров соединяет двух героев гоголевской прозы: рассказчика повестей и лирического героя поэмы «Мертвые души», который, кроме

того, является повествующим [12, 14]. Оба они, будучи объединены, усиливают субъектное начало образа рассказчика новой повести. У Гончарова он активен, эмоционален, ироничен. И ему придано еще одно свойство. Это свойство человека, который способен опозитивировать реалии, смотрит на мир глазами поэта и привлекает для подтверждения верности, глубины и значимости своего взгляда авторитет Пушкина. И пушкинская традиция является еще одним и во многом более значимым контекстом нового образного мира: строки поэта вспоминает рассказчик, являющийся также лирическим героем повествования.

Живописуя и восторгаясь сумерками, рассказчик Гончарова называет в числе досадующих на их наступление путника и купца. Он присоединяет к ним живописца и поэта. Оба они герои гоголевских повествований, а также пушкинской лирики. Перед читателем «живописец, не успевший передать полотну заветную мечту», он «с досадой бросает кисть, да поэт, житель чердака, грозит в сумерках проклятиями Аполлона лавочнику, который не отпускает в долг свечей» [7: 65]. Эти свечи поэта выразительны: в них и проза жизни, и высота поэзии, при них пишутся строки стихов, не отпускающих поэта, как грезы, мечты не отпускают живописца. Аполлон, персонаж лирики русского Золотого века, тоже делает проклятия поэта двойственными, облагораживая и одновременно снижая их в произнесении тем, кто их именно произносит, а не проговаривает или выкрикивает, и они также представляют поэта персонажем прозы жизни. Ту же двойственность видел в поэте Пушкин: его поэт суетен, ничтожен, когда не слышит гласа Аполлона, но лишь «божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется, / Как пробудившийся орел» [11: 104]. Гончаров и здесь по-новому, иронизируя, а не только выявляя противоречие, представляет традиционный образ. Пребывая в пределах известных наблюдений о прозаическом и поэтическом, его герой-повествователь продолжает рассказ о тех, кто радуется сумеркам – о мастеровых. Но радость людей, закончивших работу, «то существенная, прозаическая радость, а в сумерках таятся поэтические наслаждения. «Благословен и тьмы приход!» – сказал Пушкин» [7: 65].

Появление строки Пушкина закономерно. Традиция представления поэта вообще как бедствующего жителя чердака восходит к его лицейскому стихотворению, названному им «К другу стихотворцу». Оно стало первым опубликованным произведением, подписанным «Александр Н.к.ш.п.». Юный поэт следовал К. Батюшкову, который воспроизвел известную гравюру

Хогарт У. Бедствующий поэт (XVIII в.)

У. Хогарта «Бедствующий поэт», опубликованную в «Вестнике Европы» и доступную лицейстам. Английский художник XVIII в. изобразил жанровую сцену, когда на чердак, где проживает стихотворец, пришли заимодавцы. Жена его в отчаянии, а поэт устремил мечтательный взгляд в окно, в руке его перо, он ищет рифму. Те же образы встречаются «в сатире Батюшкова «Видение на берегах Леты» и в стихотворении юного Пушкина» [2: 170].

Но и Гоголь видел бедственное положение художника. Герой повести «Портрет» Чартков отдает свой последний двугривенный за мастерски написанный портрет. Его «старая шинель и нещегольское платье показывали в нем того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде...» [4: 67]. Придя к себе, «он вступил в свою переднюю, нестерпимо холодную, как всегда бывает у художников, чего, впрочем, они не замечают» [4: 70].

Гончаров не просто напоминает об этой традиции, он знает, что его предшественники создали образы, верность которых несомненна. Справедливо также ироничное восприятие данного образа, ведь и лирический герой Пушкина предупреждает друга: ищешь и ждешь славы – но вот какова жизнь поэта! Гончарову, присоединяющему к этой палитре свои краски при создании образов творческих личностей, ясно: живописец и поэт выражают и проговаривают главное и значимое иначе, чем то, что слышит обычный человек, но тоже сущностное, – и здесь-то место стиху Пушкина. Строка гения предвещает поэтические откровения рассказчика. Он повествует о сумерках как времени «нежной, мечтательной грусти», он решительно противопоставляет ее «грубой, неприятной», дневной, причины коей «тривиальны – крайняя бедность, потеря родственников и прочее» [7: 66]. Для него сумеречное время – это «время сладостного шепота, робкого признания, пожимания рук и... мало ли еще чего? А сколько радостных надежд и трепетных ожиданий таится под покровом сумерек! сколько приготовлений совершается к наступающему вечеру! О, как я люблю сумерки, особенно когда переносюсь мысленно в прошедшее! Где ты, золотое время? воротись ли опять? скоро ли?..» [7: 66].

Так выражено в повести осознание важности гармоничного существования, противопоставленного «дневному», «прозаическому». И высказывает это повествователь, предстающий объективированным образом, получающий право говорить от своего имени, делиться своим мнением, своими чувствами. Как неотъемлемая часть повести они придают ей новые аспекты и полутона. Разумеется, свобода

самовыражения и общения с читателем – это следствие творческого восприятия традиции, узнаваемой и в теме «золотого времени». Для Гоголя это время юности и детства с их «свежим тонким вниманием». Оно рисовало ему картины жизни тех, кого он встречал, и это творческое состояние известно повествователю Гончарова. А герой поэмы Гоголя признается, что утратил живой интерес, и восклицает, сожалея: «О моя юность! о моя свежесть!» [5: 110].

В поэтичности и гармоничности городского пейзажа Гончаров вновь следует за Гоголем. Его город аккомпанирует состоянию не только рассказчика, но и читателя, вводимого в круг тех же ощущений. Новое обращение к нему в повести имеет целью увлечь читателя особыми впечатлениями и одновременно сделать его участником процесса создания художественного мира: «Посмотрите зимой в сумерки на улицу: свет борется со тьмою; иногда крупный снег вступает в посредничество, угождая свету своею белизною и увеличивая мрак своим облаком. Но человек остается праздным свидетелем этой борьбы: он приумолкает, приостанавливается; нет движения; улица пуста; дома, как великаны, притаились во тьме; нигде ни огонька; все предметы смешались в каком-то неопределенном цвете; ничто не нарушает безмолвия, ни одна карета не простучит по мостовой: только сани, как будто украдкою, продолжают снова вечную основу по Невскому проспекту» [7: 66].

Наблюдательность повествующего, метафоричность его речи создают непривычный резонанс картине, в которой стихия борьбы света и тьмы, тепла и холода гармонизирована впечатлением созданной полостью саней тканной основы будущего полотна, подобно тому, как уже намечено словесное полотно создаваемого и разворачивающегося перед нами повествования.

А вслед за этим видим удерживающее от полета в мир грез ироничное замечание о неосторожных обедающих, которые невоздержанны от обилия еды и спиртного. Упоминание о них стало поводом для создания Гончаровым и его рассказчиком сцен и портретов. «Теперь войдемте в любой дом. Вот общество, собравшееся в гостиной: все тихо, безмолвно; никто не шевелится; разговор медленно вяжется слово за слово, поминутно перерываясь и не останавливаясь на одном предмете. Вглядитесь в физиономии: это самая лучшая, самая удобная минута для изучения настоящего характера и образа мыслей людей. Посмотрите, как в сумерки свободные глаза высказывают то, что задумала голова, как непринужденно гуляют взоры: они то зажигаются страстью, то замирают презрением, то оживляются насмешкой. Тут подчиненный смело меряет глазами начальника с ног до головы;

влюбленный смело пожирает взорами красоту возлюбленной и дерзает на признание; взяточник, хотя шепотом, однако без ужимок объявляет, какую благодарность и в каком количестве чаял бы он получить за дельце, — сколько доверенностей рождается в потемках! сколько неосторожных слов излетает!..» [7: 66–67].

Отметим, насколько разнообразны писатель и его рассказчик в этих подмеченных движениях и как ясны им обоим изменения, происходящие с внесением свеч, которые, как это ни странно, затемняют истинное, человеческое, искреннее в людях. «Но вот несут свечи: вдруг все оживилось; мужчины выпрямились, дамы оправились; разговор, медленно катившийся до тех пор, как ручеек по камешкам, завязывается снова, вступает, подобно могучей реке, в берега, делается шумнее, громче. А какая перемена в людях! подчиненный уж смотрится в лакированные сапоги начальника, влюбленный стоит почтительно за стулом возлюбленной, взяточник кланяется и приговаривает: «Что вы! что вы! какая благодарность! это мой долг!» — неосторожные раскаиваются в своей доверенности, и взоры перестают страстно глядеть; место презрения заглушает сухое почтение или страх» [7: 66–67].

Здесь Гончаров, как отмечалось в связи с противопоставлением В.Г. Белинским юмора Одоевского и Гоголя, и своей иронией следует гоголевской традиции: «Насмешка над героем в его произведениях всегда снисходительная, добрая и мудрая <...> имеющая целью эффект авторской отстраненности» [10: 126].

Писатель создает обобщающий образ своего рассказчика, характеризуя его как «наблюдателя»: «О! будьте только сумеречным наблюдателем... «Но наблюдать, — скажут мне, — в сумерки неудобно, темно». — «Ах, в самом деле! ваша правда». — «Да как же вы упустили это из виду? забыли?» — «Нет-с, не догадался» [7: 66–67].

Как видим, удерживая традицию в поле зрения и постоянного внимания, задавая ее эпиграфами и цитатами, следуя ей стилистически и при создании образа рассказчика, становящегося и героем, как это в лиро-эпосе Пушкина и Гоголя, а также в своей трактовке соотношения прозаического и поэтического, жизненного, «существенного», «дневного» и грезящегося, мечтаемого, измышляемого, «сумеречного», но руководимого наблюдаемым, Гончаров остается писателем-романтиком. Для него соотношение реального и идеального представляется главным как в образе повествователя и стиле, так и в пейзажах, портретах, в самом выстраивании рассказа, в диалоге рассказчика с читателем. И не раз повторено размышление,

наблюдение и изумление этими соотношениями противоположного, столь важными для эстетики романтизма.

В своей ранней повести Гончаров многогочувствее Гоголя и в размышлениях о самом факте творчества и творческого состояния. Для него это и особое проживание в условиях социума (образы поэта и художника, не радующихся ранним зимним сумеркам в Петербурге), и обязательное участие в этом удивительном процессе природных начал (картины зимы и ранних сумерек). Он постигает и природность самого этого явления, процесса, эту многоплановость творчества: оно является само собой, это то, что рассказчиком замечено, представлено, рассмотрено. И создаваемые природой сумерки, ее зима, ее шитье сами собой переходят в рассказываемое, оно же наблюдаемое. И портреты, сцены, очерки — рассмотрены, представлены, и рассказчик их рассматривает, представляет, т.е. также творит. Думается, это как раз та степень вовлеченности Гончарова в очерковый характер литературы 1840-х гг., которая своей творческой стороной была открыта и ему, и Белинскому, и которая, собственно, объясняет содержательный диалог писателя и критика.

Приглашать читателя смотреть и видеть, рассмотреть, а затем прочувствовать видимое и испытать чувства по поводу его образа — такова задача писателя Гончарова. Потому его рассказчик вызывает читающего на разговор, вступает с ним в диалог. И потому состояние влюбленно-молодого человека, его неудержимое стремление к возлюбленной, трепет его сердца, его озноб — не только его состояние. Оно тут же распространено на всякого, т.е. и на читателя, и это еще одно приглашение к вовлечению не только в процесс чтения, но и в процесс сотворения, создания сюжета, события, в определенной мере и жизни, это новое вовлечение в особый мир со-бытия, со-творчества. Сам автор и его рассказчик уже пребывают в этом состоянии, внимая Гоголю, Грибоедову, Пушкину, следуя им в их восприятии мира как части того, что создаваемо также и воображением и что может быть как воспето, так и снижено, достойное то восторга, то иронии.

Начиная буквально живописанием зимних сумерек, которые сами порождают особые миры, преисполненные жизни и животворящие, Гончаров предстает писателем, способным синтезировать достижения словесного и живописного искусств. Его картина, где свет борется с тьмой, где снег усиливает первое своей белизною, а второе своим облаком, предваряет смену наступающей тьмы победой света в мире людей, освещенных внесенными свечами, и разговор, напоминавший ручеек, катившийся

по камешкам, теперь «вступает, подобно могучей реке, в берега, делается шумнее, громче» [7: 67]. Заметим, что открытость писателя миру природы не является простым дополнением и раскрашиванием впечатлений городского жителя. У молодого Гончарова она связана с восприятием творчества как формы воплощения жизненности в ее полноте. В письме А.Н. Майкову 1843 г. он заметил по поводу стихотворения «Кюлизей»: «Эта развалина перед глазами Вашими, освещенная месяцем, под итальянским небом, с роем исторических воспоминаний, должна бы была, кажется, внушить что-нибудь полнее, глубже, отчетливей – нежели то, что Вы написали» [6: 188].

Является ли повесть о счастливой ошибке «светской повестью», какой ее знала русская литература 1830-х гг.? По свидетельству А.Г. Гродецкой, этот вопрос остается дискуссионным: «Сопоставление «Счастливой ошибки» с теми или иными образцами светской повести, как правило, приводит исследователей к выводу либо о «невыдержанности» в ней жанрового канона, либо о пародировании этого канона, последовательном, по мнению одних, или также до конца не выдержанном, по мнению других» [8: 647]. Действительно, индивидуальность рассказчика с его творческим вниманием к высокой литературной традиции и ироничной игрой с заданностью сюжета о влиянии светского общества на героиню, едва не ставшую жертвой увлечения кокетством, с его интересом к творчеству и творцам, его способностью синтезировать возможности разных видов искусства и воплотить идеал высшей гармонии, даруемой любовью, – такая индивидуальность едва ли по росту светской повести. Это определение узко для повести Гончарова, как узко оно для романа об Онегине и драмы о Чацком. Но и повествователям циклов

повестей и поэмы Гоголя, с которыми в значительной степени соотносит своего рассказчика Гончаров, светская повесть не впору. Лишь отдельные ее черты, как и отдельные узнаваемые черты очерка натуралистов, столь же индивидуализированные Гончаровым, напеминают об этом жанре литературы 1830-х гг. И не только убежденность ее автора в верности образа рассказчика у Пушкина и Гоголя придает ей вид, отделяющий ее от общего состояния.

Рассказчик Гончарова сообщает читателям свои мнения, неоднократно прямо обращается к ним («да, позвольте прежде спросить...», «пора, однако, сказать...», «какие вы смешные!», «заметьте, пожалуйста, mesdames, Адуев, а не я...», «заметим мимоходом», «на вас сошлюсь, mesdames») и вступает с ними в диалог («Но наблюдать, – скажут мне, – в сумерки неудобно, темно». – «Ах, в самом деле! ваша правда». – «Да как же вы упустили это из виду? забыли?» – «Нет-с, не догадался»; «Сущий варвар! – скажут читательницы. Но я ссылаюсь на суд читателей»). Таким образом, пушкинская традиция, реализованная в прозаическом повествовании, оказывается у Гончарова также и композиционным приемом, важным при выявлении степени участия в создании произведения его рассказчика, т.е. в степени его авторства.

Кроме того, эта самостоятельность рассказчика позволяет писателю высказывать и собственные мысли, что привносит в повесть свойства очерка.

Итак, образ рассказчика повести И.А. Гончарова «Счастливая ошибка» свидетельствует о творческом усвоении писателем традиций русской романтической литературы и о становлении его как автора, развивающего важнейшие принципы эстетики романтизма. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинова Г.Г. Жанрообразующие традиции в «Счастливой ошибке» И.А. Гончарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 1.
2. Балашова И.А. А. Пушкин и У. Хогарт (проблема рубежа веков) // Античность – Сучастність (питання філології). Донецьк, 2001. Вип. 1.
3. Бродская В.Б. Наблюдения над языком и стилем ранних произведений И.А. Гончарова // Ученые записки Львовского государственного университета. 1949. Т. 11.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1984. Т. 3. Повести.
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1984. Т. 5. Мертвые души. Поэма. Том первый.
6. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1980. Т. 8. Статьи, рецензии, заметки. Письма.
7. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1.
8. Гродецкая А.Г. Примечания к повести «Счастливая ошибка» // И.А. Гончаров. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. Обыкновенная история. Стихотворения. Повести и очерки. Публицистика. 1832–1848.
9. Евстратов Н.Г. Гончаров на путях к роману (к характеристике раннего творчества) // Ученые записки Уральского педагогического университета. 1955. Т. 2. Вып. 6.
10. Ермолаева Н.Л. Эпическое мышление И.А. Гончарова. Иваново, 2011.

11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1981. Т. 2. Стихотворения 1824–1836.
12. Рамазанова П.К. Образ повествователя и структура повествования в повестях Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Известия ДГПУ. 2009. № 2.
13. Рыбасов А.П. И.А. Гончаров (ЖЗЛ). М., 1957.
14. Силина Л.А. Типология повествовательных форм в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя: Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2001.
15. Сомов В.П. Три повести – три пародии (о ранней прозе И.А. Гончарова) // Ученые записки Московского педагогического института. 1967. № 256.
16. Сомов В.П. Пушкинские традиции в прозе И.А. Гончарова 30-х годов // Ученые записки Московского педагогического института. 1969. № 315.
17. Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М., 1950.
18. Шумкова Т.Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX в. в свете традиций немецкого романтизма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007.

I.A. Balashova, V.V. Retsov

THE IMAGE OF THE NARRATOR IN THE NOVEL BY I.A. GONCHAROV *HAPPY MISTAKE*

Secular story, romanticism, image of an author, narrator, author's irony.

In this article the controversial question of genre originality of an early novel by I.A. Goncharov *Happy mistake* is considered through the appeal to the image of the narrator. Many elements of this composition (the images of the author and narrator, the author's irony, poetic landscape, the specific image of a poet, the perception of art as a life-affirming natural origin) dates back to the compositions of the classics of Russian romanticism, such as A.S. Pushkin, N.V. Gogol, A.S. Griboyedov. The creative assimilation Russian romantic literature traditions by novice writer demonstrates his formation as a writer, who was formed under the influence of the Romantic aesthetics, the principles of which he learned and developed.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

20 июля 2016 г. в Москве состоялось награждение лауреатов и победителей **конкурса молодых учителей России и Белоруссии на лучший урок литературы «Сила слова»**. Конкурс был организован Постоянным комитетом Союзного государства России и Белоруссии совместно с МИА «Россия сегодня». В жюри конкурса были приглашены ученые, представители министерств образования стран Союзного государства, СМИ, профессионального сообщества педагогов. Членом жюри стала и ректор Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина М.Н. Русецкая.

Для участия в конкурсе молодым педагогам было необходимо выбрать одну из пяти предложенных тем, разработать сценарий своего урока по литературе и прислать на конкурс презентацию и видеофрагмент урока. Предложенные темы были связаны с героической историей наших стран, идеей служения Отечеству: «Проза военных лет: русские и белорусские писатели против фашизма», «Хроники непобежденного города. «Блокадная книга» Даниила Гранина и Алеся Адамовича», «Души и державы опоры. О служении Отечеству в произведениях русских и белорусских писателей», «Как ветви одного дерева», «Судьбы поэтов России и Белоруссии в XX в.», «Полесская хроника» Ивана Мележа: люди, прошедшие через Время». За три месяца, в течение которых работы принимались на конкурс – с апреля по июль, – оргкомитет получил более ста заявок молодых педагогов из многих регионов России и Белоруссии.

По итогам конкурса определились десять финалистов: Ю. Бояровская из Барановичей, А. Брянцева из г. Заводоуковск Тюменской области, Н. Гресь из белорусского г. Лида, А. Жуковец из Минска, Е. Князева из г. Радужного Владимирской области, Д. Лобанова из Москвы, С. Морозовская из г. Молодечно, О. Пимаева из Могилева, Н. Пронев из Сочи, О. Салищева из Новосибирска.

Все финалисты были приглашены в Москву, где специально для них была разработана интересная и насыщенная программа, в том числе участие в круглом столе «Уроки литературы в Союзном государстве» и дискуссии «Литература в диалоге культур», организован мастер-класс по использованию современных технологий на примере урока «Песенность в поэзии Янки Купалы».

По материалам портала «Образование на русском» (pushkin.institute)

ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ РУССКОГО ЯЗЫКА

В Росийском государственном университете им. С.А. Есенина прошел Всероссийский форум русского языка, посвященный наследию академика И.И. Срезневского. Участники форума – студенты и преподаватели российских вузов, представители академических институтов, научной, педагогической и культурной общности – отмечают высокую актуальность и значимость состоявшегося мероприятия, направленного на реализацию ряда ключевых задач Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг. и других важнейших государственных программ.

По мнению участников форума, особую роль в привлечении внимания молодежи, граждан России всех поколений к вопросам защиты русского языка призвано сыграть созданное недавно «Общество русской словесности», которое возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Целью форума, организованного РГУ им. С.А. Есенина при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации и в сотрудничестве с Правительством Рязанской области, стало продвижение русского языка как фундаментальной основы национальной идентичности в молодежную среду путем активного вовлечения обучающихся в научно-просветительскую и проектную деятельность.

В форуме приняли участие студенты, представляющие 32 образовательных организации высшего образования РФ, 27 субъектов РФ и 9 федеральных округов России. В оргкомитет форума поступило 82 проекта, разработанных авторами-студентами и студенческими авторскими коллективами. По итогам экспертизы, проведенной координационным советом форума, к очному участию были приглашены авторы 44 индивидуальных и коллективных проектов.

В экспертный совет форума вошли ведущие российские ученые-лингвисты, представляющие Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Российский университет дружбы народов, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Московский государственный областной университет, РГУ им. С.А. Есенина.

Широта тематики представленных студенческих проектов, качество их проработки показали, что молодежь России в полной мере осознает

необходимость активного участия в реализации государственной политики в сфере поддержки и популяризации русского языка в России и за рубежом. Молодое поколение страны видит свою важную роль в распространении и продвижении русского языка как основы великой русской культуры, как непреходящей духовной ценности в формировании национального самосознания, единого культурно-образовательного пространства многонациональной России, эффективного международного диалога.

Особое внимание авторы проектов уделили таким проблемам, как патриотическое воспитание через язык, литературу и культуру; влияние современной информационной среды на грамотность населения; языковой облик современных российских городов; русский язык в полиэтническом пространстве российских территорий, в том числе Республики Крым; роль русского языка в подготовке молодых профессионалов XXI в.; проблемы языковой экологии и сохранения языковой культуры в молодежной и подростковой среде.

В центре внимания авторов представленных работ были также актуальные вопросы лексикологии и лексикографии, истории русского языка, сравнительно-исторического языкознания, культуры речи, взаимодействия русского и иностранных языков.

Многие студенческие проекты содержат ценные предложения об использовании современных коммуникационных технологий продвижения русского языка в СМИ, в частности, с помощью Интернета. Особый интерес представляют проекты электронных словарей национальных, территориальных, профессиональных сообществ, виртуальных литературных словарей и экскурсий, интернет-порталов, медиаплатформ и онлайн-словарей русского языка.

Предложены оригинальные интерактивные формы популяризации русского языка в молодежной среде: лингвистические фестивали, форумы и языковые школы, курсы ораторского мастерства в технических вузах, студенческие радиопрограммы, направленные на повышение речевой культуры обучающихся, студенческое телешоу «Грамотей» и т.д.

Участники форума констатировали, что в сфере функционирования русского языка как

внутри страны, так и за ее пределами существует немало проблем, требующих повышенного внимания со стороны государства и общества, научной мысли и образовательной практики. В их числе – снижение международного статуса русского языка, дискриминация русского языка на Украине и в странах Балтии, другие проявления «лингвистического национализма» на постсоветском пространстве, тенденция нарушения баланса национально-русского двуязычия в отдельных национальных субъектах РФ, продолжающаяся экспансия английского языка как опорного языка глобализации.

Особую обеспокоенность вызывает состояние языковой среды в СМИ. На центральных телеканалах недостаточно тематических рубрик, связанных с пропагандой национального культурно-языкового наследия, прививающих зрителю навыки речевой культуры, воспитывающих любовь к русскому языку.

Особенно тревожит языковая ситуация в подростковой и молодежной среде. Поколение Интернета предпочитает молодежный сленг и иногда владеет родным русским языком хуже, чем иностранцами. Все это наносит невосполнимый урон культурному иммунитету нации, духовно-нравственному состоянию подрастающих поколений.

Поэтому совершенствование государственных стандартов, содержания и методов языкового образования является актуальнейшей задачей государственных образовательных институтов, средней и высшей школы.

Неотложными задачами, по мнению участников форума, являются:

- совершенствование государственной языковой политики как важнейшего фактора укрепления федерализма на всей территории России;
- разработка этико-правовых механизмов в осуществлении социальных функций русского языка в системе массовых коммуникаций;
- качественное улучшение подготовки кадров учителей русского языка, повышение языковой культуры преподавателей нефилологических дисциплин, в том числе на основе применения современных инновационных методик и совершенствования системы повышения квалификации педагогов;
- более активное использование государственных и общественных механизмов влияния на продвижение и поддержку русского языка в странах зарубежья;
- повышение языковой речевой культуры населения во всех видах речевой деятельности.

Участники форума выступили с предложением:

Министерству образования и науки Российской Федерации

- продолжить практику проведения студенческих форумов и фестивалей, посвященных актуальным проблемам изучения, популяризации, поддержки и продвижения русского языка в России и зарубежье;

- инициировать проведение мероприятий по изучению и пропаганде вклада выдающихся людей в отечественную науку, культуру, образование.

Федеральному агентству по делам молодежи

- развивать опыт проведения международных молодежных школ и лагерей, направленных на продвижение русского языка, привлечение внимания молодежи зарубежных стран к изучению русского языка;

- поддерживать молодежные проекты, посвященные пропаганде национального культурно-языкового наследия;

Министерству культуры Российской Федерации

- активнее привлекать лучшие творческие силы, учреждения культуры и искусства к пропаганде ценностей русского языка, русской литературы и культуры в российском и мировом культурном пространстве;

Федеральному агентству по печати и массовым коммуникациям

- поддерживать и продвигать в средствах массовой информации наиболее перспективные проекты, направленные на популяризацию русского языка и культуры речи, содержащие национальные языковые эталоны;

- рекомендовать федеральным и региональным телевизионным агентствам создать цикл образовательных передач по русскому языку;

- издать и переиздать в образовательных целях труды классиков отечественной филологии и архивные материалы, в первую очередь И.И. Срезневского.

органам исполнительной власти субъектов РФ

- рассмотреть возможность создания Советов по русскому языку при главах регионов;

- повышать ответственность государственных и муниципальных служащих в сфере культуры деловой речи;

- способствовать созданию системы региональных и муниципальных справочных служб и консультирования населения по вопросам русского языка и речевой культуры.

«Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем», – эти слова академика И.И. Срезневского могут служить добрым напутствием для молодого поколения XXI в. в благородном деле поддержки и защиты русского языка – языка великой русской культуры.